

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

НАЗИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН В
ЭТНОНИМИЧЕСКОМ И ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОМ
АСПЕКТАХ**

Специальность: 07. 00. 03 – всеобщая история.

**Научный руководители
доктор исторических наук, профессор**

В. А. САФРОНОВ

доктор филологических наук, академик РАН

О. Н. ТРУБАЧЕВ

Москва – 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	7
А) ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ.....	7
<i>Славянские источники о происхождении славян</i>	7
<i>Древнейшие известия о славянах</i>	9
<i>Античные источники о паннонцах и восточноевропейских венетах</i>	18
Б) ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.....	21
<i>К постановке проблемы</i>	21
<i>Славянские предания о дунайской прародине</i>	22
<i>Славянские этногенетические теории XV – XVIII вв.: иллиризм и сарматизм</i>	25
<i>Происхождение славян в работах П. Й. Шафарика и Л. Нидерле</i>	30
<i>Польский автохтонизм 30 – 40-х гг. XX столетия и открытие пражской керамики</i>	32
<i>Классификация раннеславянских древностей в отечественной науке</i>	36
<i>Вопросы происхождения славян в современной археологии</i>	40
<i>Проблемы этногенеза славян в современной лингвистике</i>	47
<i>Перспективы поиска древних славян на Дунае</i>	53
<i>Проблема начала славянской истории</i>	55
<i>Основные выводы</i>	59
ГЛАВА ВТОРАЯ. СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ: PANNONII – ΣΚΛΑΒΗΝΟΙ – СЛОВЕНЕ.....	61
А) “СОБСТВЕННО СЛАВЯНЕ” НА ДУНАЕ В КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ВРЕМЯ.....	61
<i>Два значения этнонима “славяне”</i>	61
<i>О самоназвании словаков</i>	66
<i>“Славяне” и хорваты в средневековой Венгрии</i>	69
<i>О венгерском названии славян tótok</i>	76
<i>Паннонославянский язык как диалект дунайских “славян”</i>	78
<i>О племенном названии дунайских “славян”</i>	81
<i>Территориальное деление дунайских “славян”</i>	84
<i>Проблема дулебов</i>	89
Б) СЛАВЯНЕ НА СРЕДНЕМ ДУНАЕ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (V – VIII вв.).....	95
<i>Расселение “славян” (Sclaveni, Σκλαβηνοι) по сведениям Иордана и Прокопия</i>	95
<i>Паннонские славяне — пришельцы или коренные жители?</i>	101
<i>Этническая приемственность провинциально-римского и славянского населения Паннонии в VI – VIII вв.</i>	114
<i>Нарцы, скоморохи и бродники на Дунае в V – IX вв.</i>	122
<i>Этническая принадлежность паннонцев по известиям Приска Панийского, Юлия Африкана и Аппиана Александрийского</i>	137
<i>Паннонские и дакийские славяне у Псевдокесария и в Чудесах св. Димитрия Солунского</i>	147
В) “СОБСТВЕННО СЛАВЯНЕ” В РИМСКОЕ ВРЕМЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ САМОНАЗВАНИЯ *SLOVĚNE...156	156
<i>“Славяне” и “немцы”</i>	156
<i>Проблема типологического тождества самоназваний славян, албанцев и басков</i>	160
<i>Причины и условия возникновения этнонима *slovĕne “славяне”</i>	164
<i>Лингвистические свидетельства проживания “собственно славян” в пределах Римской империи</i>	172
<i>Основные выводы</i>	174
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. “ВЯТСКИЕ” СЛАВЯНЕ: VENETHAE – ANTOI – ЛЯХИ.....	176
А) ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТОВ	176
<i>Постановка проблемы</i>	176
<i>Анты и “Украина”</i>	177
<i>Анты и их археологический эквивалент</i>	182
<i>Анты и венеты</i>	189
Б) САМОНАЗВАНИЕ АНТОВ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА	195
<i>Об этнониме ’Avrai / Antes</i>	195

<i>Анты и ляхи</i>	196
<i>Венеты и ляхи</i>	202
<i>Венеты, вятичи и удмурты</i>	205
<i>Венеды в Восточной Европе II – V вв. н. э.</i>	211
<i>Праславянское самоназвание антов</i>	213
В) ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОИСКА ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН	216
<i>Двоичное деление праславян по словацким материалам</i>	216
<i>Двоичное деление праславян на сербо-лужицком материале</i>	220
<i>“Вятское” переселение на Балканы в начале VII вв.</i>	223
<i>Где появился праславянский язык?</i>	226
<i>Основные выводы</i>	228
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	233
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	262

ВВЕДЕНИЕ

Ни один смертный не может прийти
в этих вопросах до истинной сути.

Винко Прибоевич.

(De origine succesibusque Sclavorum

“О происхождении и успехах славян”, 1525 г.)

Актуальность исследования. Начальная история славян, местонахождение их прародины, время образования праславянского языка и ряд других вопросов славянского этногенеза уже на протяжении многих десятилетий относятся к числу проблем, интерес к которым с течением времени не только не ослабевает, но даже усиливается. Однако, несмотря на усилия многих поколений исследователей, введших в оборот огромное количество научного материала, до сих пор остаются не до конца выяснены ряд ключевых вопросов. Время возникновения славян в разных исследованиях колеблется в интервале от бронзового века до начала Великого переселения народов (приблизительно XV в. до н. э. — V в. н. э.), существует также по меньшей мере четыре основных варианта славянской прародины. Сами этногенетические исследования все более смещаются в сферу лингвистики и археологии, что осложняет проверку полученных, зачастую гипотетических выводов, надежными показаниями письменных источников. Такое положение дел настоятельно требует появления новых междисциплинарных исследований, в которых во главу угла вновь ставились бы собственно исторические материалы, что позволило более глубоко осмыслить накопившиеся проблемы.

Цели и задачи работы. Основная цель исследования состоит в реконструкции начальных этапов ранней истории славян с точки зрения славянской этнонимии и этногеографии. Ключевое значение при этом прида-

ется проблеме самоназвания **slověne* “славяне”. К числу главных задач, поставленных в настоящем исследовании следует отнести вопрос об историческом содержании, смысле и значении этого этнонима в письменных источниках, а также вопрос о причинах и обстоятельствах его появления. Без ответа на вопрос где, когда и в связи с чем стало возможно возникновение славянского имени нельзя не могут быть удовлетворительно разрешены и более общие проблемы этногенеза славян.

Научная новизна исследования. Работа представляет собой первое исследование, где четко и ясно разграничиваются понятия “славянского” и “праславянского”. Это положение имеет принципиальное значение, поскольку переводит избранную тему в совершенно определенную плоскость. Вместо поиска предков славян (то есть праславян), когда исследование поневоле сводится к построению более или менее длинной ретроспективы таких (пра)предков, как правило, в виде череды археологических культур с весьма ненадежно обоснованным начальным звеном, мы предлагаем искать в источниках самих “славян”, а именно носителей самоназвания **slověne*, либо под их собственным, либо под каким-либо иным именем. Несмотря на то, что такой подход находит надежную основу в письменных источниках, — а даже беглое знакомство с которыми убеждает, что не всякий называвший свой родной язык “славянским” считал себя “славянином”, — попытки начинать историю славян с возникновения самоназвания “славяне” никогда всерьез не предпринималось. Это приводило к тому, что каждый исследователь подразумевал под (пра)славянами нечто свое, что приводило и приводит к взаимному непониманию. В нашем исследовании под праславянами понимаются языковые предки современных славянских народов, до появления в их среде этнонима **slověne*. Строгое разграничение “славян вообще”, как просто славяноязычного населения, от “собственно славян” — носителей самоназвания “славяне” и составляет научную новизну предлагаемой диссертации.

Методология исследования определяется диалектическим подходом к изучению избранной темы, что потребовало применения проблемно-исторического анализа, комплексного использования и сопоставления источников. В исследовании последовательно используется сравнительно-исторический метод исследования, повышенное внимание уделяется конкретно-историческому, содержательному рассмотрению изучаемых вопросов.

Хронологические и географические рамки исследования. Настоящая работа рассматривает в первую очередь Среднее Подунавье в III – IX вв. н. э.: от “кризиса III века” в Римской империи до венгерского завоевания Паннонии. По нашему мнению, этими временными рамками ограничивается существование “собственно славян” как начальный этап истории современных славянских народов. Вместе с тем комплексное изучение данного вопроса оказалось невозможным без обращения к более раннему, праславянскому материалу, как и сведениях о средневековых славянах. В связи с этим широкие хронологические рамки исследования расширяются от рубежа бронзового и железного века в Паннонии, до турецкого нашествия (начало I тыс. до н. э. – нач. XVI в.).

Практическое значение исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы для уточнения и расширения соответствующих разделов общих курсов по истории древнего мира и средних веков, чтении специальных курсов по истории Византии, южных и западных славян, а также при проведении семинаров и организации научно-исследовательской работы студентов.

Апробация диссертации. Диссертация обсуждалась на кафедре истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета и была рекомендована к защите 27 марта 2003 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и используемой литературы, кроме того, в конце работы помещен список используемых в работе сокращений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

А) Обзор источников

Сложность выбранной темы и междисциплинарный характер исследования требуют широкой источниковедческой основы. В нашей работе используются в первую очередь письменные источники, а также привлекаются материалы, предоставленные смежными науками — лингвистикой и археологией.

Совокупность древних письменных известий, необходимых для изучения ранней истории славян, в рамках нашего исследования целесообразно разделить на три тематические группы. К первой из них относятся славянские источники так или иначе касающиеся вопроса происхождения славян. Ко второй следует причислить корпус древнейших известий о славянах. К третьей — письменные памятники, освещающие древнюю историю Среднего Подунавья (Паннонии), где, согласно славянским преданиям, помещалась прародина славян.

Славянские источники о происхождении славян

Самые ранние известия о происхождении славян содержит русская «Повесть временных лет». Это условное название дано общей начальной части древних русских летописей, охватывающей историю славян и Руси с древности по начало XII в. и относительно единообразно сохранившейся в большинстве летописных сводов. Повествование в них открывается словами: «Се повесть времяньныхъ летъ...». Историография по русскому летописанию необычайно богата (работы А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова, А. Г. Кузьмина, Я. С. Лурье, Б. М. Клосса), поэтому ограничимся самой краткой справкой.

Первую попытку издания «Повести временных лет» предпринял Л. И. Лейбович (1876). Предложенный им текст представлял собой механическую сшивку из кусков различных летописей и по этой причине не

мог иметь самостоятельного научного значения. Второе издание “Повести” осуществил выдающийся знаток русского летописания А. А. Шахматов (1916 – 1917). Но и этот текст представляет большую ценность для филолога, нежели для историка, поскольку является реконструкцией, построенной на достаточно спорных основаниях. Сам исследователь предостерегал от использования своей “Повести” в качестве исторического источника.

В современной науке используется третье издание “Повести временных лет”, подготовленное Д. С. Лихачёвым в 1950 году, на основе Лаврентьевской летописи (1377), древнейшего из сохранившихся летописных списков. Он был сделан по заказу нижегородского князя Дмитрия Константиновича (втор. пол. XIV в.) с “ветхого летописца”, оканчивавшегося 1305 г. Рассказ, подобный Лаврентьевскому, содержится в Радзивилловском и Московском академическом своде. Несколько отличной от Лаврентьевского списка является “Повесть временных лет” в южнорусской Ипатьевской летописи и близком к ней Хлебниковском списке. Их известия послужили важными дополнениями к рассказу Лаврентьевской летописи. По мнению современных исследователей, начальная летопись трижды подвергалась редактированию. Первая редакция летописца Нестора не сохранилась, вторая, исполненная игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром в чистом виде до нас также не дошла, и в большей степени её отражают списки типа Лаврентьевского. Свой окончательный облик “Повесть временных лет” приобрела в окружении князя Мстислава Владимировича (1125 – 1132) и эта последняя редакция запечатлелась в Ипатьевской летописи. “Повесть временных лет” представляет собой источник первостепенной важности: в ней содержится древнейший рассказ о происхождении славян, написанный на их родном языке, что позволяет непосредственно судить о славянском самосознании в XI – XII вв.

К “Повести временных лет” примыкает обширная Кирилло-мефодиевская традиция, послужившая одним из важнейших источников раннего русского летописания. К ней относятся в первую очередь Жития св. Кирилла и Константина, а также их учеников; разнообразные материалы, касающиеся пребывания “первоучителей словенских” в Паннонии и Моравии в IX столетии. Подборка соответствующих известий на славянском, греческом, латинском и др. языках издана в Чехословакии в составе четырёхтомного свода источников по истории Великой Моравии [Magnaе Moraviae Fontes Historici, Vno, 1966 – 1971]. В первом томе изданы отрывки из каролингских хроник IX – X века, во втором и третьем содержатся агиографические и географические памятники, в четвертый том вошли актовые и эпистолярные материалы. Наряду с чешским изданием имеется подборка документов по истории Великой Моравии выпущенная в Словакии под редакцией П. Раткоша [Pratene, 1968]. В этом сборнике приведены отрывки из латинских хроник IX – начала XII вв., описывающие события от разгрома аварского каганата франками до завоевания Паннонии Венграми (конец VIII – начало X вв.). Житие Константина Философа и “Сказание о письменах” Черноризца Храбра изданы также на русском языке Б. Н. Флорей [Флоря, 2000]. Исторические известия, освещающие деятельность Кирилла и Мефодия, представляют собой важный источник по истории дунайских славян в IX – нач. X в. Хотя в них отсутствуют прямые свидетельства о происхождении славян, мы тем не менее можем судить об этническом самосознании дунайских славян, живших как в пределах Великой Моравии, так и франкского и болгарского государств.

Древнейшие известия о славянах

Вторую группу письменных источников, использованных в диссертационной работе, представляют собой древние и раннесредневековые авторы, писавшие до того времени как появилась собственно славянская письменность (IX в.) и славянская историография (XI в.). Известия этих

писателей, преимущественно греческих или латинских, в виде разной величины отрывков содержатся в различных по объёму сочинениях. В связи с этим уже давно предпринимались попытки сведения воедино этих разнообразных материалов. Первый опыт такого собрания принадлежит дубровчанину Мавро Орбини, издавшему в самом начале XVII в. своё сочинение *Il regno degli Slavi* “Славянское царство”, переведённое столетие спустя на русский язык и ставшее широко известным образованному южнославянскому (православному) обществу². В настоящее время имеется ряд русских и зарубежных сводов по ранним славянам. Польское издание, осуществлённое М. Плезей, задумывалось как собрание источников по ранним славянам вообще. Особенностью его является территориальный признак подбора материалов, когда учитывалось не только источники о славянах как таковых, но вообще о народах, проживавших в древности на славянских землях, начиная от “Истории” Геродота и кончая свидетельствами авторов IX в. Феофана и Никифора [Plezia, 1947, 1952].

Болгарская серия *Извори за българската история* была задумана как свод иноязычных источников (греческих, латинских, турецких) по отечественной истории. Сведения о ранних славянах, начиная от первых известий и до начала IX в., содержатся в I – III томах греческих и I томе латинских авторов [ГИБИ, ЛИБИ]. Поскольку целью издания было освятить историю Болгарии и болгар, в нем, помимо сведений о славянах, содержатся подробные известия о Балканах и Подунавье в эпоху поздней античности и о варварских племенах, имевших то или иное отношение к этногенезу болгар. К достоинствам издания следует отнести параллельное расположение оригинального и переводного текста на каждой странице,

¹ *Il regno degli Slavi* hoggi corrotamente detti Schavoni, historia di don Mavro Orbini ravseo abbatae melitense. Pesaro, MDCL.

² Книга историография початия имене, славы и разширения народа славенского. М. Орбини. СПб., 1722.

что заметно облегчает работу, к недостаткам — чрезвычайную краткость подстрочных комментариев.

Практически одновременно с болгарским вышло подобного рода сербское издание *Византијски извори за историју народа Југославије*, в первый том которого (1955 г.) включены византийские авторы с VI по начало X столетия. В отличие от болгарского собрания не приводятся оригинальные тексты, переводы даются значительно короче, однако эти особенности искупаются подробным комментарием, не утратившим своего значения вплоть до настоящего времени. Таким образом, болгарский и сербский своды взаимно дополняют друг друга и представляют собой весьма удобное собрание, которым исследователи охотно пользуются и в настоящее время.

В последние десятилетия в России и Польше были изданы новые своды источников по ранним славянам [Testimonia, 1989; Свод, 1990; 1994; 1995]. Издания основаны на ряде таких принципов, как обязательное приведение текста на языке оригинала, научная критика источника, учёт контекста, подробный историко-филологический комментарий и пр. [Свод, 1990. С. 8]. Польский и русский своды несколько отличаются по принципу выбора цитируемых авторов. Польские исследователи используют все материалы, которые с высокой степени вероятности можно отнести к славянам, причём само имя славян может при этом отсутствовать в выбранном тексте. Напротив, русское издание (“Свод древнейших письменных известий о славянах”, в 2-х тт. в дальнейшем: “Свод”) придерживается более жестких правил, когда привлекаются только те источники, где речь идет именно о славянах. Исключение составляют лишь известия VI – VII вв. об антах, чья тесная связь со славянами не вызывает сомнений, а также ряд свидетельств I – VI вв. о венедах (венетах), поскольку в науке пользуется широким признанием тезис о том, что славяне впервые появились в истории именно под этим названием [Свод, 1990. С. 10]. Широко

распространено в науке и мнение, что в сочинении Приска Панийского (середина V в. н. э.) содержатся сообщения о славянах, будто бы уже в то время проживавших в Паннонии, хотя сам автор не называет их ни венедами, ни славянами. Поэтому соответствующие отрывки из труда Приска также были включены в “Свод” [Свод, 1990, С. 11].

Рассматриваемое издание состоит из двух томов. Первый охватывает время от I до рубежа VI/VII вв., второй — от конца VI в. до начала IX столетия. В первый том, издававшийся дважды (1990, 1994 гг.), вошли отрывки из 19 памятников, во второй (1995 г.) — 43-х, на греческом, латинском и восточных языках. В настоящей работе из ранних письменных свидетельств о славянах используются в первую очередь известия Приска Панийского, Иордана, Прокопия Кесарийского, Феофилакта Симокатты, Марцеллина Комита, Псевдо-Кесария, извлечения из сборника Чудес св. Димитрия Солунского и Хроники Фредегара.

Приск (ок. 410 — ок. 475 г.) происходил из фракийского города Пания (*Πάνιον*). Название его исторического сочинения точно неизвестно. Полагают, что оно называлось *Ἱστορία*. Отрывки из него сохранились у Константина Багрянородного, в словаре “Суда”, у Прокопия, Иордана, Евагрия, в Пасхальной хронике, у Феофана и охватывают время с 433 по 471 год. Господствует мнение, что Приск довёл свой труд до конца правления Льва I (474 г.) Сочинение Приска было продолжено Малхом Филладельфийским, а сам Приск был продолжателем либо Зосима (до 411 г.), либо Олимпиодора Фиванского (до 425 г.). Фрагменты Приска неоднократно переиздавались, из последних можно назвать публикацию Р. С. Блокли [Blockley, 1981 – 83] с английским переводом. Существует полный и в целом удачный русский перевод [Дестунис, 1861]³.

³ См. также: Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1.

В 448 г. Приск в качестве секретаря находился в составе посольства восточноримского императора Феодосия II (408 – 450) к Аттиле. Многие исследователи полагают, что “туземные” слова, записанные Приском во время путешествия, имеют славянское происхождение, что может служить косвенным свидетельством проживания славян на Среднем Дунае до того как их имя было засвидетельствовано у Прокопия и Иордана (VI в.). Соответствующие отрывки Приска изданы в I томе “Свода” [С. 81—96].

Важные сведения о славянах содержатся в труде Иордана, происшедшего скорее из варварской среды и служившего нотарием у одного из аланских вождей. Точные годы жизни Иордана неизвестны, трудно сказать что-либо и о его этнической принадлежности; некоторые отождествляют его с Иорданом, епископом г. Кротона в Южной Италии. Его перу принадлежат сочинения *De summa temporum uel origine actibusque gentis Romanorum* “О сумме времён или о происхождении и деяниях римского народа, кратко *Romana*, а также сокращенное изложение труда Кассиодора, названное *De origine actibusque Getarum* “О происхождении и деяниях гетов”, кратко *Getica*). Оба сочинения были закончены к 24 году правления Юстиниана (550/551 гг.) Научное издание “Гетики” впервые осуществил Т. Моммзен (1885 г.); на этой основе сделан комментированный русский перевод Е. Ч. Скржинской [Иордан, 1960; 2-е изд. 1997, 2001], не свободный, впрочем, от ошибок [Свод I. С. 98]. Новейший перевод отрывков “Гетики” касающихся славян содержится в первом томе “Свода” [С. 98—169], хотя комментарий соответствующих отрывков не получил поддержки у редакторов сборника [Свод I. С. 15].

“Гетика” представляет собой источник первостепенной важности, поскольку в ней имеются сведения о расселении славян и антов, о взаимном отношении этнонимов “славяне”, “анты” и “венеды”, а также о столкновении готов с венетами и антами в IV в. неизвестными из других па-

мятников. Упомянуты Иорданом и т. н. “скамары” (о них также у Евгиппия, см. ниже).

Из всех ранних авторов, писавших о славянах и антах, наиболее подробные сведения приводит Прокопий, уроженец Кесарии в Палестине (между 490 и 507 гг.). Прокопий известен, как автор трёх произведений. Первое называется “Книги о войнах” и делится на три части: “Персидская война” (кн. I – II), “Вандальская война” (кн. III – IV), “Готская война” (кн. V – VII), а к последней примыкает написанная позднее книга VIII “Пестрая история”. Второе произведение, т. н. “Неизданное” известно в настоящее время под названием “Тайной истории”. Заглавие последней работы точно неизвестно: она называлась либо “О постройках владыки Юстиниана”, либо “О сооружениях императора Юстиниана”.

Новейшее издание всех трудов Прокопия осуществил Дж. Хаури [Procorii, 1962 – 64]. На русский язык переведены все произведения Прокопия, в том числе “Война с готами” (пер. С. П. Кондратьева, 1950), “О постройках” (пер. С. П. Кондратьева, 1938, 2-е изд. 1996). Новейший перевод “Войны с персами”, “Войны с вандалами” и “Тайной истории” выполнен А. А. Чекаловой (1993).

Известия о славянах и антах содержатся в V – VIII книгах “Войн”, в “Тайной Истории” и сочинении “О постройках”. Источник даёт ценные сведения как о взаимоотношениях славян и антов с Империей ромеев и между собой, так и географии их вторжений на Балканский полуостров. Среди названий крепостей перечисленных Прокопием в “О постройках” содержатся род имён, которые следует считать славянскими [Свод I, 1990. С. 82, 242]. Все упомянутые фрагменты учтены в первом томе “Свода” [С. 170—250].

Первым упоминанием славян долгое время считалось сочинение, приписываемое в древности Кесарию Назианзину, брату знаменитого Григория Богослова (IV в.). В настоящее время принято считать, что за этим

именем скрывается некий монах константинопольского монастыря Акомитон, писавший свой труд “Ответы на вопросы” в середине VI века. Около 920 г. “Ответы” были переведены на славянский язык⁴. Главная ценность “Ответов” и их старославянского перевода заключается в том, что с их помощью можно установить соответствия между позднеантичной и славянской (в том числе и русской летописной) этнонимическими системами. Греческий текст отрывка из труда Псевдо-Кесария с русским и славянским переводами также издан в первом томе “Свода” [С. 251—59].

Менандр Протиктор, продолжатель Агафия Миринейского, писал свою “Историю” после 582 г. Сочинение охватывает события с 50-х годов VI в. до августа 582 г., когда императором стал Маврикий (582 – 602). Сохранившиеся отрывки “Истории” полностью изданы (последнее издание — Blockley, 1985), имеется и полный перевод на русский язык со старого латинского парафраза Менандра — *Cantoclarus*'а [Дестунис, 1861]. В “Истории” Менандра Протиктора сообщаются ценные сведения о взаимоотношениях славян и антов с кочевниками-аварами, а также важные указания на пути переселения последних в Среднее Подунавье, необходимые для разрешения вопроса о расселении славян в Паннонии. Необходимые отрывки Менандра содержит первый том “Свода” [С. 311—56]

“Историю” Менандра продолжил Феофилакт Симокатта (80-е годы VI в. – после 641 г.) [Свод II. С. 10—64], последний представитель греческого историописания. Преемственность не прерывалась со времён Фукидида. “История” Феофилакта была написана между 610 и 630 гг., охватывая царствование Маврикия (582 – 602 гг.), когда Империи вела затяжные войны против персов (80-е годы VI в.) и против авар и славян (90-е годы VI в.), причём многие сведения историк передаёт со слов очевидцев. “История” неоднократно издавалась, последний раз П. Виртом [Theophylacti, 1972]. Русский перевод, правда наименее точный, выполнил в 1957 г.

⁴ Четыре беседы Кесария или вопросы св. Сильвестра и ответы препод. Антония. М., 1890.

С. П. Кондратьев [Феофилакт, 1957, 1996]. Славянские отрывки “Истории” изданы во втором томе “Свода” [С. 311—56].

Наибольшую ценность для нашей работы представляют сведения Феофилакта о древнем имени славян *Γέται*, перекликающиеся с известиями Марцеллина Комита (см. ниже); кроме того, Феофилакт — последний историк, упоминающий об так незываемых антах (см. гл. III).

Среди ранневизантийских известий о славянах подробностью и богатством выделяются материалы из собрания чудес св. Димитрия Солунского (память 26 октября), святого покровителя Иллирика, казнённого при Максимиане (293 – 311). Полагают, что историческим прототипом святого Димитрия мог быть мученик Димитрий Дьякон из Сирмия, почитание которого было перенесено в Солунь (Фессалоники) из первой столицы Иллирика Сирмия после разрушения города готами в 441 году.

Имеется два собрания чудес. Первое, содержащее описание 15 чудес было составлено Иоанном, арх. Солунским (кон. VI – пер. пол. VII в.) во времена царя Ираклия (610 – 641) и охватывает царствование Маврикия и Фоки (582 – 610 гг.). Спустя 70 лет в Солуни было сделано второе собрание, состоящее из 6 глав. Сведения об осадах славянами Фессалоники содержатся в 12 – 15 главах первого Свода и во всех главах второго. Полное издание Чудес св. Димитрия до сих пор отсутствует. Славянские отрывки были изданы и прокомментированы П. Лемерлем [Lemerle P. 1979 – 81]. На русском языке, комментированный перевод фрагментов “Чудес” включён в состав второго тома “Свода” [С. 91—211].

В “Чудесах”, где описаны славянские нападения на Фессалонику, большую ценность представляют как названия славянских племён-участников осады, находящие соответствие в русской летописи (напр.: *Дрогоубѣти* “дреговичи”), так и свидетельства о переселения на юг Балканского полуострова части коренного населения Среднего Подунавья.

Еще одним важным источником о ранних славянах является “Хроника” Псевдо-Фредегара — единственное значительное историческое произведение, созданное во франкском государстве в VII в. Хроника написана около 660 г. автором романского происхождения. В XVI в. некий эрудит отметил на полях рукописи: “Полагаю, что это архидиакон Фредегар” [Свод II. С. 364]. “Хроника” состоит из 4-х книг, охватывая время от древнейших времен до 642 года, причём оригинальное изложение представляют только события 582 – 642 гг. Сочинение дошло до нас в более чем 30 списках, древнейших из них датируется концом VII – началом VIII в. Текст “Хроники” издан в 1888 г. Б. Крушем [MGH SRM. V. 2.]. Извлечения, где речь идет о славянах, включены во 2-й том “Свода” [С. 364—98]. Псевдо-Фредегар приводит довольно ясное свидетельство о взаимоотношениях между аварами и покорённым славянским населением Паннонии в VII в., имеющее прямое соответствие в русской летописи. В “Хронике” также рассказано о возникновении т. н. “Государства Само”, которое принято считать первым государственным образованием у славян.

В настоящей работе использованы два ранних источника не вошедших в “Свод”. Это “Житие” св. Северина, написанное Евгиппием (511 г.) и “Хроника” Марцеллина Комита. “Апостол Норика” Северин прибыл в эту придунайскую провинцию Римской империи откуда-то “с востока”, сразу же после падения державы Аттилы в Паннонии (т. е. около 455 г.) и вплоть до своей смерти (482 г.) возглавлял местное римское население. “Житие” Северина содержит богатейший материал о жизни провинциального общества на Среднем Дунае в эпоху варварских нашествий. Для темы настоящего исследования важно упомянутое Евгиппием название местных разбойников — “скамары”, известное также по ряду других источников и которое, как нам кажется, следует считать славянским по происхождению (ср. русское “скоморох”). “Житие” св. Северина неоднократно издавалось

и переводилось, в том числе и на русский язык [Eugippius, 1877, 1963; Житие, 1997].

Марцеллин Комит, канцелярий императора Юстиниана и продолжатель “Историй” Евсевия и Иеронима, довёл свою “Хронику” до 534 г. (продолжена до 548 г.). В этом сочинении, представляющим собой сухой и крайне сжатый перечень сообщений, датированный именами константинопольских консулов, содержится четыре упоминания о “гетах”, отождествлённых Феофилактам Симокаттой (см. выше) со славянами. В одном из этих отрывков “гетом” назван и некий Мунд (погиб 536 г.), известный впоследствии полководец Юстиниана I, начинавший своё поприще в качестве вождя “скамаров” (см. выше в “Житии” св. Северина) в окрестностях столицы Паннонии г. Сирмия [Marc. Com. Chron. 1893].

Античные источники о паннонцах и восточноевропейских венетах

В заключение следует кратко остановиться на третьей тематической группе письменных источников, касающихся истории римской Паннонии, чьё коренное население в настоящей работе причисляется к праславянам. В первую очередь речь идёт о сочинениях Тацита, Аппиана Александрийского, Диона Кассия и Геродиана.

Публий (?) Корнелий Тацит (ок. 55 – ок. 120 н. э.), последний великий римский историк, родился в знатной семье прокуратора Белгики. Принадлежа по происхождению к сенатской аристократии, Тацит на протяжении своей жизни занимал высокие должности (вплоть до консула во второй половине 97 г.) и был поэтому глубоко осведомлённым писателем. Из всех его произведений в настоящей работе использовано сочинение “О происхождении и местах обитания германцев” (сокращённо “Германия”), написанное в 98 г. [Свод I, 1990. С. 37]. В “Германии”, помимо сведений о германцах, имеется ценный материал о соседних племенах венетов и паннонцев, в которых можно усматривать праславян. “Германия” была впервые напечатана в 1469 г. и многократно переиздавалась. Отрывок, где

упомянуты венеты, приведен в I томе “Свода” [С. 39]. Полностью “Германия” переведена на русский язык в первом томе собрания сочинений Тацита [Тацит, 1969. С. 353—73].

Более подробные сведения о Паннонии и паннонцах приводит александрийский историк Аппиан (ок. 100 – ок. 170 н. э.) [Аппиан, 1998. С. 624—38] в X книге своей “Римской истории”, содержащей достаточно полное описание завоевательных и гражданских войн Рима. В книге 10-й *ИЛЛУРНКН*, посвящённой войнам в Иллирии, рассказано в частности, как о завоевании Паннонии Октавианом в 35 г. до н. э., так и об образе жизни паннонских племен.

Другой видный римский историк, писавший о паннонцах — Дион Кассий Кокцейян (около 160 – 235 г.), грек из Никои в Вифинии, занимал ряд видных должностей при императорах династии Северов, в том числе и наместничество в Верхней Паннонии, где был провозглашён императором покровитель историка Септимий Север (193 – 211) [Dio Cass. 1895–1931]. По мнению исследователей [Borzsak, 1936. P. 34—37], Кассий не любил паннонцев и, в свою очередь, снискал ненависть паннонских легионеров за чрезмерную суровость. Будучи во второй раз облечён Септимием Севером в консульское достоинство, Дион Кассий был даже освобожден от личного присутствия на церемонии возведения в должность в самом Риме, чтобы избежать ярости преторианцев набравшихся при Септимии Севере из паннонских уроженцев. В своей анналистической “Истории” Дион Кассий описал завоевание Паннонии, а также обстоятельства прихода к власти Септимия Севера, опиравшегося в первую очередь на паннонские войска. Упоминание историком лодок-однодеревок (“моноксил”) у паннонцев на р. Саве, перекликается с аналогичными сведениями у Приска Панийского и византийских авторовского”, предположительно славянского, населения гуннской державы в Паннонии.

Последним римским писателем относительно подробно рассказавшим о паннонцах был младший современник Диона Кассия Геродиан (ок. 165 – между 240 и 255 гг.) [Геродиан, 1996. С. 144—176]. “История от царствования Марка” в восьми книгах излагает события от смерти Марка Аврелия до убийства Максимиана и Бальбина и прихода к власти Геродиана III, то есть с 180 по 237 гг. Геродиан подчёркивает, что описанные им события он знает ни из прочитанных книг, но сам был из свидетелем и очевидцем. В этом смысле особенно ценны его описания прихода к власти Септимия Севера и первого “солдатского императора” Максимиана Фракийца (235 – 238), и особенно, свидетельство о решающем участии паннонских войск в этих переворотах. “История” Геродиана переведена на русский язык [Геродиан, 1995; 1996], из изданий текста можно упомянуть публикацию К. Р. Виттакера [Herodianus, 1969].

По нашему мнению, совокупность имеющихся письменных источников вместе с известиями лингвистики и археологии позволяет выполнить задачи, поставленные в настоящем исследовании.

Что касается свидетельств смежных наук, лингвистики и археологии, то они играют важную, но тем не менее, вспомогательную роль в предлагаемой работе и привлекаются лишь в той мере, насколько их можно сопоставить с показаниями письменных источников. Из области лингвистики использованы прежде всего материалы славянской этимологии, ранней этнонимии и топонимии, а также данные лингвогеографии. Интересующие сведения можно почерпнуть из таких продолжающихся изданий как “Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд” (ЭССЯ) под ред. О. Н. Трубачёва (вышло 28 томов), “Этимология”, “Балто-славянские исследования” и ряда иных. О современном состоянии славистики дают представления материалы Международных съездов славистов (последний в Кракове, 1998 г.). Доклады российской делегации опубликованы в сборниках “Славянское языкознание”.

Данные славянской археологии сведены воедино в работах В. В. Седова [1994; 1995; 1999; 2002], а также в трудах Международных конгрессов славянской археологии (последний в Новгороде, 1997 г.). Археологические материалы использованы в настоящей работе в первую очередь с точки зрения исторической географии.

Б) Историографический очерк

К постановке проблемы

Поиск прародины славян и интерес к вопросам происхождения столь многочисленного народа имеет очень давнюю историю. Уже в “Космографии” Равенского анонима (не ранее 660 г.) говорится: “(I.12) В шестом часу ночи находится страна скифов, откуда вышел род славян; но и ититы и химабы тоже вышли из них; позади неё находится океан, недоступный для судоходства” [Свод II. С. 402]. Местонахождение “стран Скифов” с трудом поддается определению: “часы ночи” перечисляются в следующем порядке. Германцы (франки) с Британией позади (I – II часы), саксы (III), страны скридифеннов и ререфеннов (IV), Дания (V), страна скифов (VI), страна сарматов и карпов (VII), страна роксаланов с островом Скандза (или Скифией) позади (VIII), страна амазонок рядом с Меотидой (IX), “пустынная Скифия” (X), Кавказ (XI), Албания, гирканы, парфы (XII) [Свод II. С. 403]. По мнению О. Н. Трубочёва, расположение к западу (в порядке перечисления) от страны сарматов и карпов (Потисье и Трансильвания?), однозначно указывает на Среднее Подунавье, однако другие исследователи воздерживаются от категоричных выводов. Столь же туманно и указание “Баварского географа” (IX в.), который в своём описании городов по северному берегу Дуная, *Descriptio civitatum ad septemtrionalem plagam Danubii*, упоминает неких “сериван”, чья сторона столь велика, что оттуда будто бы вышли все племена славян: *Zerivani, quod tantum est regnum, ut ex eo cunctae gentes Sclavorum exortae sint* [Назаренко, 2001.

С. 54—55; Трубачёв, 1997. С. 149; Херрманн, 1988. С. 164]. *Zerivani* стоят 35 в списке 57 племен, вслед за *Lendizi* (праслав. **lęditji* “ляхи” [ЭССЯ. XV. С. 57—59]) и *Thafnezi* (?). В этом этнониме предлагают видеть славянское племенное название “север(яне)”, известное на Руси и в Болгарии, а *regnum* этого народа ищут в располагавшемся на границе современных Сербии, Румынии и Болгарии Северинском банате, *terra Zeurini, Banatus Szoereny, terra regalis Severinensis*, в районе одноименной крепостью Дробета Турну Северин, запиравшей северный берег Дуная в районе “Железных ворот”, скалистого ущелья, разделяющего среднее и нижнее течение реки [Трубачев, 2002. С. 385].

Арабский географ ал-Мас’уди (ум. 956/7 г.) в сочинении *Мурудж аз-Захаб ва Массадин ал-Джаухар* “Промывальни золота и рудники драгоценных камней” (947/8 г.), упоминает мифический народ *В.линана* “волыняне”(?), либо с конъектурой — *Вината* “венеты”(?) [Мишин, 1996. С. 137; 2002. С. 67], от которого пошли все остальные народы славян (араб. *сакалиба*, ед. число *саклаб*). Речь, таким образом, может идти о населении Зап. Украины (Волынь), хотя не менее вероятно, что арабский географ, более знакомый с западными славянами (ср. дальнейший список племен *сакалиба*), имел ввиду жителей Волыни-Волина, богатейшего славянского города в устье Одры.

Славянские предания о дунайской прародине

Эти смутные замечания едва ли могут служить самостоятельным основанием для какой-либо гипотезы славянского этногенеза. Первый связанный рассказ о происхождении славян содержится только в русской “Повести временных лет” (XI – XII вв.). Родина славян, по летописи, располагалась на Дунае, в венгерских и болгарских землях, в пределах античного Иллирика. Древнейших славян летописец отождествляет с жителями римской провинции Норик (современная Австрия): “Язык словенескъ, от племени Афетова, *нарци* [норики — С. Н.], *еже суть словене*. По мнозехъ же

временех сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорска земля и Болгарьска... *ту бо есть Иллюрикъ*, его же доходилъ апостоль Павелъ, *ту бо беша словене первое*” [ПВЛ. С. 11, 22]. Причиной выселения славян с Дуная было нападение волохов, после чего славяне “разидошася по земле и прозвашася имены своими” [ПВЛ. С. 11].

Подобным образом излагают происхождение славян и западнославянские источники. По мнению польского хрониста Винцентия Кадлубека (довел свою *Chronica Poloniarum* до 1203 г.), предки поляков — “вандалы” или “лехиты” (летописные *ляхи*) воевали с волохами и заняли их города (Vinc. Chron. 1.17). Известия Кадлубека перекликаются с русской летописью, где говорится, что ушедшие с Дуная под натиском волохов славяне пришли на Вислу, где назвались ляхами (ср. *Lechitae* Кадлубека) [ПВЛ. С. 11].

Польский хронист Богухвал (пер. пол. XIII в.) прямо называет Паннонию “матерью и началом всех славянских народов”— *Sit mater et origo omnium slavonicarum nationum* [Кобычев, 1973. С. 144]. Чех Далимил, написавший между 1282 и 1314 гг. рифмованную “Чешскую хронику”, излагает историю заселения Чехии следующим образом:

V srbském jazyce iest zemie	В сербском языке есть земля
iéžto Charvati iest imie	Ей же хорваты есть имя
V téi zemi bieše Lech ⁵ ,	В той земля был лях
iemuž jmie bieše Čech	ему же имя было Чех
mužoboistva sie dočini	мужеубийство учинил
pro niež svú zemiú provini	и себе тем провинил
.....
j iéz iedinéi noci osledi	он же одну ночь уследил
J vybra sie se všemi z zemie	и выбрался со всеми из земли
jiéiž bieše Charvati jmie	ей же было Хорваты имя

⁵ В чешском слово **lěxъ* “лях” означало “знатный человек, *nobilis*” [ЭССЯ. XV. С. 57]

i bra sie lesem do lesa
diétky své na plecí nesa

и брели от леса к лесу
детей своих на плечах неся

(Dalimil. Chron. Ch. 21. 95—108.)

Теории южного происхождения славян придерживался и чешский хронист Пулкава (втор. пол. XIV в.). После разрушения Вавилонской башни образовались различные “языки”, среди них и *reč slovanská*, по которой *lidé toho jazyka Slované jsu nazváni* (ср. рассказ “Повести временных лет”). Имя славян Пулково толкует от “слова”: *A takž od slova... nazváni jsú ti lidé Slověné*. Затем славяне заселили север Балкан, откуда “один человек из Хорватии по имени Чех, убивший вельможу” бежал в страну названную по его имени, а по немецки *Bemen* (совр. *Böhmen*). Так чехи выделились из южнославянских народов, поэтому хронист уже различает “славянский” и “чешский” языки. Затем приведен рассказ о брате (или приятеле) Чеха по имени Лех, чьи потомки заселили Польшу. Вслед за этим славяне расселились по прочим славянским землям. Пулкава изложил концепцию славянского родства, в которой чехам отведено центральное место между южными славянами, с одной стороны, и поляками, русскими и поморскими славянами с другой [Развитие, 1989. С. 208].

Во второй половине XIV в. в чешских землях господствовало представление о происхождении поляков от чехов (Лях — младший брат Чеха), а чехи выводились от южных славян. Ян из Голешова в “Толковании на песню св. Войтеха *Hospodine pomiluj nu*” (1397) пишет, что “мы, чехи, и родом и языком происходим от хорватов... поэтому наш чешский язык по происхождению язык хорватский”, ибо “чехи тогда [в древности — С. Н.] говорили именно так, как сейчас хорваты” [Развитие, 1989. С. 209].

Свое окончательное изложение теория паннонского происхождения славян получила в Великопольской хронике. Основная часть её могла быть закончена ещё в 1295 г., но известные ныне списки содержат дополнения

XIV в.; некоторые исследователи относят к этому времени и составление хроники. Во вводной части этого памятника доказывалось, что славяне происходят из Паннонии, они потомки некоего князя Пана, давшего этой стране своё имя. У Пана было три сына: “первородный Лех, второй Рус, третий Чех. И они, дав потомство своё и своего рода, овладели тремя королевствами — лехитов, рутенов (Rutheni), чехов, т. е. богемцев, которыми ныне владеют и будут владеть, как долго это будет угодно божественному промыслу” [«Великая хроника», 1987. С. 52—53; Развитие, 1989. С. 273—74]. Таким образом, вплоть до начала эпохи Возрождения в Центральной Европе (XV в.) в славянских землях всецело господствовало представление о Среднем Подунавье (Паннония, Иллирик), как о родине славян.

Косвенным свидетельством глубокой древности этих представлений служит то, что св. Колумбан (ок. 543 – 615) и его последователь св. Аманд, перед тем как отправиться к славянам с проповедью, совершали паломничество к могиле Мартина Турского. Таким образом, в их глазах именно этот святой был зачинателем славянской миссии [Свод I. С. 359]. Известно, что Мартин Турский (336 – 397) был паннонцем из семьи военачальника и стал монахом во время похода против персов (по преданию он разрезал мечом свой плащ и отдал половину нищему. Впоследствии этот плащ — *sappa sancti Martini* считался знаменем франкских королей). В 361 г. он основал в Галлии первый на Западе монастырь. По преданию, св. Мартин возвращался из Галлии на родину, чтобы окрестить родственников, но христианство приняла только его мать [Брокгауз и Ефрон. Т. XVIIIа. С. 696—697]. Таким образом, связь паннонского и славянского были для Колумбана и Аманды очевидна.

Славянские этногенетические теории XV – XVIII вв.: иллиризм и сарматизм

Начиная с XV века, когда пробудившийся интерес к письменному наследию античности привлек внимание к широкому кругу сохранившихся источников, исконная дунайская теория была погребена под валом бес-

численных кабинетных построений. Подробное обозрение их сделано в новейших исследованиях А. С. Мыльникова (1996, 2000 гг.). Указанные теории с трудом поддаются строгой классификации [Филлюшкин, 1997], выдающийся славист Любор Нидерле делил их в целом на балканские (иллирийские) и сарматские [Нидерле, 1956. С. 20].

“Иллиризм” (не путать с “иллиризмом” XIX в.), как культурно-политическое течение, возник в Далмации в XVI столетии. В основе его лежит мысль об автохтонности славянского населения Балканского полуострова (именно западной его части). Для далматинских гуманистов античная Далмация и Иллирия виделись уже издревле заселёнными “славянами” — иллирийцами и далматинцами; “славянами” или “хорватами” объявлялись именитые люди древности, чья жизнь и деятельность была связана с Балканами. Ещё в XIII в. широко бытовало представление, что славянская письменность (глаголица) употреблявшаяся в богослужебных текстах в хорватском Приморье была создана переводчиком Вульгаты блаж. Иеронимом (347 – 420) [Акимова, 1989. С. 138]. На это указывает письмо папы Иннокентия IV епископу хорватского города Сеня Филиппу от 1248 г., в котором он указывает: *In Sclavonia est littera specialis, quam illius terre clerici se habere a beate Jeronimo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis* “в Славянской стране есть особое письмо, которое духовенство страны считает доставшимся ему от блаженного Иеронима и которым пользуется в богослужении”.

Вместе с хорватскими монахами глаголитами эти представления проникли и в Чехию, где в основанном для них Карлом IV Эммауском монастыре (“на Слованах”) [Мельников, 1989. С. 209] в Праге (1348 г.) совершались службы на славянском языке “из почтения и памяти славнейшего христианского исповедника блаженного Иеронима Стридонского, славного проповедника и непревзойдённого толкователя и переводчика священного писания с гебреевского на латинский и славянский

(*Slavonicam linguam*). В XV столетии об Иерониме как создателе глаголицы писал знаменитый хорватский гуманист Марко Марулич, а в XVI в. — Винко Прибоевич, доминиканец и дворянин с о-ва Хвар в своей речи *De origine successibusque slavorum* “О происхождении и наследии славян”, прочитанной перед сенатом Дубровника в 1552 году, после ссылки на Марулича отмечал, что “св. Иероним, рожденный в городе Стридоне, который Птоломей называет *Sidrona* и который находится на границе Паннонии и Далмации, был не итальянцем, а славянином (*non Italum, sed Slavum extitisee*) [Толстой, 1989. С. 162]. Представление о блаж. Иерониме, как создателе глаголицы сохранялось вплоть до XIX в., а автохтонная теория происхождения южных славян, согласно которой слово “иллир” является древним славянским этнонимом имела множество последователей и среди славянских учёных XIX в.

Далматинскому иллиризму XVI в. по духу и идейной направленности был созвучен польский сарматизм того же времени. Согласно этой теории прародина славян лежала в северной части их расселения — Польше или Руси, на землях античной Сарматии. В основе этих взглядов лежит отождествление античных и библейских этнонимов и антропонимов с теми или иными славянскими именами. Предвозвестником этой концепции, противоположной древней славянской традиции, стали сочинения западноевропейских писателей.

Первым отождествил славян с *вандалами* немец Гельмольд, написавший около 1072 г. “Славянскую хронику” [Филюшкин, 1997. С. 319]. Вслед за Гельмольдом этого мнения придерживался поляк Винцентий Кадлубек, для которого вандалы или лехиты были предками поляков [Исаевич, 1989. С. 260]. К достаточно раннему времени восходит и мнение, что предками славян были сарматы и скифы. Впервые оно высказано у Сигильберта Вицентия (1030—1112) [Филюшкин, 1997. С. 319]. Наконец, в Баварской хронике XIII в. происхождение славян от Яфета заменя-

ется менее почётным происхождением от Хама. В совокупности, сарматизм можно описать тремя чертами: прародителем славян считался библейский Мосох из Каппадокии, чьё имя сопоставляется с названием Москвы; древнейшие славяне отождествлялись с сарматами и вандалами; связующим звеном между Вавилоном и Сарматией выступали пафлагонские и адриатические венеты (греч. *Ἐνετοί*)⁶, чьё имя связано с германским названием славян — “венды” (нем. *Wenden, windische*). Последнее отождествление помимо всего прочего подкреплялось этимологией самоназвания славян от “славы” — *gloriosi, ἀἰνετοί* [Нидерле, 1956. С. 41]. Традиция толковать имя адриатических венетов как “хвалы достойных” встречается уже у Иордана: “...некогда землевладельцы [в окрестностях] города [Равенны — С. Н.], как передают старшие писатели назывались *ἀἰνετοί*, что значит хвалы достойные (*laudabiles*)” (Getica. 148).

Первым, кто назвал Мосоха прародителем славян был поляк Ян Длугош (кон. XV в.), который, впрочем, оставался сторонником дунайской теории: Паннония для него — *primam et veteram Sclavorum sedem* “Первое и древнейшее местопребывание славян” [Цит. по: Кобычев, 1973. С. 144]. Собственно же сарматскую теорию следует связать с именем чешского автора пер. пол. XV в. С. Дубравского (Дубравиуса), который выводил славян из Птолемеевой Сарматии. Дальнейшее развитие эта концепция получила в трудах М. Бельского (“Хроника всего света”, 1550), Б. Ваповского (1456 – 1537, “Хроника” до 1535 г.), М. Стрыйковского (1547 – после 1582, “Хроника Польши”), Ст. Сарницкого (“Анналы или о происхождении и деяниях поляков и литовцев”, 1587), А. Гваньини (1538 – 1614, “Описание Европейской Сарматии”), М. Кромера (1512 – 1589, “Всемирная хроника”). В этих трудах славяне выводятся от библейского Мосоха, прародителя московитов и русских, которые оказываются самым древним славян-

⁶ Например Ф. Бионд (1388—1463) в *Historia a declinatione Romanorum* приводит славян (венетов) в Иллирию через Боспор.

ским народом. Предками славян оказываются античные венеты, вандалы, сарматы и роксоланы, а имя славян выводится от некоего озера Слава в Московии [Седов, 1994. С. 5—18; Филлюшкин, 1997; Мыльников, 1996, 2000]. Сарматская теория проникла даже в вотчину иллиризма — далматинец Черва (Цриевич) Туберон (1490 – 1522) считал, что русские из Европейской Сарматии пришли в Иллирию с севера и расселились здесь, вытеснив местное население. С другой стороны, современник Ч. Туберона поляк М. Меховский (1457 – 1523, автор “Трактата о двух Сарматиях”), был ярким противником русского происхождения славян и выводил поляков из Хорватии и Далмации, т. е. придерживался “иллирийских” взглядов. Завершить изложение сарматской теории хотелось бы характерным утверждением польского историка и писателя Мартина Бельского: “Явно и ясно, что именно мы и есть сарматы, и поэтому то, что о сарматах писалось, правильно считать написанным и о предках наших” [Цит. по: Танаева, 1979. С. 15].

Предтечей современного славяноведения следует считать дубровчанина Мавро Орбини, предпринявшего попытку собрать воедино все известные к тому времени античные источники о древних славянах. В своем “Славянском царстве” (*Il regno degli Slavi*) историк выводит славян из Скандинавии, от шведов и финнов, возрождая старую далматинскую традицию о приходе на берега Адриатики откуда-то с севера готов-славян (поп Дуклянин XII в.; Фома Сплитский XIII в.) [Фома Сплитский, 1997. С. 34—38]. Значение труда Мавро Орбини заключается в том, что после перевода в 1722 году на русский язык он стал широко известен и популярен в землях православных южных славян (в первую очередь сербов), поскольку и иллиризм и сарматизм получили распространение у славянокатоликов (далматинских хорватов и поляков).

Происхождение славян в работах П. Й. Шафарика и Л. Нидерле

Основы современного славяноведения были заложены в начале XIX века, в эпоху национального пробуждения славянских народов. По мнению Л. Нидерле, первым, кто по настоящему критически и по научному подошел к вопросам происхождения славян был Й. Добровский (1753 – 1829). Этот исследователь пожалуй первым отказался от отождествления предков славян с теми или иными античными этносами: “...славяне не являются даками, гетами, фракийцами, иллирийцами, паннонцами... Славяне — это славяне, и наиболее близки им литовцы. Итак, нужно искать среди последних на Днестре или за Днестром” [Нидерле, 1956. С. 16, 20].

Адресат этого письма был Павел Йозеф Шафарик (1795 – 1861), подлинный основатель современной славистики. По свидетельству Л. Нидерле, “ни до Шафарика, ни после него никто не изложил предмет с такой добросовестностью, с таким вдохновением и такой любовью, как этот скромный труженик” [Нидерле, 1956. С. 16]. Будучи директором пражской университетской библиотеки, словацкий исследователь сумел изучить все доступные в то время письменные источники, касающиеся древней славянской истории. Свои взгляды на происхождение славян были изложены им в фундаментальном труде “Славянские древности”, изданном в Праге на чешском и в Лейпциге на немецком языках [Šafarik, 1837; Schafarik, 1843—1844].

Шафарик был сторонником автохтонной теории происхождения славян. Вслед за летописцем Нестором он помещает их на Средний Дунай. В IV в. до н. э. дунайские славяне подверглись нападению кельтов (летописных *волохов*) и выселились из Паннонии на север от Карпат, при этом часть славян осталась на Адриатике (венеты) [Седов, 1994. С. 18—24]. Ученый высказал в связи с этим мнение об автохтонном происхождении словаков: словацкий язык он считал сохранившимся осколком славянского праязыка, на котором говорило древнейшее население Среднего Подуна-

вья. Взгляды Шафарика долгое время считались наиболее обоснованной теорией славянского этногенеза, но постепенно исследователи стали отходить от концепции дунайской прародины славян.

Можно назвать по меньшей мере две причины такого развития научной мысли. Известный в свое время лингвист Ф. Бопп во II томе “Сравнительной грамматики” (1833) отнес славянский к индоевропейской семье языков. Разрабатывая родословное дерево последних, А. Шлейхер (1865) объединил славян и балтов в единую ветвь, из чего следовало, что в доисторические времена славяне должны были находиться поблизости от балтов, то есть скорее к северу, чем к югу от Карпат. С другой стороны, во второй половине XIX века в науке утверждается позитивизм с его критической оценкой устной традиции. По этой причине “Повесть временных лет” пользовавшаяся безоговорочным доверием в эпоху господства романтической историографии (“Славянские древности” Шафарика писались в пору общеевропейского национального подъема, завершившегося революциями 1848 года), потеряла значение достоверного источника [Трубачев, 2002. С. 433].

Новой ступенью в развитии славяноведческих разысканий стали работы другого выдающегося слависта — чешского учёного Л. Нидерле (1865 – 1944). Исследователь обобщил данные различных наук — истории, археологии, лингвистики, этнографии и антропологии и изложил свои выводы в многотомном исследовании, названном, как и труд Шафарика “Славянскими древностями”. [Niederle, 1902 – 04]. Взгляды Любора Нидерле были прямо противоположны воззрениям П. И. Шафарика. Это касается прежде всего отношения к сведениям “Повести временных лет”. По словам Нидерле, нельзя считать “свидетельства Киевской летописи ни подлинными ни правдивыми”, они не более как и часть цепи вымыслов, которую создал летописец, рассказывая об отходе славян от Вавилонской башни по дорогам через Малую Азию [?] к Балканскому полуострову”

[Нидерле, 1956. С. 29]. Нидерле отвергает даже народный характер дунайской легенды, считая её книжной конструкцией с исходными положениями, подчеркнутыми из Библии. Местонахождение прародины славян на Дунае. Л. Нидерле таким образом отвергал и вообще считал её неопределенной. Однако он очертил область расселения славян в начале нашей эры: на востоке граница её шла по Днепру и отдельным районам бассейна Дона, на севере — по Нареву и левым притокам Припяти, на западе к Эльбе (или Висле) [Седов, 1994. С. 25—31].

В корне отличались от Шафарика и взгляды Нидерле на этногенез словаков. Чешский учёный подчеркивал единство происхождения чехов и словаков — западных славян. Только природный рубеж Карпат определил этническое отделение словаков от чехов, закреплённой политической границей Венгрии. При этом он не признавал словаков самостоятельным народом, а писал лишь о возможности их будущего обособления [Грацианская, 1989. С. 117—18]. Таким образом, в рамках концепции Л. Нидерле словаки рассматривались не как автохтоны Подунавья, потомки древнейших славян, оставшихся в Паннонии после нападения кельтов (летоп. волохов по П. И. Шафарику), а ветвью относительно поздних славянских пришельцев — чехов, поселившихся на землях Богемии и Моравии, занятых в античное время германскими племенами маркоманнов и квадов.

Польский автохтонизм 30 – 40-х гг. XX столетия и открытие пражской керамики.

С появлением трудов Нидерле теория автохтонного происхождения славян была оставлена, и с конца XIX в. в славистике почти ритуальным становится отрицание “дунайской” прародины, о которой говорят русская “Повесть временных лет”, а также чешские и польские хроники [Славяне и Русь, 1999. С. 6]. Дальнейшие поиски прародины славян шли по пути того или иного размещения её в широких пределах от Одры до Днепра, очерченных Л. Нидерле. Можно говорить о двух основных направлениях: западном и восточном, соответственно — либо о висло-одерской, либо о

висло-днепровской прародинах. Едва ли не главным поводом к размежеванию стал так называемый “аргумент Ростафиньского”.

В начале XX в. польский лингвист Ю. Ростафиньский обратил внимание на то обстоятельство, что в славянских языках отсутствует название для бука. Праславянское **bukъ* относится к раннему заимствованию из германской языковой группы (герм. основа **bok-o-*) из и.-е. **bhagys*, откуда также латинское *fāgus* “бук” и греч. *φηγός* “дуб”) [ЭССЯ. IV. С. 90—91]. На этом основании Ю. Ростафиньский сделал вывод, что бук отсутствовал в пределах прародины славян. Поскольку восточная граница распространения этого дерева проходит приблизительно от устья Вислы к верховьям Прута и Днестра, поворачивая оттуда на юго-запад, первоначальное местонахождение славян должно было находиться между Вислой и Днепром [Седов, 1994. С. 25—27].

Несмотря на “буковый аргумент” в польской науке, начиная с 30-х годов прочно утверждается автохтонная теория происхождения славян на польских землях, развиваемая в работах лингвиста Т. Лер-Сплавиньского (1891 – 1965) и ученых познаньской археологической школы (Я. Чекановский, Ю. Костжевский). Польский автохтонизм и теория висло-одерской прародины утверждались в исследованиях 30-х гг. не в последнюю очередь как реакция на теории Густава Коссины (1858 – 1911), выдающегося немецкого исследователя, основоположника ретроспективного метода в археологии, считавшего возможным отождествлять отдельные археологические культуры с теми или иными этносами, а приемственность материальной культуры — с приемственностью этнической [Седов, 1979. С. 11—13].

Коссина был сторонником “паниллиризма”⁷, согласно которому позднебронзовые поля погребений в Центральной Европе связывались с

⁷ Обзор дискуссий 20 – 30-х гг. о происхождении славян, проблеме венетов и “северных иллирийцев” дан “по горячим следам” известным русским историком П. Н. Милюковым (1859 -1943) [Милюков, 1993. С. 225—56]

древними венетами, чей язык в начале XX в. считался иллирийским. Венетов, упомянутых античными писателями I – II вв. к северу от Карпат и лужицкую культуру полей погребений Польши и Восточной Германии Г. Коссина считал принадлежащими т. н. “северным иллирийцам”. Славянскую прародину в согласии с “аргументом Ростафиньского”, он помещал в припятском Полесье, исключая её из пределов среднеевропейских полей погребений бронзового века.

Польские автохтонисты, наоборот, считали лужицкую культуру славянской, а ее носителей — древнейшими славянами. Дальнейшую ступень в развитии славянства они усматривали в поморской и пшеворской культурах, причем последнюю приписывали венетам Птолемея, Плиния и Тацита (“венедская культура”). После великого переселения народов венедская культура перерастает в культуру исторических славян [Lehr-Splawinski, 1946].

Триумфом польских автохтонистов стало, как казалось, открытие памятников предшественницы лужицкой — тшинецкой культуры (XV – XIII вв. до н. э. по современной датировке), в Повисленье, в коренных польских землях. Однако дальнейшие археологические исследования выявляли подобные (т. н. восточнотшинецкие) памятники все дальше и дальше к востоку, вплоть до Днепра, что подтверждало скорее висло-днепровское, нежели висло-одерское происхождение славян [Третьяков, 1982]. Помимо этого стало ясно, что лужицкая культура восходит своими корнями не к тшинецкой, а к располагавшейся далее на запад “предлужицкой культуре” (нем. *Vorlavzitzer Kultur*), входившей составной частью в круг курганных культур средней бронзы (нем. *Hügelgräberkultur*) с центром в Южной Германии. Не менее спорным было и отождествление пшеворской культуры римского времени с “венетами”, поскольку древние авторы помещают их к востоку от Вислы, которая служила границей германского расселения [Щукин, 1994. С. 26].

Главным недостатком польского автохтонизма была гипотетичность многих его утверждений, поскольку речь шла об археологических культурах столь глубокой древности, что не существовало каких-либо надежных критериев для определения их этнолингвистской принадлежности, за исключением того обстоятельства, что они лежат в области предполагаемой лингвистами прародины славян. Вплоть до конца 30-х гг. XX века в распоряжении археологов не было раннеславянских памятников моложе так называемой культуры городищ (нем. *Burgwallkultur*, чеш. *hradištní*), датированной не ранее VIII в. Славянские древности эпохи великого переселения народов были обнаружены только перед самой войной. Речь идёт о так называемой керамике “пражского типа”. Она была впервые описана чешским археологом Й. Борковским, обнаружившим её среди иноплеменной посуды в материалах Пражского национального музея, собранных в конце XIX – начале XX века. Исследователь назвал сосудами “пражского типа” лепные горшки, расширяющиеся в верхней своей части, имеющие прямую или вытянутую шейку и чаще всего без орнамента. Керамика эта явилась основой для определения древнейшей славянской посуды во всех славянских странах. Происхождение этой керамики Й. Борковский объяснял развитием культуры полей погребений. Он считал её автохтонным субстратом, на который наслоились кельтские памятники. Исследователь подчёркивал самобытность этой посуды и её местное происхождение. Прототипом ее он считал поздние памятники кельтской культуры Ла Тен и поэтому относил начало пражской керамики к III в. н. э. [Borkovský, 1940. S. 59—64; Грацианская, 1989. С. 12; Русанова, 1976].

Известный чешский археолог Й. Поулик относил появление “пражского типа” к V веку и доказывал ее связь с керамикой городищенской культуры VIII в., то есть периода Великой Моравии, когда уже появляется гончарный круг [Poulik, 1951. S. 97—99]. В последние годы пражская керамика была обнаружена во многих странах и послужила основным

материалом для выделения раннеславянской археологической культуры, получившей в свою очередь название “пражской культуры”. Вопрос о ее происхождении является ключевым для славянской археологии, несмотря на то, что вопреки многолетним усилиям археологов не удается выделить достоверно славянских памятников ранее V – VI вв. Помимо всего прочего, трудность заключается в недостаточно четком определении как самой пражской культуры, так и выделении синхронных пражской раннеславянских культур, в первую очередь так называемых памятников типа Пеньковки на лесостепной Украине. Последняя культура была выявлена в ходе исследований советских археологов придерживающихся мнения о восточной, висло-днепровской родине славян.

Классификация раннеславянских древностей в отечественной науке

До войны и в первые послевоенные годы в отечественном языкознании господствовала теория стадияльного преобразования языков (“новое учение о языке” Н. Я. Марра, 1864 – 1934). Согласно этой концепции, славянский язык представляет собой следующую вслед за скифской ступень в развитии “яфетического языка”. Отказ от марризма после выхода в свет известного труда И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” (1950) не привел к отказу от попыток поиска древнейших славян среди населения Геродотовой Скифии (V в. до н. э.) Культурная приемственность уводила от древнерусской курганной культуры (X – XII вв.) к черняховской культуре (рум. Сынтана-де-Муреш) Украины и Румынии (III – IV вв.), заруби-нецкой культуре (II в. до н. э. – I в. н. э.) и культуре лесостепной Скифии (VI – IV вв. до н. э.) Пеньковская культура была выделена в 60-е гг. XX века как хронологический пласт памятников, объединяющих русскую курганную культуру и роменскую культуру славянского племени северян (IX – X вв.) с предшествующей черняховской [Третьяков П. Н. 1982].

Этническая принадлежность пеньковских древностей, тесно связанных с памятниками кочевников Северного причерноморья сразу же стала

предметом жарких споров. М. И. Артамонов полагал, что эта культура (“пастырская” по терминологии исследователя) была оставлена болгарами — кутригурами [Артамонов, 1969. С. 7—8]. И. П. Русанова рассматривала пеньковские древности, как разнородный конгломерат, постепенно поглощённый раннеславянской пражской культурой [Русанова, 1976. С. 85—112]. В настоящее время среди археологов утвердилось мнение, что пеньковская культура принадлежала антам, народу, упоминаемому писателями VI – VII вв. вместе со славянами (“склавинами”) и обитавшему по Иордану (Iord. Getica. 35) между Днестром и Днепром, где были обнаружены ее памятники [Седов, 1995, С. 68—94; Приходнюк, 1989].

Что касается соотношения пражской и пеньковской культуры, то некоторое время сохранялось стремление не отказываться полностью от понятия “пражская” в отношении всей раннеславянской культуры. Если И. П. Русанова в целом еще придерживалась мнения о славянской принадлежности исключительно пражских памятников [Русанова, 1976], то В. В. Седов предпринял попытку расширить рамки пражского типа, включив в него и пеньковские древности. Исследователь ввёл понятия “пражско-корчакской” и “пражско-пеньковской” раннеславянской лепной керамики, отличавшихся очертаниями сосудов. Под пражско-корчакским типом исследователь понимал “классическую” пражскую керамику, как понимал её первооткрыватель И. Борковский. Она представляет собой высокие горшки с наибольшим расширением в верхней части тулова, суженным горлом и коротким венчиком без какого-либо орнамента [Седов В. В., 1979. С. 104—19; 1982. С. 10—19]. Своё название она получила от с. Корчак на Волыни (Житомирская обл. Украины), где были обнаружены наиболее характерные образцы такой посуды.

Пражско-пеньковскую группу славянской керамики третьей четверти I тыс. н. э. составляли, по В. В. Седову, слабопрофилированные горшки с округлым или овальным туловом [Седов, 1979. С. 119—133;

1982. С. 19—28]. Наибольшее расширение находится в средней половине высоты, горло и дно сужены и примерно равны по диаметру. Любопытно, что биконическую ребристую керамику “пеньковского типа”, составляющую другую, помимо округлобокой, часть керамического комплекса пеньковской культуры, исследователь не считал славянской [Седов В. В., 1979. С. 119]. Таким образом, вся раннеславянская керамика и материальная культура были разделены В. В. Седовым на две основные ветви: Прага-Корчак и Прага-Пеньковка, которые он сопоставил со склавинами и антами письменных источников VI – VII вв. [Седов, 1979. С. 101—33; 1982. С. 10—28].

С течением времени в археологических исследованиях наметился отказ от попыток заключить все многообразие раннеславянских древностей в рамки одной пражской культуры, каким бы гибким и растяжимым не было ее определение. Так В. В. Седов в своих позднейших работах оставил понятие “пражко-пеньковская” и начал рассматривать пеньковскую культуру как часть пражских в широком смысле слова памятников. Наряду с “классической” пражской (по терминологии исследователя пражско-корчакской) он выделяет целый ряд синхронных и самобытных раннеславянских культур. К ним он относит, например, пеньковскую, ипотешти-киндештскую, суково-дзедзицкую, именьковскую культуры, культуру псковских длинных курганов, культуру славян-носителей браслетообразных высоких колец [Седов, 1993. С. 56; 1995. С. 5—6]. Украинский исследователь В. Д. Баран добавляет к этому списку колочинскую культуру [Баран, 1997]. Имеются и другие списки (например М. Казанского [Kazanski, 1998]). Вместе с этим, пражская культура в узком смысле этого слова (“классическая” пражско-корчакская), остается образцом раннеславянской культуры, чья этническая принадлежность, в отличие от иных культурных групп, не подвергается сомнениям. По этой причине проблема происхож-

дения славян в археологической науке сводится, в сущности, к вопросу о происхождении пражской культуры.

Исследования трех последних десятилетий сильно поколебали основы как польского-автохтонизма (висло-одерская гипотеза), так и размещения славянской прародины на Украине (висло-днепровская гипотеза) — двух традиционных путей археологического поиска древнейших славян⁸. О трудностях, с которыми столкнулись сторонники западного пути, мы уже упомянули; кризис украинского четко обозначился, когда стала очевидной неславянская принадлежность черняховской культуры в Северном Причерноморье. Это обстоятельство разрывало ретроспективную цепь: славянская культура VI – IX вв. — черняховская культура III – IV вв. — зарубинецкая культура II в. до н. э. – VII в. н. э. — культура лесостепной Скифии VI – IV вв. до н. э.

П. Н. Третьяков в своей последней работе попытался построить обходную линию приемственности, когда место черняховской заняли позднезарубинецкие и родственные им памятники киевского типа, начавшие активно исследоваться с 70-х гг. XX в. Древнейшей славянской П. Н. Третьяков считал собственно зарубинецкую культуру [Третьяков, 1982; Щукин, 1994. С. 27]. Однако, как выяснилось, зарубинецкая культура не была автохтонной, а образовалась вследствие переселения с запада, из польских земель. Кроме того, эта культура была ориентирована на среднеевропейскую культуру кельтов (латенскую, фр. *La-Tène*), входя в круг т. н. “латеноидных” культур (латенезирование культуры полей погребений и лощёно-храповатой керамики, по определению М. Б. Щукина), протянувшихся от юга Скандинавии (ясторфская культура) до Восточного Прикарпатья (культура Понянешти-Лукашевка), часть которых (в первую очередь ясторфскую) приписывают древним германцам [Славяне и их со-

⁸ Отечественный археолог М. Б. Щукин определяет их как западный (польский) и южный (украинский). [Щукин, 1994. С. 26—28].

седи, 1993. С. 20—39; Щукин, 1994. С. 18—21]. По мнению ряда исследователей, зарубинецкую культуру, вместе с поянештской следует отнести к бастарнам, кельтскому или германскому племени, известного в источниках с III в. до н. э. [Щукин, 1994. С. 107—16].

Вопросы происхождения славян в современной археологии

Выход из создавшегося положения привёл к образованию ряда новых концепций, которые либо пытаются согласовать между собой висло-одерскую и висло-днепровскую теории, оставляя славянскую прародину в границах очерченных Л. Нидерле (Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, В. Д. Баран, И. П. Русакова и др.), либо ищут “третий путь”, помещая древнейших славян за пределы указанного пространства (Й. Вернер, К. Годловский, М. Б. Щукин).

Изыскания Б. А. Рыбакова строятся на ареальном методе. В совпадении ареалов тшинецко-комаровской (XV – XII вв. до н. э.), раннепшеворской и зарубинецкой культур (II в. до н. э. – II в. н. э.), славянской культуры типа Прага-Корчак (VI – VII вв. н. э.) исследователь видит залог славянской принадлежности указанных общностей. По мнению учёного, вплоть до великого расселения в VI – VII вв. славяне занимали одну и ту же территорию между Одрой, Днестром и Карпатами, где и протекало их этническое и культурное развитие. Последнее не было плавным и непрерывным, вследствие чего Б. А. Рыбаков не придавал особого значения степени схожести между последовательными праславянскими культурами.

Первичное обособление славян, вслед за лингвистом Б. В. Горнунгом (1963), в рамках концепции Рыбакова датируется XV в. до н. э.⁹ Первыми славянами (или праславянами) стали племена тшинецко-комаровской культурной общности (XV – XII вв. до н. э.). Вторую ступень праславянской истории Б. А. Рыбаков определяет как лужицко-скифскую (XII – II вв. до н. э.). Славянам в это время принадлежали лужицкая, бело-

⁹ Конец ранней бронзы по венгерской хронологии, принятой также для Польши и Украины.

грудовская (XII – IX вв. до н. э.), чернолесская (VIII – пер. пол. VII в. до н. э.) и лесостепной вариант скифской культуры. Славянство чернолесской культуры, по мнению Б. А. Рыбакова находит подтверждение на левобережье Днепра области архаичной славянской гидронимии (по О. И. Трубачёву, 1969) с чернолесским ареалом. Третий этап праславянской истории был представлен пшеворской и зарубинецкой культурами (II в. до н. э. – II в. н. э.), в римскую эпоху — позднепшеворской и черняховской (II – IV вв.), на пятом этапе образуется пражская раннеславянская культура, объединившая в своих границах висло-одерскую и висло-днепровскую области [Рыбаков, 1981. С. 214—30].

Теорию, резко отличную и по методу и по содержанию от концепции Б. А. Рыбакова, изложил В. В. Седов. Исследователь является убежденным сторонником ретроспективного метода, когда этническая приемственность обосновывается приемственностью археологических культур. Основой, на которой сложились праславяне была слабо расчлененная в диалектном отношении древнеевропейская общность, еще существовавшая, когда прочие индоевропейские диалекты: анатолийский, индоиранский, армянский и греческий, развивались уже как самостоятельные языки. Археологическим эквивалентом древнеевропейцев В. В. Седов считает культуру полей погребений поздней бронзы (XII – IX вв. до н. э.) [Седов, 1994. С. 95—135; 2002. С. 39].

Становление славян исследователь относит VI – V вв. до н. э. Начиная с 550 г. племена поморской культуры, занимавшие польское Поморье (В. В. Седов полагает, что это были балты), расселяются на юг, в область лужицкой культуры. Вследствие поглощения поморских племён местным древнеевропейским населением образуется подклошевая культура, получившая название по одному из распространённых типов погребений, когда остатки трупосожжений, помещаемые в ямах, накрывались перевернутым вверх дном большим глиняным сосудом колоколовидной формы (по-

польски “клошем”). Носители культуры подклошевых погребений (нем. *Glockengräberkultur*) и были древнейшими славянами. Начиная с этой общности обнаруживается непрерывная преемственность культурной традиции, в том числе и керамической, потому что колоколовидные “клёши” послужили отдалёнными прототипами классических горшков пражского типа [Русанова, 1976. С. 273; Седов, 1994. С. 136—48; С. 69—78].

Новый этап в жизни праславян начался, согласно В. В. Седову, со времени кельтских завоеваний. В III – II вв. кельты, носители культуры Латен, проникают из Среднего Подунавья в Силезию и Малую Польшу. Кельтское воздействие и усилившееся влияние германцев приводит к превращению подклошевой культуры в пшеворскую, где все три этнических элемента сосуществовали. При этом германское население преобладало в западных, а славянское — в восточных частях (Повисленье) пшеворского ареала [Седов, 1994. С. 149—66; 2002. С. 79—97]. Какая-то часть подклошевого населения под давлением кельтов и германцев оставила польские земли и переселилась в Поднепровье, где одновременно с пшеворской сложилась зарубинецкая культура (II в. до н. э. — I в. н. э.). Дальнейшее этногенетическое развитие славян происходило на основе этих двух культур до некоторой степени соответствовавшим висло-одерскому и висло-днепровскому вариантам прародины славян.

Дальнейшие судьбы славян по В. В. Седову можно изложить следующим образом. В I в. н. э. зарубинецкая культура была разрушена сарматами, а её население рассеялось, большей частью на север, в лесную зону Восточной Европы, осуществив тем самым первую, хотя частичную славянизацию этих земель, населённых по мнению В. В. Седова, восточными балтами. Другим важным событием в жизни славян стало переселение готов в III в., которое соотносят с распространением вельбарской культуры [Седов, 1994. С. 222—32; 2002. С. 142—85]. В ходе этого движения и последующего смешения германских, славянских и сарматских эле-

ментов в Северном Причерноморье образуется полиэтническая черняховская культура (III – IV вв.). Славяне занимали верхнеднепровские и подольско-днепровские области этой общности. Здесь в ходе смешения славянского и скифо-сарматского населения складываются “анты” — обособленная славянская группировка, известная по событиям кон. IV – VII вв. [Седов, 1979. С. 95 и далее; 1994. С. 233—86; 2002. С. 186—98]. Развитие пшеворской и черняховской культур было прервано нашествием гуннов в конце IV в.

Гуннское разорение и неблагоприятные изменения климата привели к сильному оттоку населения из пшеворских и черняховских областей. Выходцы из Центральной Европы двинулись на северо-восток, в лесную зону, достигнув Приильменя и Волго-Окского междуречья. Переселение сопровождалось коренными изменениями в облике лесных восточнобалтийских культур и привели к образованию здесь новых общностей, где ведущее место могло уже принадлежать славянам [Седов, 1999. С. 91—179]. Другой переселенческий поток направился на восток. Здесь, на Средней Волге складывается земледельческая именьковская культура, принадлежавшая, по мнению В. В. Седова и ряда других исследователей, славянам [Матвеева, 1997; Седов, 1994. С. 309—15; Седов, 2002. С. 245—54].

Славянское земледельческое население, не покинувшее ареалы пшеворской и черняховской культур, лишённое продукции провинциально-римского ремесла, начиная с V в. было представлено новыми образованиями — пражско-корчакской, суково-дзедзицской и пеньковской культурами — несравненно более бедными и грубыми, чем предшествовавшие им культуры провинциально-римского круга. [Седов, 1998. С. 146; Славяне, 1993. С. 11]. В VI в. славяне продвигаются в Подунавье, где на основе славянский (прежде всего пеньковских), местных и кочевнических элементов складываются ипотешти-киндештская культура на Нижнем и сла-

вяно-аварская — на Среднем Дунае. Отсюда славяне начинают заселять Балканский полуостров. Следы славянских миграций служат т. н. древности мартыновского типа (“древности антов”), особенно пальчатые фибулы [Седов, 1995. С. 34, 130, 159 и др.; 2002. С. 218 и др.].

По объему привлеченного материала цикл работ В. В. Седова о ранних славянах не имеет себе равных в археологической литературе [Седов, 1979; 1994; 1995; 1999; 2002]. Благодаря обилию карт, наглядности и доступности эти работы представляют собой незаменимое справочное пособие по славянской археологии для неспециалистов и в силу этого пользуются немалой популярностью у смежников (например, в работах В. А. Дыбо по славянской акцентологии [Дыбо, Николаева, 1993. С. 66]). Однако среди археологов в последние десятилетия всё большим влиянием пользуется т. н. “третий путь” (термин М. Б. Щукина [1987]) поиска древнейших славян в лесной полосе Восточной Европы, по верхнему течению Днепра, за пределами славянской прародины по Л. Нидерле.

Основы этой концепции были изложены в 1979 году польско-американским археологом Казимиром Годловским [Godłowsky, 1979]. В отечественной археологии по “третьему пути” идут прежде всего М. Б. Щукин, И. О. Гавритухин, М. Казанский. По мнению этих исследователей, резкие структурные различия между провинциально-римскими и раннеславянскими археологическими культурами не допускают какого-либо генетического родства. Культуры типа Пражской, пеньковской и колочинской, по своему облику гораздо ближе к лесным древностям Восточной Европы позднеимперской эпохи, нежели пшеворским и черняховским памятникам. В первую очередь речь идёт о киевской культуре в Поднепровье (III – V вв.) [Славяне. 1993. С. 105—22; Щукин, 1994. С. 227—29]. В раннеславянское время (VI – VII вв.) прямым продолжением киевской была колочинская культура по Десне, а в лесостепной полосе при взаимодействии черняховских и колочинских элементов образовалась пеньковская культура.

В литературе сталкиваются два мнения по поводу того, который из этих элементов преобладал. По В. В. Седову [Седов, 1994. С. 316—18] основа пеньковской культуры — черняховская, а в пеньковском керамическом комплексе главное место отводится округлобким горшкам второго или “пражско-пеньковского типа” (по терминологии работ 1979 и 1982 гг.). Напротив, О. М. Приходнюк [1989] выводит пеньковскую культуру из киевской, а ведущей пеньковской формой считает биконические гошки (В. В. Седов в работе 1979 г. называл их просто “пеньковскими”, исключая из раннеславянских, “пражских” типов. — С. 119).

Главным затруднением сторонников “третьего пути” долгое время было отсутствие переходных памятников между киевскими и пражскими, поскольку “классическая” пражская керамика не выводится из киевской. Исследователи, однако, не теряют надежды обнаружить древнейшие пражские памятники в Припятском Полесье, в зоне “археологической неувовимости” IV – V вв. [Щукин, 1994. С. 229]. И. О. Гавритухин [1997] в настоящее время как будто обнаружил такие памятники, но речь идет скорее об очередном “растяжении” понятия “пражская керамика” (ср. аналогичное тип Прага-Пеньковка у Седова [1982, С. 19—28]).

По мнению сторонников верхнеднепровской прародины славян, образование пражской культуры знаменовало окончательное выделение дочернего славянского этноса из балтийского языкового массива (О концепции В. Н. Топорова см. ниже). Толчком к нему послужили события, связанные с разгромом сарматами в первой половине I в. н. э. классической зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье, которую приверженцы “третьего пути”, в отличие от В. В. Седова, считавшего “зарубинцев” славянами, переселенцами из Повисленья, причисляют к “латеноидным” культурам германских племен и отождествляет её носителей с бастарнами [Щукин, 1994. С. 107—137].

Отход уцелевшего населения на север, в область лесных культур, привело к возникновению хаоса на их территориях, где появляются т. н. постзарубинецкие памятники (“горизонт Рахны — Почап” по М. Б. Щукину). В южных пределах лесных культур, охваченных этническим брожением, образовался своего рода “котел”, где происходил переход из балтийского в славянское языковое состояние. Как полагают Д. А. Мачинский [1981] и М. Б. Щукин [1994. С. 223—26], хронологически близкое сообщение Тацита о венетах, которые *inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium engitur latrociniis pererrant* “ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и финнами” (Germ. 46.2) [Свод I. С. 39], относятся именно к указанным областям. Этнические преобразования привели к сложению переходной балто-славянской киевской культуры III – V вв., северной соседки готской державы в Северном Причерноморье (черняховская культура по М. Б. Щукину и др.). Нашествие гуннов привело к разгрому германских пшеворской и черняховской культур, чье население ушло на римские земли. В образовавшуюся пустоту хлынули лесные жители, достигшие к началу VI века Дуная, где славяне окончательно складываются, как особая этнолингвистическая общность, отмежевавшаяся от балтийского “языка-отца” [Петрухин, Раевский, 1998. С. 151—52].

Если теорию верхнеднепровской прародины славян К. Годловского (“третий путь археологического поиска древнейших славян” М. Б. Щукина), можно считать своего рода отрицательной реакцией на слабости польского автохтонизма (висло-одерская западная прародина), а работы В. В. Седова, как попытку его модернизации, то исследования современных украинских археологов суть не что иное, как продолжение висло-днепровского, восточного направления (В. Д. Баран, Р. В. Терпиловский).

Подобно сторонникам “третьего пути”, они доказывают ключевое значение киевской культуры III – V вв. для становления раннеславянских древностей последующей эпохи. Последние образовались при взаимодействии позднезарубинецких памятников (в широком смысле это относится и к киевской культуре [Славяне, 1993. С. 40—52, 105—22] с инокультурными элементами. Правда, в отличие от сторонников К. Годловского, которые полагают, что классическая пражская культура возникла в Припятском Полесье, украинские исследователи считают, что это произошло в Верхнем Поднестровье. Здесь на ряде поселений прослеживается непрерывное развитие поселений при переходе от поздне-римского к раннеславянскому времени [Баран, 1997; 1998]. Вдоль восточного склона Карпат славяне продвигаются к Нижнему Дунаю, где делятся на две группы и дальнейшее их расселение идёт двумя потоками. Один поток — анты с керамикой пеньковского типа — вливается вглубь Балканского полуострова. Славяне, носители культуры Прага-Корчак перемещаются вверх по Дунаю, в Моравию, Словакию и далее на Эльбу [Баран, 1998. С. 86—87].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить что в современной археологической литературе по прежнему продолжают развиваться как традиционные: “висло-одерская” (В. В. Седов) и “висло-днепровская” (украинские исследователи), так и новое (“верхнеднепровское”, К. Годловский) направление. Вне зависимости от внутренних разногласий все три концепции не признают дунайского происхождения славян.

Проблемы этногенеза славян в современной лингвистике

Помимо этих трёх путей археологического поиска древнейших славян в последние два десятилетия открылся и “четвёртый путь” [Щукин, 1994. С. 30], обоснованный пока только лингвистически [Трубачёв, 1991; 2002], помещающий прародину славян на Средний Дунай. Примечательно, что сдержанное отношение археологов [Щукин, 1994. С. 30] к этой теории начинает меняться. Например, В. А. Булкин в своём выступлении на по-

следнем Конгрессе славянской археологии говорил о необходимости на археологических материалах поискать вслед за О. Н. Трубочёвым славянскую прародину в Среднем Подунавье [Этногенез, 1997. С. 399—400]. “Четвертый путь” поиска славянской прародины О. Н. Трубочёва является современным возрождением дунайской теории П. И. Шафарика и, до некоторой степени, “иллиризма” XVI – XVII вв. [Трубочёв, 1993. С. 24], тогда как предыдущие “три пути” можно назвать “нидерландскими” или даже “сарматскими”.

В современной лингвистике также можно выделить два главных мнения относительно славянского языка. Размежевание между ними идет, во-первых, по вопросу о месте славянского среди прочих индоевропейских языков, а во-вторых — о времени выделения праславянского: обе эти проблемы объединяются.

Согласно О. Н. Трубочёву, корни славянского языка восходят к архаическому индоевропейскому диалекту, располагавшегося поблизости от центра индоевропейской языковой общности, т. е. на Среднем Дунае. Первоначальные связи его, относимые к бронзовому веку и даже дометаллической эпохе, имеют ярко выраженное западное направление [Трубочев, 2002. С. 88—93]. Сюда относятся прежде всего очень древние лексические схождения между праславянским и латынью, касающиеся явлений природы: **pola voda — palūdem*, **volynь — vallis*, примитивное строительство и сельское хозяйство (“плоды собранные руками”): **strojiti — struere*, **rojьto — rōtum*, элементарные социальные отношения (“страннопреимный хозяин”): **gospodь — hospes, -itis*, элементарные правовые (этические) нормы (“дозволено”, “не дозволено” = “грешно”): **basь — fas*, **nebasь — nefas*, архаическая религия (молчаливое почитание, культ предков): **goveti — favere*, **manь — manes*, начатки торговли: **věno dati — vendo, -ere*; **věniti — veneo, -ire* [Трубочев, 2002. С. 25, 382, 426].

Как полагал О. Н. Трубачев, многочисленные славяно-балтийские языковые схождения гораздо моложе перечисленных и могут датироваться временем не ранее железного века (с I тыс. до н. э. в Центральной Европе). На это указывают общее название железа (слав. **želězo*, лит. *geležis*, лтш. *dzēlzs*, др.-прусс. *gelso*), при отсутствии общего названия меди (слав. **měďь*, лит. *vāriasis*, лтш. *važs*) [Трубачев, 2002. С. 287]. Древнейшая ремесленная терминология славянских языков также не имеет ничего общего с балтийской, обнаруживая явные схождения с италийской (латинской) и германской [Трубачев, 1966. С. 331]. Таким образом, балто-славянское языковое единство можно трактовать, как ареальный языковой союз двух генетических самостоятельных языков.

Возникновение его связано с многократными отселениями славян из Подунавья в области к северу от Карпат, хотя традиция славянского проживания на Среднем Дунае (ант. Паннония) никогда не прерывались. Об этом свидетельствуют такие античные названия в Паннонии, как *lacus pelsodis* (слав. **Pleso* “плёс”) — оз. Балатон у Плиния (Plin. Sec. Hist. nat. III. 24. 146) [возражения: Свод I. С. 26] и само славянское **болтънь*, **Блатънь*, “болотный” (откуда венг. *Balaton*, нем. *Plattensee*), находящее полное соответствие с именем Паннонии, “болотной страны” (сравни др.-прусс. *rapnean* “болото”) [Трубачев, 2002. С. 140]. К славянской номенклатуре Паннонии относятся и название племени *Oseriates*, близкое к славянскому племенному имени *Ἐζερῖται* у Константина Багрянородного (гл. 50) и, следовательно, к слав. **ezero* “озеро” [Трубачев, 2002. С. 251, 314]. Не исключено, таким образом, что славяне в античное время могли скрываться под именем “паннонцев”, о которых подробно рассказывают Аппиан (Hist. Rom. X) и Дион Кассий (Dio Cass. XLIX. 36) [Трубачев, 2002. С. 109].

Совершенно противоположного взгляда на этногенез славян придерживается отечественный лингвист В. Н. Топоров [1988, 2000]. В отли-

чие от О. Н. Трубачева, доказывающего древность и индоевропейские истоки славянских языков, он утверждает относительную молодость и вторичность славянского. Последний изначально представлял собой не самостоятельный индоевропейский диалект, а ответвление балтского языка, размежевавшегося с литовским, латышским, древнепрусским накануне VI в., когда имя славян впервые появляется на страницах письменных источников. Таким образом, славяне суть переродившие балты. Нетрудно заметить, что теория балтского происхождения славян соответствует “третьему пути” в археологии, помещающего прародину славян на Верхнем Днепре, в области распространения балтских речных названий [Топоров, Трубачев, 1962].

Промежуточным между концепциями О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова является гипотеза белорусского лингвиста В. В. Мартынова [1963; 1989; 1998]. Исследователь считает, что славянский язык выделился из балто-славянского под воздействием италийского, но еще в отдаленной древности, около XII – X вв. до н. э. Позднейшие языковые связи славянского датируются VI – V вв. до н. э. (иранцы) и V – III вв. до н. э. (кельты и германцы). Можно сказать, что взгляды В. В. Мартынова лежат между крайними точками зрения: О. Н. Трубачева (славяно-латинские изоглоссы, древность славянского глоттогенеза) и В. Н. Топорова (балтское происхождение славян).

В археологии мнение В. В. Мартынова в чем-то перекликается с концепцией В. В. Седова, по которой древнейшие славяне (культура поклошевых погребений, нем. *Glockengräberkultur*) образовались к V в. до н. э. вследствие взаимодействия древнеевропейцев (лужицкая культура полей погребений) и балтов (поморская культура). Разница заключается в том, что по В. В. Мартынову италики (лужицкая культура) “отрывают” славян от живших к северо-востоку балтов, а по В. В. Седову, наоборот: балты (поморские племена) расселившись среди древнеевропейцев (лу-

жицкие племена), способствуют превращению части последних в славян [Седов, 1994. С. 136—48]. Другим важным отличием можно считать время и место славяно-иранского взаимодействия. В. В. Мартынов относит его к скифской эпохе, когда лужицкая культура подвергалась нападениям кочевников [Мартынов, 1989], в то время как В. В. Седов перемещает его почти на тысячелетие позднее и связывает со славяно-сарматским симбиозом в рамках черняховской культуры III – IV вв. вследствие чего образовались анты [Седов, 1994. С. 233—86].

Из зарубежных авторов, пытающихся на основании лингвистических свидетельств установить место славянской прародины, следует отметить Ю. Удольфа, З. Голомба, В. Манчака и Г. Кунстманна. Исследования Ю. Удольфа [Udolf, 1979 и др.] строятся на анализе “древнеевропейской” и архаичной славянской гидронимии. Последняя, по мнению ученого, ранее всего появилась в Прикарпатье (ист. Галиция), где он и помещает прародину славян. Отсюда они двумя потоками двинулись в лесную зону Восточной Европы, отмечая следы своего расселения своеобразной топонимией и гидронимией.

Збигнев Голомб [Gołąb, 1992] оперирует славяно-балтийским и славяно-иранскими языковыми данными. Прародина славян, по его мнению, лежала на Дону, где эти два этнических массива взаимодействовали. Позднее праславяне переселились на берега Днепра, который они якобы первоначально называли Дунаем. С днепровского рубежа началось дальнейшее продвижение славян на запад: как на Вислу, Одер и Эльбу, так и на берега настоящего Дуная и далее на Балканский полуостров.

Самобытный, хотя и спорный способ доказательства висло-одерской прародины славян использует польский исследователь Витольд Манчак [Mańczak, 1997, 2001]. По его мнению, не грамматика, а лексика может указать на истинное соотношение между языками. Речь при этом идет не о словарном запасе вообще, а о степени схождения параллельных текстов,

как правило, новозаветных. Используя статистические методы подсчета, В. Манчак приходит к выводу, что по количеству единиц славянской лексики, польский является наиболее “славянским” из прочих славянских языков. Используя такой же способ исследования для романских языков, польский лингвист делает подобное заключение и об итальянском. Из сопоставления славянского и романского материала следует, что романская прародина находилась в Италии (как оно и было), а славянская — в Польше, откуда произошло заселение сначала будущих восточнославянских, а затем и южнославянских земель.

Особняком от всех перечисленных концепция стоит теория австрийского лингвиста Г. Кунстманна [Kunstmann, 1996]. Его воззрения можно считать современной разновидностью далматинского “иллиризма” XVI века, согласно которому славяне являлись автохтонами западной части Балканского народа, а все проживавшие здесь племена были славянами. Выводы Г. Кунстманна опираются на своеобразные славяно-греческие этимологии; такие, например, как: ободриты (славянское племя в Полабье и в Дакии) — **απατριδες* “безродные”, дулебы (на Волыни, в Паннонии, Южной Чехии) — долопы (эпирское племя), Архона (на о. Рюген) — **αρχυ* “власть”, уклея (**uklēja*, название рыбы) — *εὐκλεία* “добрая слава” и т. п., а также к лингвогеографический анализ славянских топонимов, связанных с племенными названиями “Повести временных лет” и других источников [Трубачев, 2002. С. 294].

Если подвести итог существующей историографии, то можно сделать следующее заключение. Начиная по меньшей мере с XVI века существует два направления поисков древнейших славян, соответственно к югу (в Подунавье) или к северу (между Одрой и Днепром) от Карпат. В донаучный период это “иллирийская” и “сарматская” версия. В XIX – начале XX вв. — школы П. И. Шафарика и Л. Нидерле, в современной лингвистике — соперничество концепций О. Н. Трубачева и В. Н. Топорова

по ключевому вопросу о балто-славянском единстве. Что же касается археологии, то подобного раздвоения здесь не существует. Все три пути, на которых археологи ищут прародину славян, проторены на север от Карпат: между Вислой и Одрой (В. В. Седов), либо между Вислой и Днестром (украинские исследователи), либо на Верхнем Днестре (последователи К. Годловского) [Булкин, 1998].

Перспективы поиска древних славян на Дунае

В связи с этим хотелось бы сказать несколько слов о сущности возражений, которые все современные археологи выдвигают против дунайской теории. Кратко они изложены отечественным археологом М. Б. Щукиным в следующих словах: “трудно было бы проследить преемственность достоверно-славянских культур VI – VII вв. с предполагаемыми предками Дунайского бассейна ни по структуре, ни по отдельным деталям” [Щукин, 1994. С. 30].

По этому поводу следует заметить, что приемственность между достоверно-славянской культурой VI – VII вв. типа Прага— Корчак и предшествующими древностями с трудом прослеживается не только в Дунайском бассейне, но и на коренной территории ее распространения. “Классические” пражские древности появляются как *deus ex machina* — характерно в этом отношении внимание сторонников “третьего пути” к Полесью, где до сих пор практически не обнаружено памятников великого переселения народов и где в “зоне археологической неуловимости” они пытаются найти древнейшие пражские [Щукин, 1987; Гавритухин, 1997].

С другой стороны, пражские памятники, а именно они считаются “достоверно-славянскими”, не найдены опять-таки именно там, где историки VI – VII вв. помещают славян в Подунавье и на Балканах. Раннеславянская культура этих местностей не имеет никакого отношения к древностям пражско-корчакского типа и уходит корнями в культуру римских провинций. Еще Л. Нидерле указал на римское происхождение характер-

ной славянской гончарной керамики украшенной ленточным и волнистым узором, а также S-конечных женских височных колец [Нидерле, 1956. С. 242, 338]. Более того, славянская принадлежность пражской культуры определяется не путем сопоставления ее ареала с местами, где ранневизантийские источники упоминают славян, — там то ее как раз и нет, — а ретроспективно, на основе преемственности пражских и достоверно славянских древностей раннего средневековья, VIII – XIII вв. Последние же сложились под сильным влиянием дунайских ремесленных центров [Седов, 1994. С. 197]. Обточенная и гончарная посуда дунайского типа распространяется с VII в. по всему западнославянскому ареалу к северу от Карпат, постепенно вытесняя лепную пражскую керамику [Русанова, 1976. С. 131; Седов, 1979. С. 113, 127]. Одновременно происходит и почти повсеместный переход к курганному обряду погребения праха в указанных областях и землях будущей Руси.

Истоки славянского погребального ритуала VIII – XI вв., описанного также в “Повести временных лет”¹⁰, уводят нас в римское Подунавье I – II вв. н. э., где в это время господствовал обряд трупосожжений под курганами “норицко-паннонского типа” [Цолль-Адамикова, 1998. С. 88—89]. Курганный обряд в римское время отнюдь не принадлежал к повсеместно распространенным — курганные захоронения известны только на Рейне, в окрестностях Трира, на Дунае и во Фракии [Тоунбее, 1971. Р. 179—188, особ. 186]. Еще в большей мере это правило характеризует варварский мир к северу от дунайского лимеса. За исключением кочевнических погребальных памятников (курганы, но с трупоположением, а не с трупосожжением) здесь господствовали культуры полей погребений (эльбских германцев, пшеворская, черняховская), которым было чуждо трупосожжение

¹⁰ “А Радимичи и Вятичи и Север один обычай имеяху — живяху в лесе, якоже всякый зверь... И аще кто умряше, — творяху тризну над нимь. И посемь сътворяху краду велику и възложяху на краду мъртвыца и съжъжаху и. Посемь, събравъше кости, възложяху в судину малу и поставляху на стълпе на путьх, еже творят Вятичи и ныне” [ПВЛ. С. 16].

под курганами. Единственным исключением была культура карпатских курганов III—V вв. в верховьях Прута. По мнению В. В. Седова, именно карпатские курганы послужили истоком соответствующего славянского ритуала [Седов, 1995. С. 16].

Вместе с тем сама культура карпатских курганов не имеет местных корней, — ее носители переселились сюда не ранее половины III в. из Римской Дакии [Славяне, 1993. С. 171—181]. В пределах последней обнаружены сотни т. н. трансильванских курганов II в. н. э., известных прежде всего по раскопкам могильника Кашольц-Кальбор под г. Сибиу (более 300 курганов) [Этнокультурная карта. 1985. С. 67; Фёдоров, Полевой, 1973. С. 199—200]. Трупосожжения под курганами в римской Дакии не имеют никакого отношения к местному дакийскому населению — они принадлежат выходцам из Паннонии и Норика, переселенных сюда Траянами после покорения страны [Чаплыгина, 1990. С. 42; Масгеа, 1957]. Генетическая связь погребальных обрядов у паннонцев и славян может служить свидетельством этнической приемственности обоих народов.

Таким образом, заключения археологов о полном отсутствии в Подунавье каких-либо памятников, которые можно связать с последующей раннеславянской культурой, нельзя признать справедливыми ни в частности, ни по существу. Напротив, вся славянская материальная культура VIII – XI вв., от керамики и украшений до погребального обряда может выводиться из римской Паннонии, за исключением разве что классической раннеславянской лепной посуды пражского типа, чуждой славянскому населению Подунавья и Балкан. Археологические следы предков славян в Паннонии не обнаружены не потому, что их там нет, а в силу того, что следуя сложившейся традиции, их там и не пытаются отыскать.

Проблема начала славянской истории

Другой важный вопрос, без которого немислимо историческое изучение свидетельств о ранних славянах, является позднее появление само-

названия славян в письменных источниках (не ранее VI в.). В литературе имеются две точки зрения, объясняющие это обстоятельство. Первая из них гласит, что о существовании славян мы можем твердо говорить только с VI века, когда этноним **slověne* надежно фиксируется источниками [Иванов, 1991]: “Все попытки ученых обнаружить славянский этнос в предшествующие эпохи, настойчивые и уже буквально многовековые, где-то на пространствах Центральной и Восточной Европы не дали убедительных результатов. Фундаментальной причиной бесплодности означенных попыток можно считать только отсутствие данного этнического образования и его возникновения незадолго до начала VI века” [Васильев, 2000. С. 414—15]. Согласно данному мнению, в жизни славян был период, когда они обходились без этнонима, заменяя его архаическими обозначениями “свои, наши” и т. п., и лишь позднее, с расширением межэтнических связей могло появиться особе самоназвание [Трубачев, 1983. С. 250; 2002. С. 137].

Относительно первой из высказанных позиций можно заметить, что появление славянского самоназвания в источниках, написанных на чужих языках — греческом и латинском, ничего не может сказать о времени появления этого этнонима в речи самих славян. Трудно согласиться с утверждением: “Если бы люди осознали свое этническое единство, то это должно было отразиться в появлении самоназвания, *а его со временем не могли не узнать соседи, а там и народы, имеющие письменность* [курсив наш — С. Н.]. Конечно, на процесс трансмиссии этнонима могло уйти какое-то время, но ведь *не века же!*” [Иванов, 1991. С. 8]. Очевидно, что узнавание чужого самоназвания и его перенесение (трансмиссия) в свой собственный язык и письменность суть разные вещи. Любой русский человек, выучивший немецкий язык, знает, что самоназванием немцев является этноним *Deutsche*. Славяне столкнулись с немцами по меньшей мере во времена Кирилла и Мефодия, которых подвергали гонениям *немьчьскыя попы*.

Прошли “века”, но “трансмиссии” немецкого самоназвания *Deutsche* до сих пор не произошло ни в одном славянском языке: “тевтонов” по-прежнему именуют славянским аллоэтнонимом **nětsci* “немцы”. Более чем с тысячелетним опозданием от первого знакомства с ними дунайских славян в Подунавье, произошла “трансмиссия” самоназвания венгров — *Magyar* “мадьяры” в языки славянских народов бывшей монархии Габсбургов. Вплоть до XIX столетия славяне называли венгров только по-славянски — т. е. “уграми” (прасл. **ogъrь*, чеш. *Uher*, слов. *Uhor*, серб. *Ugar*) [Király, 1998. S. 173]. И сейчас “Мадьярией” в официальной письменности называется именно Венгерская республика (венг. *Magyarország*, чеш., слов. *Mad'arsko*, сербо-хорв. *Maђарска / Mađarska*), но никогда — Австро-Венгерская империя или Венгерское королевство (чеш. *(Rakousko-)Uhersko*, слов. *(Rakusko-)Uhorsko*, серб. *(Аустро-)Угарска*).

Заимствование венгерского самоназвания в славянские языки и письменность¹¹ связано скорее с политическим, нежели этническим преобразованием — распадом империи Габсбургов на национальные государства. Аналогичный пример можно привести также из отечественной истории, где образование национальных республик, часто сопровождалось заменой “устаревшего” русского этнонима заимствованным национальным самоназванием (“черемисы” — марийцы, “зыряне” — коми, “киргизы” — казахи и т. д.).

Подводя итог вышесказанному, следует сделать следующий вывод: отсутствие этнонима “славяне” в античной письменности ранее VI века и появление его в памятниках этого столетия не дает оснований для прямолинейных заключений о позднем появлении славян и этнонима **slověne* “славяне”. Равным образом можно допустить, что славяне могли быть известны древним под другим именем (при этом не обязательно “венетов”,

¹¹ Славяне за пределами бывшей Австро-Венгрии по-прежнему называют венгров по своему: польск. *Węgrzy*, рус. *венгры* (из польского, при исконном “угры”), болг. *Въгри*.

см. 3 главу настоящей работы), а появление имени славян в ранневизантийской литературе могло быть связано с ломкой классической этнонимии при переходе от античности к раннему средневековью (“географическими новостями”, как выразился В. Маяковский в стихотворении о Советском паспорте).

Такой подход не исключает, впрочем, и относительно позднего появления самого этнонима **slověne* “славяне”. Последнее не нужно жестко связывать с появлением славян в современном смысле этого слова, то есть славян как носителей славянского языка. Прокопий Кесарийский прямо говорит, что у “славян” (*Σκλαβηνοί*) и антов был один язык, из чего следует, что анты были славянами в современном значении этого слова, хотя сами, скорее всего, не пользовались этнонимом “славяне” в качестве самоназвания. Кроме того, методологически неверно отождествлять начало славянского языка с появлением самоназвания “славяне”, поскольку к этому времени славянский язык должен был уже сложиться. Ведь рассуждая подобным образом, нам бы пришлось, например, подвергнуть сомнению этническую приемственность китайцев до III в. н. э. и китайцев после III в. н. э., поскольку в это время происходит замена старого самоназвания китайцев *хуа-ся* на современное *хань-цзу*. Равным образом, нам пришлось бы отказаться и от реконструкции этногенеза германцев, поскольку последние никогда не имели собственного самоназвания для всей совокупности носителей этого языка. Первые германцы, известные истории (кимвры и тевтоны), скорее всего получили это название от соседей — галлов, а первая фиксация этнонима *Γερμάνιοι* “германцы” у Геродота (*Historia*. I. 125) вообще относится к одному из народов населявшего персидское царство (ныне ему соответствует название иранской области *Керман*, а также имя *джерман* “керманцы”, которым соседи называют белуджей).

Таким образом позднее появление имени “славяне” в античной письменности не будет рассматриваться в настоящей работе как неодоли-

мое препятствие для поиска древнейших славян в более раннее время и под иным именем или именами.

Основные выводы

По итогам главы можно сделать следующие выводы:

1. Ранние славянские письменные источники единодушно выводили славян со среднего Дуная, из бывшей римской провинции Паннония. Вплоть до начала эпохи Возрождения это положение было общепризнанным. Пробуждение интереса к античной письменности, в которой имя славян не упоминается ранее VI в. вызвало к жизни попытки отождествить славян с каким-либо из античных народов. Сторонники славянского автохтонизма пытались связать славян с иллирийцами, а противники — с сарматами.

2. Наука нового времени отказалась от прямолинейного соотнесения предков славян с каким-либо древним народом, и пыталась решить вопросы этногенеза славян, опираясь на всю совокупность сведений истории и стремительно развивавшихся лингвистики и археологии. Два главных направления в поисках древнейших славян связаны с именами П. Й. Шафарика и Л. Нидерле, противоположным образом оценивавших достоверность славянской традиции о дунайской прародине.

3. В начале XX в. дунайская теория была оставлена и поиск прародины славян сосредоточился на областях к северу от Карпат. Однако, несмотря на многолетние усилия, археологам не удалось проследить достоверно славянских древностей ранее памятников так называемой пражской культуры, выделенной чешским археологом Й. Борковским перед Второй мировой войной. В настоящее время в рамках направления, идущего от Л. Нидерле существует три главных археологических школы, выводящих славян либо с территории Польши, либо с Украины, либо из области Верхнего Поднепровья.

4. Затруднения, возникшие в связи с этим, привели в поледнее время к стремлению возродить на новом научном уровне дунайскую теорию П. Й. Шафарика и заново рассмотреть все свидетельства о древнем пребывании славян на Дунае. Речь идет о работах О. Н. Трубачева, который доказывал на лингвистическом материале достоверность славянской традиции о паннонской прародине славян.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ: *PANNONII – ΣΚΛΑΒΗΝΟΙ – СЛОВЕНЕ*

А) “Собственно славяне” на Дунае в Кирилло-мефодиевское время

Два значения этнонима “славяне”

Современная наука не проводит строгого разграничения между вопросом происхождения славян и проблемой возникновения самоназвания “славяне”. Неявно подразумевается, что с самого своего появления этот этноним охватил всех говорящих по-славянски и только впоследствии, в ходе расселения и разделения славянских племен, возникли отдельные племенные наименования, тогда как этноним “славяне” сохранился в качестве самоназвания периферийных славянских общностей на границе с иноязычным населением [Porowska-Taborska, 1991. S. 60; Трубачев, 1996. С. 15; 2002. С.335, 377 и др.; Петрухин, Раевский, 1998. С. 163].

Указанная точка зрения, при всей своей очевидности, входит в противоречие с имеющимися письменными источниками: как славянскими, так и неславянскими, как ранними, так и относительно поздними. Различие между историческим и современным значением этнонима “славяне” обнаруживается при первых же упоминаниях о славянах. Все без исключения ранние писатели используют имя славян в качестве обозначения только части (!) говорящего по-славянски населения. Наряду со славянами в собственном смысле слова имелся еще и другой, одного с ними языка народ — анты. В источниках VI – VII вв. славянская языковая общность обозначается в совокупности отнюдь не “славянами”, но “славянами и антами”: *Sclaveni et Antes* у Иордана (Get. 34: 119), *Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται* у Прокопия (Proc. V. 17 .2; VII. 14. 1) и др. Ни одно из ранних свидетельств не дает оснований для вывода, что имя славян в VI – VII вв. обнимало всех “славяно-антов”, хотя древние были прекрасно осведомлены об их взаим-

ном родстве, как и о том, что оба народа говорят на одном языке: “Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский (*μία... φωνὴ ἀτεχνῶς βάρβαρος*)... Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые... Да и имя встарь у славян и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали “спорами”, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросано расположив свои жилища” (Proc. VII. 14. 26, 27, 29) [Свод 1. С. 185].

Замечание Прокопия, что общее имя *Σπόροι* у славян и антов было только встарь, нельзя считать случайным. Почти теми же словами, что и “славяно-антов”, историк описывает восточногерманские племена: “В прежние времена готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. В прежние времена, правда, они назывались савроматами и меланхленами. Некоторые народы называли эти племена гетами. Все они белы телом, имеют рыжие¹² волосы, рослые и хороши на вид... Все они ариане и говорят на одном языке, так называемом готском; и как мне кажется, в древности они были одного племени, но впоследствии стали называться по разному (Proc. III. 1. 20) [Прокопий, 1993. С. 178].

Прокопий ясно дает понять, что в настоящее время все перечисленные народы, включая собственно готов, называются “готскими”. Это же имя носит и их общий язык. Напротив, обозначая единый язык “славян” и антов, Прокопий не пользуется ни одним из этих названий (“славянский” либо антский). Это обстоятельство, наряду с тем, что оба этнонима употребляются как совершенно равноправные, позволяет заключить, что поня-

¹² В переводе Чкаловой “русые”, но обычно греч. *ξανθοί* (Proc. VII. 14.27) переводится как “рыжие”. См. выше о славянах [Свод 1. С. 184—185].

тие “славяне” для историка было частным, видовым, в отличие от современного, представляющего родовое название всех славянских народов.

Именно отсутствие общеславянского самоназвания, коль скоро имя “славян” таковым в VI веке не являлось, побудило историка готов Иордана, владевшего готским языком, использовать в качестве родового обозначения славян и антов германский этноним “венеты” (нем. *Wenden*, *windische* “славяне”). Он пишет, что “от рождения реки Вислы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов (*Venetharum natio*). Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются славянами и антами” (Iord. Get. 34) [Свод I. С. 107].

В VII веке имя антов исчезает со страниц источников и этноним “славяне” начинает использоваться в качестве родового обозначения всех славянских народов, но это не привело к вытеснению “узкого”, видового значения славянского имени. Указанная двойственность отчетливо заметна в “Повести временных лет”. С одной стороны, летописец осознает, что названия “славяне”, “славянский язык” являются общими и родовыми для всех славянских племен. С другой стороны, “славяне” постоянно и при разных обстоятельствах выступают как особое племя, ничем не отличающееся от прочих славянских народов – носителей частных видовых самоназваний, среди которых оказывается в таких случаях и этноним “славяне”.

Например, в очередной поход против греков русский князь Игорь “совокупив вои многа, варязи, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа” [ПВЛ. С. 33]. В данном случае “славяне” суть предки будущих новгородцев: “Словени же седоша около езера Илмера и прозвашася своимъ имянемъ, и съделаша градъ и нарекоша и Новъгород” [ПВЛ. С. 10]. Любопытно, что перечисляя славянские племена, жившие на Руси: “Се бо токмо словенск языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седаша по Бугу, после же ве-

лыняне” [ПВЛ. С. 13], летописец, видимо во избежание логического противоречия, заменил племенное имя “славяне” на местное — “новгородцы”, единственное во всем списке.

Возможно и другое объяснение. Вслед за новгородцами в перечне следуют полочане. Позднейшие полоцкие князья в XII в. носили название “кривитьские князи” (летописная статья 1129 г.), из него часто делается вывод о кривичском происхождении полочан. Однако “Повесть временных лет” позволяет увидеть в них другую ветвь “славян”: “И по сихъ братьи [Кие, Щеке и Хориве. — С. Н.] держати почаша родъ их княженъе в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а *другое* (курсив наш — С. Н.) на Полоте, иже полочане” [ПВЛ. С. 13]. Из этого отрывка как будто следует, что у “славян в узком смысле” на Руси было два княжения — одно в Новгороде на оз. Ильмень и второе в Полоцке на р. Полоте. Подтверждением этому может служить название лежавшего выше по Двине Витебского княжества, которое называлось еще и “Славянским” [БСЭ, Т. V. С. 121]. Поскольку Витебск вместе с Усвятом был передан Ярославом Мудрым полоцкому князю Всеславу из состава новгородских волостей, мы можем считать что Полоцкое княжество хотя бы частично было населено “славянами”.

О наличие на Руси “собственно славян” можно судить не только по летописным сказаниям, но также и из современных арабских и еврейских известий. Так, арабские источники среди трех русских племен (*джинс* < лат. *gens*), называют Куяву (Киев), Славю и Арту. Распространено мнение, что второе название обозначает населенный “славянами” Новгород [возражения: Петрухин, 1982]. Хазарский царь Иосиф в ответном письме кордовскому еврею Хасдаю ибн Шафрутте среди подчиненных ему на севере народов перечисляет *Бур-т-с* “буртас”, *Бул-г-р* “болгар” волжских, *С-вар* “чувашей”, *Арису* — мордву-эрзю или удмуртов (“арских” людей XV—XVI вв.), *Ц-р-мис* “черемисов”, *В-н-н-тит* “вятичей”, *С-в-р* “северян”

и *С-л-виюн* “славян” [Коковцев, 1932. С. 98—99; Петрухин, Раевский, 1998. С. 352]. Правда, русская летопись говорит, что “славяне” платили дань не хазарам, а варягам, однако “узкое” значение этого этнонима, стоящего в одном ряду с частными племенными названиями “северян” и “вятичей”, в письме Иосифа совершенно очевидно.

Видовое употребление самоназвания славян сохранялось, наряду с родовым, по меньшей мере до XV в. Весьма характерно, что оно отмечено даже в сочинении болгарского писателя Константина Костенечского о переложении книг на славянский язык св. Кириллом и Мефодием, то есть в произведении, где славянская общность выражается в наиболее чистом виде. Интересующий нас отрывок целесообразно привести полностью. “Когда эти добрые и удивительные мужи поразмыслили, они выбрали как самый тонкий и самый прекрасный русский язык и к нему в помощь прибавлен был болгарский, сербский, боснийский и *славянский* (курсив наш — С. Н.), отчасти также чешский и хорватский языки, чтобы им охватить божественное писание... Поэтому знатоки книг не называют этот язык ни болгарским, ни сербским, а *славянским*, что означает язык всех этих народов” [ММФН. III. S. 443—44].

Хорошо видно, что в обоих случаях применение имени “славянский”, оно употребляется в разных значениях. В первом случае речь идет о видовом, частном названии особого славянского наречия (судя по соседству с языками южных славян, речь идет либо о словенском либо же о кайкавском диалекте в Славонии), во втором слово употребляется в родовом смысле, близком современному. Схожего употребления придерживается и младший современник Константина Костенечского, человек совершенно свободный от влияния славянской письменной традиции — французский путешественник Белон. По свидетельству Белона (1554), в XVI веке на Сидерокавскийских рудниках в Халкидике жило смешанное население, говорившее на *славянском*, болгарском, греческом, турецком и

албанском языках (*Ceux, qui habitent aux minures de Siderocapsa sont gens ramassüs, et usent de langage different, comme Esclavon, Bulgare, Grec, Turc, Albanois*) [Наследкова, 1956. С. 96]

Весьма характерно, что славянское население Македонии вплоть до начала XX столетия было известно преимущественно под именем “славян”: в частности, соседи-албанцы называли “сербских и македонских болгар” не иначе как *škja, škjeji*, то есть “славянами”, хотя имена как сербов так и болгар были албанцам известны [Нидерле, 1956. С. 41]. Об изначальной “узости” славянского имени свидетельствует сама архаика алб. *shqja* “славянин (македонский)” в сравнении с современным алб. *sllav* “славянин (вообще)”, вторично заимствованном из западноевропейских языков в новейшее время.

Разделению славян на “славян в узком смысле” и “славян вообще” не противоречит известный этнографический материал, как неславянский, так и славянский. Еще древние географы выделяли из обитавших в западной части Балканского полуострова иллирийских племен *Illyrii proprie dictu* “собственно иллирийцев” (Pl. Sec. nat. hist. III. 144; Pomp. Melae. De Chorographia. II. 55) [Pajakowski, 2000]. Славянское племя ободритов, обитавшее в Нижнем Полабье состояло из нескольких племен среди которых вместе с ваграми, полабами и глинянами упоминаются и “собственно ободриты”. Примеры подобного рода можно умножать до бесконечности.

О самоназвании словаков

Собственно славянские народы можно выделить и сейчас — в отличие от своих соплеменников и соседей, которые именуются частными названиями (русские, поляки, чехи, сербы или болгары), эти народы носят самоназвания образованные от имени “славян”. Речь идет о словаках (*Slováci*), словенцах (*Slovenci*) и живущих в Польском Поморье словинцах (*Słowinci*, польск. *Słowiancy*). Все три имени представляют собой производное от исходного **slověne* с расширением (**slov-ěň-ьci*, откуда *Slovenci*,

Slovinci, то есть “славянцы”) или замещением (**slov-aci*) исходной флексии *-*ěne*.

Этноним “словаки” появился по историческим меркам относительно недавно – в XV столетии, и связан с широким распространением на землях будущей Словакии чешского языка [Dorul’a, 1997. S. 182]. Уже с 1428 г. в северо-западных комитатах Венгерского королевства укрепляются отряды гуситов, захвативших в 1432 г. крепость Трнаву, откуда они постоянно угрожали Братиславе. После поражения таборитов у Липан в 1434 г. чешские воины в Венгрии оказались представлены сами себе и частью превратились в наемников, частью в совершенно независимые отряды т. н. “братков” (*bratrici*), вплоть до решительного поражения у Шарошпатока (1458 г.) державших Словакию под своей властью [Краткая история Чехословакии. С. 85—86; Смирнов, 1989. С. 245—255]. Благодаря этим обстоятельствам чешский язык, обладавший развитой письменной традицией и переживавший расцвет в годы гуситских войн, превратился по сути в литературный язык словаков [Смирнов, 1989. С. 252]. Именно из чешской речи и было заимствовано слово *Slovaci* (ед. ч. *Slovák*). Во всяком случае в чешских источниках он появляется ранее чем на землях Венгерского королевства [Виноградова, Мельников, Шушарин, 1989. С. 243].

С конца XIV века в чешской языковой среде распространяется тенденция к расширенному употреблению суффикса *-ák* (*-*акъ*), в ущерб другим флексиям, а в первую очередь — суффиксу *-*ěn-*. Следствием этого процесса стало возникновение таких форм как *Polák* (при изначальном “полянин”), *Pražák* “пражанин”, *Moravák* “мораванин”, *Slezák* “силезец” и тому подобных¹³. В одном ряду с ними стоит и этноним *Slovák* [KucEROVÁ, 1990. S. 211]. Необходимо заметить, что изначальным значением слова *Slovák* было именно “славянин”, а сами словаки именовались не иначе как

¹³ Похожие явления происходили и в русском языке XVII века, где под польским (?) влиянием появились формы “русак”, “сибиряк”, “пермяк”.

славянами. Так Ян Гус, осуждая своих соотечественников-чехов за употребление немецкого звука “л” (*l*)¹⁴, ставил им в пример словаков, которые произносили этот звук по-славянски: “Е contrario *Slawani* non habent *l* sel *l̄*”. В статуте Пражского университета от 1400 года, где словаки упоминаются в качестве одной из четырех “наций”, наряду с мораванами, венграми и чехами, они также именуется славянами (*Sclavi*): *In Universitete sunt coniuncti quattuor nationes, ut de facto sunt se. Bohemorum, cui nationi coniuncti sunt Moravi, Ungari atque Sclavi* [Kucerová, 1990. S. 212].

С другой стороны, польские авторы XVI в. называли словаками (*Slawak, Slowak*) южных славян и нижнелужицких сербов, откуда это словоупотребление проникло и в западнорусские источники. В летописной компиляции конца XVI в. из Перемышля русский автор, рассказывая о происхождении “руснаков”, выводит их от южных славян (болгар): “Болгария великая, с которой мы идемо, словаци” [Щапов, Лимонов, 1976. С. 200], “словаками” были славяне и для польского хрониста М. Стрыйковского (XVI в.) [Мельников, 1997. С. 34]. *Vocabularium latino-bohemicum Posoniense* “Латинско-чешский словарь из Братиславы” конца XIV в. дает своеобразный перечень народов: *Czeh—Bohemus, Rutenus—rusyenyn, Ungarus—Uher, Slovyenyn—Sclavus, Moravecz—Moravus*”, из контекста которого видно, что чешское слово *Slovyenyn* здесь означает только словаков [Виноградов, Мельников, Шушарин, 1989. С. 243]. Таким образом словаки и их предки считались первоначально просто “славянами” и в этом качестве противопоставлялись своим славянским соседям: чехам, русским, мораванам. Иначе говоря, словаки суть такие же “славяне” в узком смысле этого слова, как и новгородские “словене” “Повести временных лет” или *С-л-виюн* еврейско-хазарской переписки X столетия.

¹⁴ В современном чешском языке звук *L* произносится по европейски, в польском сосуществуют оба варианта: славянское *L* и близкое к немецкому произношению *Ł*.

“Славяне” и хорваты в средневековой Венгрии¹⁵

“Собственно” славяне известны не только в северной части средневекового Венгерского королевства (Словакия), но и в южной (Славония), одинаково называвшихся по венгерски *Tótország* “Славянской землей”. Речь идет о словенцах и хорватах-кайкавцах, говорящих на особом “кайкавском диалекте” сербо-хорватского языка. В средневековых венгерских памятниках они, подобно словакам, называются “славянами” (лат. *Sclavi*, нем. *Wenden*, венг. *tótok*). До начала турецких завоеваний на Балканском полуострове, перекроивших этнические и диалектные границы, соотношение южнославянских этнонимов и диалектов существенно отличалось от современного. Названия “славяне” и “Славянская земля”: *S(c)lavonia*, *Словиње*, *slovenski orsag* имели более широкое распространение.

В настоящее время они бытуют в качестве самоназвания словенцев (*slovinci*), а также исторической области Славония (*Slavonia*) в междуречье Савы и Дравы (к востоку от Загреба и к западу от Осиека). Наряду с собственно Хорватией (!) и Далмацией, Славония составляет часть современной Хорватской республики, наследницы “триединого королевства Хорватии, Далмации и Славонии” (XVI – XIX вв.). До турецкого завоевания будущие хорватские земли делились, однако не на три, а на две части, границей между которыми служил горный хребет Гвозд (Железные Альпы). К югу от него лежала собственно “Хорватия” (в литературе ее называют исторической или Далматинской Хорватией), к северу — “Славония” (Паннонская или Посавская Хорватия). Между жителями обеих областей не было ничего общего ни в этническом, ни в политическом смысле: жители Славонии четко отличали себя от хорватов, употребляя обозначения *Croatus*, *de Croatia*, *Hrvatini*, *Hrvatica*, для пришельцев из далматинской Хорватии, лежавшей к югу от Гвозда [Акимова, 1995. С. 145; Кри-

¹⁵ Ср.: Čaplovič J. Croaten und Wenden in Ungarn. Pressburg, 1829

vošić. S. 59]. Самоназванием жителей “Паннонской Хорватии” был этноним *slovinci*, свою речь они называли *Slovenski jezik*, а свою область *Slovenski orsag* (из венг. *ország* “земля”), *slovenska zemlja*, *Sloveni*. Характерно, что ни сами хорваты, ни другие представители славянского мира не смешивали “хорвата” и “славянина”. Об это говорят как народные названия Далматинской и Посавской Хорватии: *Хрвати* и *Словиње*¹⁶, так и свидетельство Неизвестного Суздальца, возвращающегося в XV в. с Флорентийского собора.

О далматинской Хорватии сообщается следующее: “От Сени до града Брыни 15 миль, а путь лесам на горы: и в тех градах живут хавратяне, язык с Руси, а вера латыньская” [Хождение. С. 149]. Проехав Славонию, русские послы прибыли в город Копривницу на границе с Венгрией: “От града Копрывници до реки Даравы миля. Та убо река у рубежа Словеньской земли с Угорской землею” [Там же]. Как явствует из отрывка о хорватах (“язык с Руси”), русский путешественник не пользуется понятием “славянский” в широком (современном) смысле этого слова, иначе бы он назвал язык хорватов “славянским”. “Славянская (Словеньская) земля” в “Хождении” означает именно Славонию.

Этническое различие между “хорватами” и “славянами” не могут поколебать даже многочисленные свидетельства, в которых Далмация и Хорватия именуются “Славонией”, а их жители — “славянами” [Katičić, 1990]. Такие сведения исходят прежде всего от “латинских” писателей, в частности — Фомы Сплитского (XIII в.) и отражают этническое противостояние романских жителей далматинских городов (“латинян”) окружающему сельскому населению (“славянам”). [Акимова, 1989. С. 132]. Весьма характерно, что для неславянского наблюдателя было свойственно именно широкое значение понятия “славяне”. Например, среди основанных фран-

¹⁶ *Словиње* — собственно хорватская (т. н. “икавская”) огласовка праслав. **Slověnyje*, жители Славонии придерживались “екавской” огласовки своего имени :*slovinci*.

цисканскими монахами для распространения своего влияния “провинций”, “провинция Славония” охватывала Далмацию и Хорватию, в то время как Славония включалась в “провинцию Венгрия”. Таким образом, подобные известия не отменяют того обстоятельства, что средневековые “хорваты” и “славяне” представляли собой два самостоятельных народа.

Вообще, в доосманскую эпоху Славония в большей степени тянула к Подунавью, нежели к Балканам. В отличие от собственно Хорватии, она считалась частью Венгрии, на нее распространялось действие “Золотой буллы” 1222 г. и общевенгерское деление на комитаты, с 1442 г. славонский “сабор” (*Congregatio regni Sclavoniae*) посылал послов в Государственное собрание Венгрии [Фрейдзон, 2001. С. 18—20]. Собственно Хорватия же (*regnum Dalmatiae¹⁷ et Croatiae*) представляла собой полунезависимый союз 12 знатных родов, слабо связанный с остальными владениями венгерского короля в том числе и с Славонией.

Положение резко изменилось в начале XVI века, когда Хорватия и Славония начали подвергаться опустошительным набегам турок. Спасаясь от турецкого нашествия, из глубин Балканского полуострова в Далмацию хлынули волны беженцев (“ускоков”), в массе своей состоявшие из “влахов” — скотоводов, говоривших на романском и сербском (т. н. штокавских говорах) языках. Во многих областях местное население почти полностью исчезло, будучи перебито или отступив еще дальше к северу. В это время множество хорватов переселяется за Гозд, в Славонию. С 1533 г. оба сабора — хорватский и славонский, впервые собираются в столице Славонии г. Загребе, в 1557 г. отдельный хорватский сабор заседал последний раз, а с 1567 г. велся единый протокол заседаний [Фрейдзон, 2001. С. 281].

¹⁷ Под Далмацией подразумевались прежде всего приморские города, населенные “латинянами”.

Когда в середине XVI в. Габсбурги начали создавать укрепленную границу с турками, рубеж между славонскими (нем. *вендскими* т. е. “славянскими”) и хорватскими крепостями пролегал уже много севернее Гозда — по р. Сава, а в следующем столетии бывшая Славония (Загребская, Вараждинская и Крижевацкая жупании), стала называться уже Хорватией, хотя и сохранила местный (“кайкавский”, см. ниже) диалект. Имя Славонии было оттеснено в восточную часть междуречья Савы и Дравы (вировитицкая, вуковарская и сремская жупании), но в отличие от исторической Славонии, кайкавский диалект здесь исчез, сменившись штокавским наречием, принесенным переселенцами из Боснии (т. н. “шокцами” или “бошнянцами”) [Мартынова, 1988].

Характерно, что исторические свидетельства о хорватах и “славянах” подтверждаются и свидетельствами лингвистики, поскольку те или иные этнонимы были исторически связаны с определенным типом диалектов. В настоящее время в Хорватии говорят на трех диалектах бывшего “сербохорватского” языка. В зависимости от произношения праславянского местоимения “что” (**čto*): (*што* / *što*, *ча*, *кај*), они именуются “штокавским”, “чакавским” и “кайкавским”. Различия между ними очень велики, гораздо больше, например, чем между русским и белорусским языками и уходят корнями в глубокую праславянскую древность [Толстой, 1989. С. 155].

Самым распространенным в настоящее время является штокавский диалект. На его основе создан и хорватский литературный язык, однако исторически штокавщина не является исконной речью на хорватских землях. Первоначальными носителями ее были православные переселенцы-влахи, которые заимствовали ее у сербов. Поскольку все сербы говорят только на различных штокавских диалектах, штокавшину следует считать исторически сербским языком [Маројевић, 1999. С. 160]. Что же касается Хорватской республики, то исконными в были только чакавское и кайкав-

ское наречия. Первое из них связано с исторической Хорватией в узком смысле этого слова (т. н. далматинской Хорватией). На чакавщине написаны хорватские глаголические книги. Азбука глаголица была в ходу именно у далматинских хорватов — носителей чакавского диалекта. Напротив, кайкавщина бытовала и до сих пор бытует в землях исторической Славонии — жители столицы Хорватии города Загреба до сих пор в обиходе пользуются кайкавским наречием [Ивић, 1986. С. 35—36]. В доосманское время кайкавская речь была распространена по всему междуречью Савы и Дравы, однако в восточной его части (совр. Славония и нынешний Срем, входивший в Славонию до 1918 г.), она полностью исчезла, уступив место штокавским говорам.

Таким образом, исторически кайкавщина представляет собой “славонский” или точнее, собственно “славянский” язык. Этому выводу не противоречит и то обстоятельство, что в XVIII – XIX вв., до начала “иллирийского” движения, сплотившего всех южных славян-католиков Австро-Венгрии и Турции в хорватскую нацию, основными носителями хорватской этнической идентичности были в первую очередь кайкавцы. Но хорватское самосознание кайкавцев вторично, как вторично и “хорватство” г. Загреба. Имя хорватов распространилось здесь вместе с исконными хорватами-чакавцами, переселявшимися за Гвозд из Далмации на протяжении XVI в. [Ивић, 1986. С. 75].

На “славянскую” в узком смысле этого слова принадлежность кайкавщины указывают прежде всего ее связи со словенским языком. По мнению П. Ивича и других ученых, имеется целый ряд особенностей резко отделяющих кайкавский и словенский от чакавских и штокавских говоров, стоящих в этом отношении гораздо ближе друг к другу¹⁸. Кайкавщина и словенский представляются некогда единым языком, разделенным на

¹⁸ Словенский и кайкавский объединяет прежде всего местоимение *kaj* “что” и “е-кающее” произношение бывшего звука **ě* (буква “ять”).

две части сначала венгерско-немецкой границей, а затем усвоением кайкавцами хорватского самосознания и сильнейшим воздействием на кайкавский (и чакавский) диалект со стороны штокавщины [Ивић, 1986. С. 35, 37; Толстой, 1989. С. 154—155]. “Славянское” самосознание первоначальных носителей кайкавщины и словенского подтверждает это предположение, сделанное лингвистами. Итак, данные этнонимии и сравнительного языкознания позволяют выделить на северной и южной окраинах исторической Венгрии два “собственно славянских” народа: словаков и словенцев (с хорватами-кайкавцами).

Совпадение обоих этнонимов обычно объясняют тем, что имя “славян” сохранилось на славянской периферии, там где славянское население граничило с неславянским [Трубачев, 1996. С. 15 ; Петрухин, Раевский, 1998. С. 163]. Такая точка зрения вряд ли может претендовать на универсальность: трудно указать на какое-либо славянское племя или народ, которое не граничило бы с чужими соседями. Лужицкие сербы (нем. *Sorben*) и древане (нем. *Drawehn*) в Ганноверском Вендланде имели названия отличные от имени “славяне” (нем. *Wenden*), хотя в долгое время прожили в немецком окружении на крайнем западе славянского мира. Словинцы и кашубы в Польском Поморье, чьи имена сейчас используются в качестве синонима, еще в XIX в. представляли собой два разных народа [Нидерле, 1956. С. 118]. Очевидно, что “степень периферийности” у них примерно одинакова и объяснить сохранение этнонима “славяне” за словенцами (пол. *Słowiańcy*) и отсутствие его у кашубов (пол. *Kaszuby*) было бы затруднительно, если придерживаться мнения о сохранении славянского имени исключительно по окраинам расселения славянских народов.

Более перспективным представляется подход, когда этноним “славяне” следует рассматривать в узком смысле, как рядовое племенное название. В этом случае рассеяние имени “собственно славян” по разным частям славянского мира должно объясняться таким же образом, как и

рассеяние любого другого славянского этнонима, — распадом некогда единого древнего “племени” этого имени [Трубачев, 1974]. Об этом свидетельствуют, в частности, сведения лингвистики о языках “собственно славянских народов” в разных частях славянского мира, в том числе и на Руси.

Благодаря находкам берестяных грамот в Новгороде мы неплохо представляем себе местный диалект, восходящий к племенному говору ильменских “словен”. Исследования А. А. Зализняка выявили в нем “ряд особенностей, сближающих его с западнославянскими языками (особенно с северолехитскими [словинский язык. — С. Н.] и со *словенским* (курсив наш — С. Н.)” [Зализняк, 1984. С. 151]. В частности, можно назвать такие словенско-новгородские схождения, как глагол “рути, рубеть” (откуда “рубеж”) — словенское *rúbiti* “описывать имущество, накладывать арест”, славянское заимствование (**rub-*) из германского, нем. *rauben* “грабить” [Зализняк, 1984. С. 110].

Из фонетических схождений сюда относятся различие двух типов звука “о”: закрытого и открытого, окончание *-*oga* в род. пад. ед. ч., местоимения **tebě*, **sebě* с огласовкой на -*e-*, притяжательные местоимения на -*ин-* от основ на -*к-*, -*г-*, -*х-* с устранением I палатализации по типу *Настъкин-*, *Лукин-*, *Михин-* и пр. [Зализняк, 1988. С. 169, 174; Куркина, 1993. С. 39]. Любопытно, что две последние изоглоссы объединяют со словенским и “новгородским” также и словацкий язык.

Интересны в отношении поиска древних диалектных схождений наблюдения над материалом славянской акцентологии. Лингвистами выделено 4 группы славянских диалектов, каждая из которых характеризуется специфическим набором акцентных инноваций позднего праславянского времени, *генетический* (а не типологический) характер которых может считаться доказанным. III “словенская” группа объединяет в числе прочих словенские, кайкавские, словинско-поморские, словацкие и ильменско-

словенские говоры, причем внутри этой группы прослеживаются особые связи между частью словенских и кайкавских говоров с лехитскими поморскими говорами (словинскими — С. Н.) [Дыбо, Зализняк, Николаев, 1993. С. 65, 66, 74, 75, 87; также Николаев, 1994].

Специфические схождения между разбросанными по славянскому миру “собственно славянскими” языками и наречиями, позволяют предполагать, что в основе их лежало единое наречие, на котором говорили “славяне в узком смысле” перед распадом своей общности. Ряд исторических и лингвистических свидетельств указывают, что местом изначального проживания “собственно славян” могло быть только Среднее Подунавье, по окраинам которого в настоящее время сосредоточены народы, носящие имя “славян”: словаки, словенцы и хорваты-кайкавцы (бывшие “славонцы”).

О венгерском названии славян *tótok*

Изучение средневековых письменных источников убеждает, что венгры не считали предков словаков и словенцев разными народами, четко отличая при этом “собственно славян” от прочих славянских племен. Хорошо известно венгерское соответствие латинскому слову *Sclavi* “славяне” — это этноним «тоты» (венг. *tótok*). Например, “славянское село” (*villa Sclavorum*), упомянутое в латинском документе 1221 года, позднее вновь встречается под венгерским названием “Тотфалу” (*Thothfalu*, совр. *Pinktótfalu*, где венг. *falu* < лат. *villa*) [Шушарин, 1997. С. 230]. Исследователь подчеркивает, что особенности употребления «не позволяет при переводе ... идентифицировать этникон *Sclavi* латиноязычных памятников раннесредневекового королевства Венгрия русским родовым понятием «славяне» (курсив наш — С. Н.), обозначавшим всю совокупность народов славянской языковой общности [Там же]. Суть дела состоит в том, что именами *тотов* и *Sclavi* венгры обозначали только тех славян, чьи потомки носили самоназвания, начинающиеся сочетанием “слов-”. Это словаки,

словенцы и хорваты кайнавского диалекта сербохорватского языка [Виноградова, Мыльников, Шушарин, 1989. С.236].

Сразу же следует отвергнуть предположение, что *тоты* — это просто покоренное венграми в X веке славянское население Среднего Подунавья — *Sclavi Hungarici* и *Sclavi nostri*, как именуются они в позднейших источниках. Предки словенцев проживали за пределами Венгрии, под властью Германской империи и, тем не менее, также считались *тотами*. Напротив, представители других славянских народов, живших в пределах королевства, такие как русские (*Rutheni, Orosz*), хорваты (*Croati, Horvát*), сербы (*Servii, Rácz*) и поляки (*Poloni, Lengyel*) никогда не входили в состав “славян” (*Sclavi, Tót*). Это значит, что венгерский этноним *тоты* “славяне” служил обозначением обособленного славянского народа, обитавшего в Среднем Подунавье еще до прихода венгров, а не разнородного славянского “населения”, объединенного внешним влиянием в лице венгерской власти.

Дунайские славяне под властью венгров хорошо известны “Повести временных лет”: “Бе единъ языкъ словеньск: *словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри* (курсив наш — С. Н.), и моравы, и чеси, и ляхоу, и поляне, еже ныне зовомыя русь” [ПВЛ. С. 21]. Нетрудно заметить, что славяне, которых “прияша угры”, упомянуты здесь наряду с другими народами “языка словеньска”, которых венгры “приятъ” (то есть завоевать) не смогли: мораванами, чехами, поляками и русскими. Характерно, что всем пяти славянским народам, упомянутым летописью, можно указать особые латинские и венгерские названия, а именно: *Sclavi (Tótok)*, *Moravi (Marótok)*, *Boemi (Csehek)*, *Poloni (Lengyelek)*, *Rutheni (Oroszok)*. Таким образом, под славянами “иже седяху по Дунаеви” следует понимать только паннонских славян, которых, в отличие от мораван, чехов, поляков и руси, венгерские источники именуют “тотами”.

Приведенный отрывок “Повести” завершает описание венгерского завоевания: “Пришедше от вѣстока и устремишася чресь горы великия яже прозвашася горы Угорския, и почаша воевати на живушя ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словенску. Посемъ же угри прогнаша вольхи, и наследиха землю ту, и седоша съ словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорска. И начаша воевати угры на греки, и поплещиша землю Фрачьску и Макидоньску, даже и до Солуня. И начаша воевати на мораву и на чехи” [ПВЛ, С. 21].

Современник венгерского нашествия Регинон (X в.) перечисляет жертвы нападений кочевников несколько иначе: “И прежде всего они исходили вдоль и поперек пустыни паннонцев и авар, добывая себе ежедневное пропитание охотой и рыбной ловлей, затем обрушились на рубежи карантанцев, мораван и болгар” [Шушарин, 1997. С. 289]. Все упомянутые здесь этнонимы, за исключением паннонцев, имеют прямое соответствие в летописи (обры, хорутане, моравы, болгары). По этой причине следует сопоставить паннонцев со “славянами”, которые сидели “по Дунаеву, где есть ныне Угорская земля...”. Что касается мораван и карантанцев, то по летописи, они происходят от тех же самых “славян” [ПВЛ. С. 11]. Таким образом, ранняя венгерская этнонимия также свидетельствует о первоначальной “узости” славянского имени, обозначающем только славянское население Среднего Подунавья (Паннонии).

Паннонославянский язык как диалект дунайских “славян”

Современные лингвистические исследования, как в славистике, так и в унгаристике, показали, что на территории Венгрии, прежде всего в Задунавье (венг. *Dúnantúl*), существовал особый славянский диалект, чьи следы в виде мощного пласта ранних славянских заимствований (несколько сотен) до сих пор сохранились в венгерском языке. По совокупности особенностей язык ассимилированных венграми славян во многом близок

южнославянским языкам¹⁹, а также среднесловацкому диалекту, но в то же время вряд ли может быть отождествлен с одним из них [Хелимский, 1988; 2001. С. 429]. Как полагает Л. В. Куркина, в истории развития праславянского языка можно особо выделить паннонославянский период, когда в результате глубокой перестройки лингвистических процессов происходит образование паннонославянской языковой общности, объединяющей диалекты западного и южного типа [Куркина, 1992. С. 222; 1993. С. 45], иначе говоря словацкий и словенско-кайкавский языки, лишь позднее разделившиеся [Иванов, 1982. С. 228—230; 1989. С. 178]. Элементами этого словенско-словацкого единства противопоставляемого прочим диалектам, на которые распался праславянский язык, были так называемые “моравизмы” или “паннонизмы”, то есть слова, чуждые болгаро-македонскому диалекту окрестностей Солуни, на котором говорили св. Кирилл и Мефодий, и который лег в основу старославянского языка [Куркина, 1993. С. 44—45].

Сопоставляя лингвистические свидетельства о паннонославянской языковой общности (по Л. В. Куркиной) или паннонославянского языка (по Е. А. Хелимскому) с историческими и этнонимическими данными о “дунайских славянах” (венг. *tótok*), можно уверенно говорить о существовании в Среднем Подунавье особого славянского народа, использовавшего в качестве самоназвания исключительно этноним **slověne* “славяне” и говорившего на особом “собственно славянском” (паннонославянском) диалекте (*urslavische Donaudialekt* “праславянский дунайский диалект” [Kraĵčovič, 1997. S. 185]), отличном от прочих раннеславянских наречий.

Об свидетельствуют и материалы этнографии. Хорватский исследователь М. Гавацци [Gavazzi, 1960] говорит об особом “западнопаннонском

¹⁹ Речь идет о словенском языке и кайкавском диалекте, которые венгерские ученые, наряду со среднесловацким, чешским и древнерусским считают особыми источниками заимствований, в отличие от вышеизложенной концепции единого источника [Краткая история Венгрии, 1991. С. 20.]

поясе” охватывающем северо-западную часть южных славян (словенцы, хорваты-кайкавцы) и южную часть западных славян (чехи, мораване, словаки). У перечисленных народов есть целый ряд общих лексем — апеллятивов и топонимов, общих обычаев и элементов материальной культуры, которые, как правило, противопоставлены центральному штокавскому (сербскому) ареалу на Балканах [Толстой III. С. 26—27]. Речь идет о списке из 15 лексем, среди которых топонимы *Pleso, Ples, Plesmo, Turovopolje, Tiropolje*; игра “мост”, обычай бросать венки в воду на Ивана Купалу, прыгать, чтобы рос лен и т. п. Любопытно, что почти все характерные западнопаннонские черты хорошо известны на Руси. Сюда относятся лексемы “перелог”, “сметана”, “кичка”, “онучи”, “рубашка”, “ссать (мочиться)”, “дуда” (не волынка с мехом, а дудка, свирель), топонимы Плѣс, Турово (поле), игра в “ворота”, соответствующая западнопаннонскому “мосту”, обычай прыгать и т. п. [Толстой I. С. 269].

Западнопаннонско-русские этнографические сходжения можно сопоставить с выявленной археологами в последние годы широкой волной переселения дунайских славян в Восточную Европу [Приходнюк, 1996; Седов, 1999. С. 183—204]. При этом речь идет не о славянском заселении как таковом, поскольку к VIII – IX вв., когда проходили указанные перемещения, лесная полоса была уже освоена иными славянскими племенами. Новыми поселенцами были выходцы из Среднего Подунавья, где располагалась особая, “славянская” в узком смысле этого слова общность. В этом отношении нам особенно привлекательной кажется археологическая концепция М. Казанского²⁰, который относит дунайское переселение словен еще ко времени великого переселения народов (о приходе новгородских “словен” откуда-то с юга в VIII в. ранее писал Д. А. Мачинский [1981]). Если точка зрения М. Казанского подтвердится, то можно будет по-

²⁰ К сожалению, сами работы М. Казанского [Kazanski, 1999; 2000] оказались нам недоступны, мы ознакомились с ними по рецензиям В. В. Седова [2002. С. 172—173] который придерживается отличных взглядов на происхождение новгородцев.

новому взглянуть на упомянутые выше особенности новгородского диалекта, обнаруживающего специфические схождения со словенским языком. В таком случае, ильменские “словене”, окажутся потомками паннонских “славян” (венг. *tótok*), выселившихся из Среднего Подунавья еще в VI столетии.

О племенном названии дунайских “славян”

Разбирая известия о “собственно славянах” нельзя обойти вниманием один важный вопрос. Оспаривая дунайскую легенду “Повести временных лет”, утверждают буквально следующее: “Решительно против дунайской прародины свидетельствует тот факт, что Нестор не называет ни одного славянского племени на Дунае в указанных им пределах: “где ныне Венгерская земля и болгарская”. Все перечисленные Нестором славянские племена расположены севернее Дуная” [Рыбаков, 1981. С. 229]. Выказанное мнение представляется не совсем верным по трем причинам. Во-первых, этноним “славяне” сам по себе уже является племенным названием “собственно славян”. Во-вторых, совокупность имеющихся источников позволяет восстановить, если не племенное, то по меньшей мере, территориальное деление “славян” на Среднем Дунае. В-третьих, Нестор называет и “племенное” название дунайских славян — “дулебы”.

Сопоставление материалов исторической этнографии позволяет утверждать, что та или иная территория или народ (племя) в составе более широкой общности может вообще обходиться без особого имени, пользуясь “родовым” именем в качестве частного самоназвания. “Узким” и “широким” смыслом (или видовым и родовым значением) обладает не только имя славян. Мы уже упоминали, что среди трех исторических провинций Хорватии, только одна носит это название. И если хорват из Далмации, помимо родового имени носит частное — “далматинец”, а хорват из Славонии — “славонец”, то их собрат из собственно Хорватии обходится одним родовым именем “хорват”.

Современная Польша (*Polska*) в составе исторических провинций Поморья, Силезии, Мазовии и Подляшья объединилась вокруг двух “собственно польских провинций” — Великой и Малой Польши (*Wielopolska* и *Małopolska*). При этом названия *Polonia regio*, *Polonia* и соответствующий этноним *Polanie* (лет. *поляне*) первоначально относился только к земле полян (будущей Великопольше) и лишь позднее распространилось на все государство “полянских” князей. Перенос столицы из собственно “польского” города Гнезно в Краков сместил политический и этнический центр поляков, а польское имя распространилось на Краковскую и Сандомирскую земли, называвшиеся с XIV века *Polonia Minor* “Малая Польша”. Дальнейшее этническое и политическое развитие поляков шло путем присоединения к “собственно Польше” других периферийных областей, чьи жители помимо общепольского сохраняли ярко выраженное “местное” самосохранение (например – мазовшане).

Нетрудно заметить, что отсутствие частного или “племенного” названия характеризует этнический центр соответствующей общности. Таким образом, нет ничего удивительного, что Нестор не приводит в своем перечне славянских племен “частного” названия дунайских (паннонских) славян. Его у них и не должно было быть, поскольку речь идет о центральной области славянского света, где было создано Великоморавское государство (*Μοράβα τῆς Πανονίας*, *Морава Паннонская* [Цит. по: Петков, 1993. С. 48—50]) и протекала деятельность славянских просветителей св. Кирилла и Мефодия (IX в.).

Надо заметить, что летописей Нестор не был первым, кто затруднился назвать какое-либо “племенное” имя дунайских славян, помимо “родового” этнонима **slověne*. Псевдо-Фредегар (VII в.), рассказывая в своей “Хронике” о восстании славян против “гуннов” (авар), последовательно называет их “винидами”: *Sclavi coinomento Winedi* [Свод II. С. 367]. Этим именем называются впрочем не славяне в целом, но только поддан-

ные “короля славян” Само. Славяне же, подчинявшиеся другому вождю — Дервану, носили племенное имя *Surbii* “сербы”: “Также и Дерван, князь народа сербов [лужицких — С. Н.], которые были из рода славян... предался со своими людьми королевству Само” [Свод II. С. 371].

В отличие от этнонима **syrbi* “сербы”, имя “винидов” нельзя рассматривать в качестве племенного названия славян Само, поскольку мы имеем дело с германским обозначением славян (нем. *Wenden*), которое не является передачей какого-либо славянского этнонима. Любопытно, что *Sclavos coinomento Winedeos* “славяне называемые винидами”, восстали *contra Avaris Coinomento Chunis* “против аваров, называемых гуннами” (Fred. chron. IV. 48), то есть в первой части пары стоит самоназвание народа (*Sclavi*, *Avari* — летописные *словене*, *обры*), а во второй — имя, которым его звали соседи (*Winidi*, *Chuni*). О том, что “сербы” и “венеды” у Фредегара были разными славянскими народами, говорит и упоминание “князя венедов” Валлука, такого же “герцога” (*dux*), как и серб Дерван: *Wallucum, ducem Winedorum* (Fred. chron. IV. 72); *Dervanus dux gente Surbiorum* (Fred. chron. IV. 68) [Свод II. С. 368—371]. Таким образом, славянское население Аварского каганата, в отличие от славян, живших за его пределами (например, “сербов” Дервана), называлось только “славянами”.

В великоморавское время, после падения Аварской державы, этническое самосознание живущих на Дунае славян не претерпело каких-либо изменений. Все население Моравии, Паннонии и Словакии (имеется ввиду Нитранское княжество) именовалось *Sclavos*, *Winidi*, *Словены* [Грацианская, 1994. С. 29]. Нет оснований считать этнонимом даже имя мораван. Содержащие основную часть сведений о великой Моравии восточно-франкские Фульдские анналы последовательно называют мораван *Sclavi Margenses* “моравские славяне”. При этом, говоря о взаимоотношениях с другими славянскими народами, анналист всегда именует их собственными самоназваниями (“сербы”, “ободриты” и др.), совершенно не по-

ясняя, что они славяне. Тем более не упоминает он о славянах “сербских”, “ободритских” или “боемских” [Флоря, 1982. С. 88—91]. Очевидно, что *Margenses* означает ту часть “славян” Подунавья, которые обитали в Моравском княжестве [Dorul’a, 1997. S. 181—82].

Территориальное деление дунайских “славян”

Рассматривая совокупность письменных известий о Среднем Подунавье в IX – начале X веков, можно говорить по меньшей мере о трех “собственно славянских” княжениях: Моравском, Нитранском и Паннонском. В начале 860-х годов они находились соответственно под управлением Ростислава (846—870), Святополка (будущего моравского князя в 870—894) и Коцела, сына Прибины (последний до своего изгнания моравским князем Моймиром тоже сидел на Нитре). “Повесть временных лет” сообщает: “Словеном живущим крещенымъ и княземъ ихъ, Ростилавъ и Святополкъ, и Коцель послаша ко царю Михаилу, глаголюще: “Земля наша крещена, и несть у насъ учителю...”. Се слыша царь Михаил, и созва философы вся и сказа имъ речи вся словеньскихъ князь. “Се прислаша ко мне Словеньска земля, просящи учителя себе...” и послаша я [Мефодия и Константина] въ Словеньскую землю къ Ростиславу, и Святополку и Къцьлови” [ПВЛ, С. 21].

Этническое единство “Словеньской земли” особенно очевидно в свете глубокого политического размежевания между Великой Моравией (Моравское и Нитранское княжения) и Паннонским княжением Коцела, входившего в состав Восточнофранкского государства²¹ и никогда не подчинявшегося Моравии. Венгерский Аноним начала XIII в. рассказывая о завоевании Нитранского княжества, называет его обитателей просто “славянами”: когда “лазутчики быстро дошли до речки Тормош, где она впадает в речку Нитру, они увидели, что жители этой области, славяне и

²¹ Венгерские исследователи подчеркивают, что Коцел был просто “восточнофранкским феодалом” [Краткая история Венгрии. С. 12].

чехи (*Sclavi et Boemi*) им сопротивляются с помощью князя чехов, так как... землю расположенную между Вагом и Гроном от Дуная до р. Моравы, князь чехов (*dux Boemorum*) захватил для себя и создал одно герцогство, и в это время по милости князя чехов нитранским князем (*dux Nitriensis*) был поставлен Зубур. Когда же лазутчики увидели, что славяне и чехи не способны им сопротивляться, они три раза послали в них стрелы и некоторых из них этими стрелами убили... наконец на четвертый день чехи и все нитранские славяне (*Boemi et omnes Nytrienses Sclavi*), увидев храбрость мадьяр обратились в бегство и ради защиты жизни заперлись в крепость Нитры” (Anonimi Belae regis notarii Gesta Hungaronm. 33—37) [SRHJ, 74—80; Виноградова и др. 1990. С. 241]. Характерно, что Аноним четко отличает “чехов” от “славян”²². Очевидно и смысловое тождество выражений *Sclavi Margenses* “славяне моравские” (Фульдские анналы) и *Nitrienses Sclavi* “нитранские славяне” (Венгерский аноним) — речь идет о представителях особого славянского этноса “славян” (*in sensu stricto*), имевшего княжества на рр. Мораве и Нитре (Нитраве) [Steinhubel, 1997. S. 200].

Третье княжение дунайских “славян” лежало в Паннонии, где обосновался беглец из нитранского княжества Прибина (уб. 861 г.) и его сын Коцел (*Cheselo*). Последнего франкские источники называют *comes Sclavius*, 861 г. [Krajčovič, 1997. S. 185]. “Черноризец Храбр”, завершая свое сказание о славянских письменах, датирует его следующим образом: “яко въ времена Михаила царя греческа и Бориса князя болгарска и Растица князя моравска и Коцля князя Блатьска въ лето же от създания всего мира 6363 (363 г.)” [Толстой, 1982. С. 244]. Звание “Блатьска” (вар. “Блатеньска”) явно перекликается, во-первых, с именами оз. Балатон (слав. **bolъno* “болотное”) и столицы славянской Паннонии в IX в. — *Urbs*

²² Словацкие исследователи, модернизируя текст, переводят *Boemi et Sclavi* как *Tschechen und Slowaken*, то есть “чехи и словаки” [Steinhubel, 1997, S. 200—06].

paludarum, Mosapurc, “Болотного города”, стоявшего у юго-западной оконечности озера. Учитывая этимологическую связь названия Паннония (“болотная”) [Трубачев, 1993. С. 29] и славянского названия **Блатно* (озеро), можно предположить, что выражение “князь Блатьскъ” означает просто “князь Паннонский”.

Во всяком случае “Повесть временных лет” прямо свидетельствует, что Коцел княжил в Паннонии: “Костянтинь же възвратився вспять и иде учить болгарскаго языка, а Мефодий оста в Мораве. Посем же Коцель князь постави Мефодья епископа в Пании, на столе святаго Онъдроника” [ПВЛ. С. 22—23]. “Пания” здесь либо вариант греческого *Παιονία* “Паннония” [Свод I. Указатель], либо сокращенное латинское *Pannonia* (ср.: *in Abarorum, cuinomenti Chunorum regnum in Pannia* “в царстве аваров, именуемых гуннами в Паннонии” (Fred. Chron. IV. 72) [Свод II. С. 370—371]). Таким образом, сравнение славянских и латинских источников о Среднем Подунавье в IX в. позволяет предполагать наличие трех княжений у “собственно славян”: на р. Мораве, на р. Нитре (Нитраве) и на оз. Балатон. Важно отметить, что и у “славян” на Руси тоже было не одно, а два княжения — одно на оз. Ильмень (Новгород), а другое на р. Полота (Полоцк) [ПВЛ. С. 13].

Вполне правдоподобным выглядит предположение, что “гидронимические” племенные названия, встречающиеся у рода славянских народов и племен (висяне, бужане, гаволяне, бошняне (от р. Босна), полочане, мораване и пр.), отмечают следы расселения “собственно славян” из среднего Подунавья. Подтвердить это можно, например, свидетельством “Чудес св. Димитрия”. Когда Солунь подверглась очередному нападению македонских славян (алб. *Škja* “славяне” [Нидерле, 1956. С. 41]; о названии Македонии *ἡ Σκλαυίνια* “Славяния” см. Литаврин, 1998. С. 518—527). Город был осажден “славянами” (*Σκλάβοι*) и “сагудатами” (*Σαγουδάται*), причем “славяне” делились на две части — славян “с [реки] Ринхина” и

славян “с [реки] Стримона”

(ἀπὸ τοῦ Ρυχίνου ἔτι μὴν καὶ τῶν τοῦ Στρημῶνος) [Свод II. С. 144]. Таким образом, в отличие от славян-“сагудатов”, имевших особое племенное название, собственно “славяне” в Македонии различали себя не по племенам, а по месту проживания (ср. *Sclavi Margenses, Nytrienses Sclavi*).

Племя гаволян (славян с р. Хафель) также могло быть “собственно славянским”. На его связи со Средним Подунавьем указывает то обстоятельство, что Гельмольд в “Славянской хронике” называет гаволян герулами (Helm. Chron. Slav. 2) [Гельмольд, 1963. С. 37]. Последнее перекликается с известным рассказом Прокопия о переселении герулов от берегов Дуная, когда они “миновали поочередно все племена славян, миновав затем обширную пустынную землю, пришли к так называемым варнам, а после них быстро прошли и через племена данов” (Proc. VI. 15) [Свод I. С. 177]. Возможно также предположить, что многовековое обособление босняков от сербов и хорватов, может указать на “собственно славянскую” подоснову этого народа, отразившуюся в их “гидроэтнониме” *бошняне, босняки* (“славяне” с р. Босны, босанские “славяне”).

Кроме Моравского, Нитранского и Блатенского княжеств у дунайских славян можно указать еще ряд подобных территориальных образований. Это лежащие к западу от Паннонии земли, населенные предками современных словенцев: карантанцами (нем. *Kärnten*) и жителями области между Энсом и Венским лесом, известными как “славяне к востоку от Баварии” (*Carantanos... et Sclaves qui ab orientali parte sunt Baioariae*), а также населением области Крайна (*Carniolenses*). “Собственно славянами” их можно считать в силу того, что на них распространялось венгерское и немецкое имя “славян” (*tótok, Wenden*). То обстоятельство, что “Повесть временных лет” отличает *мораву* и *хорутан* (карантанцев) от дунайских *словен*, следует объяснять тем, что эти области избежали венгерского господства, тогда как *словен* “по Дунаеви” (т. е. жителей Блатенского и

Нитранского княжений) “прияша угри” [ПВЛ. С. 13, 21]. Вероятно, по этой же самой причине появились наряду со словом *tót* “славянин” и венгерские этнонимы *Marót* (< слав. **moravьсь*) и *Korontal* (< слав. **koroten(inь)*), “мораване” и “карантийцы”.

Сделанные выше выводы о существовании в Среднем Подунавье особого славянского народа с самоназванием “славяне”, говорившем на особом праславянском диалекте, в настоящее время приняты многими чешскими и словацкими исследователями, которые видят в этом следствие политической интеграции дунайских славян в рамках Великоморавской державы [Dorul’a, 1997. S. 181 и др.; Krajčovič, 1997. S. 184]. Прямыми наследниками этого славянского племени (*ein slavischer Stamm mit der Namen Slověne*) [Dorul’a, 1997. S. 181] считают носителей среднесловацкого диалекта, легшего в основу словацкого литературного языка. Особенности этого наречия указывают на его “незападнославянское” (словаки сейчас относятся к западным славянам) происхождение.

Речь идет прежде всего о таких характерных чертах как рефлекс праславянского начального **ol-* / **or-* в виде *la-* / *ra-*: *ražen*, *laket* при чешском *rožen*, *loket* и русском *рожон*, *локоть* (ср. исконно русское *робеть*, *робкий* при ц.-слав. *работа*, *раб*); сокращения **dl-* / **tl-* в один звук: слов. *šilo*, чеш. *sidlo*, пол. *szydlo* “шило”, превращение *начального **jь-* в *i-*: *ihla*, при чеш. *jehla* и др. [Krajčovič, 1997. S. 186]. Указанные “незападнославянские” особенности среднесловацкого диалекта, находящие полное соответствие в южнославянских языках, исключают возможность прихода носителей среднесловацкого наречия и этнонима “славяне” в узком смысле этого слова (то есть предков словаков) откуда-то с севера, из-за Карпат.

Невелика вероятность вообще какого-либо прихода дунайских славян в места своего проживания из иных областей. Дело в том, что к северу от Карпат отсутствуют области носившие исторические названия “Склавонии”, “Славянской земли”. Исключением можно считать разве что

земли полабских и поморских славян — “вендов”. Однако, по понятным причинам, они не могут считаться местом, откуда “собственно славяне” пришли на Средний Дунай. Археологические исследования последних лет показывают, что эти области осваивались славянами с юга, и среди переселенцев были и выходцы с Дуная, оставившие т. н. керамику рюссенской группы, одну из разновидностей серой дунайской керамики VII в. [Седов, 1995. С. 142—43]. Схожие выводы делают и лингвисты, говоря о “вторичной окцидентализации” лужицких языков, которые лишь постепенно, благодаря вхождению в один языковой союз с полабским и другими лехитскими диалектами, втянулись в западнославянскую языковую общность [Трубачев, 1966. С. 391—392; Ронин, Иванов, 1989. С. 314; Шустер-Шевц, 1983; Schuster-Šewc, 1998].

Отличие нашей точки зрения от мнения словацких исследователей заключается в том, что они рассматривают дунайских “собственно славян” (*ein slavischer Stamm mit der Namen Slověne*), только в рамках континуитета словаков от славянского населения Великой Моравии [Dorul’a, 1997; Kraĵovič, 1997]. Мы же полагаем, что эти рамки должны включать всех “славян” Подунавья, на которых распространялось венгерское название *tótok (Sclavi)*, независимо от того, входили ли они в состав Великой Моравии (как предки мораван и словаков) или же нет (как предки словенцев и хорватов-кайкавцев). Из этого следует также, что образование на Среднем Дунае особого народа “славян”, говорившего на паннославянском языке, нельзя связывать с объединительной деятельностью моравских князей или венгерских завоевателей [Хелимский, 2000. С.462—466]. Указанная “собственно славянская” общность должна была существовать ранее, по меньшей мере уже в аварскую эпоху.

Проблема дулебов

Выше говорилось, что у славянского населения в Подунавье не было какого-то особого племенного имени, наподобие имени руси, поляков, че-

хов, сербов или хорватов. В отличие от перечисленных народов они были просто “славянами” (венг. *tótok*). Однако “Повесть временных лет” косвенно прилагает к ним имя, которое принято считать именно племенным — это этноним “дулебы”. Летописец сообщает: “Словеньску же языку [курсив наш — С. Н.], яко же рекохомъ, живушу на Дунаи, придоша от скуфь, рекше от хозарь, рекомии болгаре и седоша по Дунаеве и насельници словеномъ быша. Посемъ придоша угри белии и наследиша землю словеньску. Си бо угри почаша быти при Ираклии цари, еже находиша на Хоздроя, царя перьского. Въ си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словененхъ, и примучиша дулебы, суцая словене, и насилие творяху женам дулебским: аще поехати будяше обърешу, не дадеше въпряги коня ни вола, но веляше въпряги 3ли, 4ли, 5ли женъ в телегу и повести обърела и тако мучаху дулебы” [ПВЛ. С. 14].

Сходный текст о взаимоотношениях славян и авар приводится и в “Хронике” т. н. Фредегара: ”В год 40-й царствования Лотаря человек по имени Само, по рождению франк из округа Сансского (*natione Francos de rago Senonago*) увлек с собой многих купцов (и) отправился торговать к славянам, называемыми винидами. Славяне тогда начали восставать против аваров, называемых гуннами и царя их кагана. Виниды издревле были “бефульками” (*befulci*) гуннов, так что когда гунны выступали войной против какого-либо народа, гунны скрывали свое войско в укрепленном лагере. Виниды же сражались: если побеждали, гунны выступали забирать добычу, если же виниды терпели поражение, гунны приходили на помощь. Поэтому они назывались от гуннов “бефульками”, что в бою они образовывали перед гуннами двойную боевую линию. Гунны всякий год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань (Fred. Chron. IV. 48) [Свод. II. С. 366—367].

Сравнение двух отрывков убеждает, что речь в них идет о взаимоотношениях авар и славян на землях аварского каганата в Паннонии [Королюк, 1963]. Это подтверждается и “Повестью временных лет”, где речь идет о последовательных нашествиях кочевников: болгар, белых угров и аваров, на славян, которые “якоже рекохом, живуци на Дунай” [ПВЛ. С. 14]. Здесь же, в Паннонии, на среднем Муре, отмечен топоним *Dudlepin*, связываемый с дулебами. Вообще, совокупность сведений топонимии позволяет поместить место жительства дулебов между юго-западной оконечностью озера Балатон и р. Мурой [Развитие, 1982. С.338]. Это именно то место, где располагалось ядро Паннонского княжения Прибины и Коцела в IX в., как и упомянутое в одном акте 891 г. “дулебское графство” (*in comitatu Dudleipa*) [Нидерле, 1956. С. 74; Szymański, Dąbrowska, 1979. S. 561; Müller, 1997. S. 75].

В литературе широко распространено мнение, что в рассказе “Повести” речь идет о дулебах на Волыни. Это мнение, принятое в частности А. Авенариусом [1974. S. 193—217], основывается на замечании летописца: “Дулебы живяху по Бугу, где ныне вельняне” [ПВЛ, С. 14]. Его нельзя считать верным. Имя дулебов широко известно по славянскому миру, например, в Южной Чехии. Очевидно, что в случае тесного славяно-аварского взаимодействия следует предпочесть паннонских дулебов всем прочим [Королюк, 1963]. Кроме того, нельзя исключить, что имя дулебов указывает на пределы, куда распространялось влияние аварского каганата.

Хорошо известно, что крупнейшее раннеславянское городище VI в. Зимно на Волыни, на р. Буг, было сожжено аварами в правление Юстиниана I или Юстина II. После разгрома оно было восстановлено, а в его верхнем слое были найдены бронзовые украшения, близкие к распространенным в Подунавье т. н. “древностям антам” [Аулих, 1972]. Кроме того, сами дулебы-бужане могли быть переселенцами со Среднего Дуная: выше мы уже говорили, что за “гидронимическими” этнонимами вроде вислян,

полчан, мораван, бошнян и пр. скорее всего скрываются “собственно славяне”. В общем, из сообщений “Хроники” Псевдо-Фредегара и “Повести временных лет” следует заключить, что имя “дулебы” было названием славянского населения Подунавья, которое попало под власть “обров” и которое, после прихода в Паннонию новых кочевников-венгров, получило от последних имя “тотов” (венг. *tótok*).

Есть основания считать, что славянское **dudlěbi* “дулебы” и венгерское *tótok* “славяне” восходят к одному источнику. Эта точка зрения еще не высказывалась в историографии, однако к ней можно прийти, сопоставив имеющиеся мнения об этимологии славянского и венгерского слова. Известно по меньшей мере четыре—пять таковых для этнонима “дулебы”. За исключением Г. Кунстманна, который видит в дулебах античных долопов [Pantelić, 1997. С. 43] исследователи согласны с германским происхождением слова. В дулебах видели и “волынщиков” (ср. нем. *Dudelsack* “волынка”). откуда якобы произошло другое их название — “волынские”, и возводили их имя к антропониму типа “Детлиб” [Агеева, 1990. С. 34]. Более обоснованными кажутся теории М. Фасмера и О. Н. Трубачева.

Согласно М. Фасмеру слав. **dudlěbi* восходит к германскому **teut-laiba* “имущество народа” [Фасмер I. С. 551]. О. Н. Трубачев, возражая, что в таком случае славянское слово звучало бы как **čulebi* (ср. слав. **čudь* “чудь” из того же германского корня) предлагает этимологию **daud-laiba* “выморочное (имущество)”, “наследство умершего” [Трубачев, 1974. С. 52—54; ЭССЯ. V. С. 147—148]. По мнению исследователя, имя возникло в процессе освоения славянами покинутых германцами земель. Дулебы в таком случае — славянские “наследники” германцев.

Относительно венгерского слова *tót* имеются два мнения. Согласно первому из них, оно восходит к тюркскому слову **tāt* обозначающему оседлое население, подчиненное власти кочевников (поговорка в словаре

Махмуда Кашгарского, XI в.: “Турок без тата, что шапка без головы” [Шушарин, 1997. С. 262; EI. VIII. P. 697—700; Kučerová, 1990. S. 210]. Согласно точке зрения О. Н. Трубачева, венгерское *tót*, с долгим “о” возникшим вследствие стяжения дифтонга, отражает кельто-иллирийский корень *teuto- / touto-* “(простой) народ”. Жившие в Паннонии кельты (слав. “волохи”) могли назвать этим именем местных славян [Трубачев, 2002. С. 46].

По нашему мнению, трудно доказать, что в IX в. венгры столкнулись в Подунавье с кельтским населением, жившим в Паннонии до прихода римлян и впоследствии романизированным (славянское имя романского населения “влахи / волохи” восходит к кельтскому племенному названию *Volcae*) [Трубачев, 2002. С. 45]. Было бы неясным, почему заимствовав имя славян (*tótok*) у кельтов-волохов, имя самих волохов (венг. *olászak* совр. “итальянцы”) венгры заимствовали у славян. С точки зрения истории легче связать венгерское *tót* с тем же германским словом **daud-laiba*, которое лежит в основе славянского **dudlěbi* “дулебы”. Современная унгаристика утверждает, что современному венгерскому долготу “о” (*ó*) в древневенгерском соответствовал дифтонг **-aw-* [Хелимский, 2000. С. 422]. Отсечение же второго корня в слове **daud-laiba* могло произойти под влиянием кочевнического понятия *таты* “оседлые данники”, каковыми и являлись дунайские славяне под властью венгров и авар. Сложнее объяснить передачу герм. **daud-* венгерским *tót* (**tawt*), хотя здесь могли действовать те же закономерности, которые превратили германское **daudlaib-* в немецкое *Toteben* (русская дворянская фамилия Тотлебен) и привели к оглушению славянского **dudlěbi* в русской фамилии Тулепов [Трубачев, 1974. С. 52—54]. Сказанное можно обобщить в следующей схеме:

нем. *Toteben*

герм. **daud-laiba* \Rightarrow венг. *tót(ok)* \Leftarrow тюрк. *tam*

Наличие особого наименования у славянского населения аварского каганата подтверждается “Хроникой” Псевдо-Фредегара. По его словам, авары называли подчиненных ими “винидов” “бефульками” (*befulci vocabantur a Chunis*, — Fred. IV. 48). Даже если отказаться от заманчивой, но малодоказуемой мысли, что *befulci* представляет собой искаженное до неузнаваемости имя дулебов, нельзя не признать, что кочевники именовали земледельческое население Паннонии какими-то этносоциальными терминами (*befulci, tótok*), а не собственным именем **slověne*. Таким образом, можно сделать вывод, что наряду с собственным самоназванием, “собственно славяне”, по меньшей мере со времен аварского господства в Паннонии (568—798 гг.), носили “дополнительное” имя германского происхождения, проникшее затем в славянский (*дулебы суцая словене* [ПВЛ. С. 14]) и венгерский (*tótok* “славяне”) языки.

Б) Славяне на Среднем Дунае в эпоху великого переселения народов (V – VIII вв.)

Расселение “славян” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*) по сведениям Иордана и Прокопия

Важное обстоятельство, когда местное самоназвание дунайских славян совпадало с общеславянским, иначе говоря, когда они были только “славянами”, может служить указанием на место, откуда славянское самосознание распространялось на другие “славяноязычные” народы. Ведь последние, вплоть до XII века, обладая несомненным этническим (польским, чешским, русским) самосознанием и отличая себя от дунайских “славян”, тем не менее называли свой язык “славянским”, а не польским или чешским²³. Иными словами, носители самоназвания “славяне” — предки словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев должны были обитать в Среднем Подунавье (Паннонии) по меньшей мере с первой половины VI в., когда этноним **slověne* “славяне” появился на страницах письменных источников.

В литературе, напротив, утвердилось мнение, что славяне пришли в Паннонию только в другой половине столетия, вместе с аварами, после того, как обитавшие здесь ранее лангобарды в 568 году ушли на завоевание Италии [Пеняк, 1972]. Нужно заметить, что такой взгляд имеет под собой крепкое основание в источниках. Два главных автора, писавших о событиях первой половины VI в. и прекрасно знакомые со славянами — Иордан и Прокопий, ничего не сообщают о “славянах” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*) на Среднем Дунае.

Иордан описывает границы расселения “славян” следующим образом: *Sclaveni a civitate Novitunense et lacu qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur* “Славяне живут от города Новиетуна и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Дана-

²³ Первые свидетельства о “чешском языке” относятся к XII столетию [Флоря, 1989.

стра и на севере до Висклы” (Iord. Get. 35) [Свод I. С. 107]. Данный отрывок комментировался неоднократно, но прежде чем изложить противоречивые точки зрения, хотелось бы обратить внимание на особенности географических взглядов Иордана.

Согласно этим представлениям, варварский мир к северу от “Романии” делился на две части — Германию и Скифию. Во время похорон Аттилы, варвары, подчеркивая полноту его власти над варварским миром, восклицали: “Великий король гуннов Аттила...! Ты, который... один овладел скифскими и германскими царствами... (*Scythica et Germanica regna*) (Iord. Get. 257). Границей между Скифией и Германией служила на севере Висла: “Эта, повторяю, страна, то есть Скифия, далеко тянущаяся и широко раскинувшаяся, имеет с востока серов, населяющих берег Каспийского моря в самом его начале, с запада — германцев и реку Вистулу” (Iord. Get. 31). Южнее, в Подунавье “Скифия погранична земле Германии до того места, где начинается река Истр и ширится Морсианское болото” (*ubi Ister oritur amnis vel stagnum dilatatur Morsianus*) (Iord. Get. 30).

Иордан совершенно недвусмысленно помещает “славян” в Скифию вслед за народом гепидов, который “первым с запада” в ней пребывает (Iord. Get. 33). Кроме того, гепиды и славяне, судя по тексту Иордана, жили в общем на одной территории, поскольку имели пределом своего расселения один и тот же географический объект — *stagnum Morsianum* “Морсианское болото” или *lacus Mursianus* “Мурсианское озеро”²⁴, отмечавший западную границу их расселения.

Скорее всего, речь идет о знаменитых болотах при впадении Дравы в Дунай, известных под названием *Οὐλκαίο ἔλη* (*Oὔολκος*) (Dio Cass. IV. 32.2), *Ulca* (Tab. Peut. V. 2), *Hiulca* (Auvr. Vic. Epitome 41, 5) и пр., откуда современное сербское название реки *Бука* (венг. *Valko*) [Авенариус,

С. 185], то же самое можно сказать и о польском [Исаевич, 1989. С. 262].

²⁴ Комментарий в “Своде”, по нашему мнению, излишне усложняет этот вопрос, уводя его в область чистой филологии [Свод I. Прим. 59, 106. С. 122, 134].

1993] Эти болота служили и служат естественной границей между областью Срем и лежащей к западу Славонией. Очевидно, что Иордан назвал их “Мурсианским озером / болотом” по лежащему в непосредственной близости от них городу Мурсе (совр. Осиек), известного тем, что в античности в его окрестностях произошел ряд известных битв между римскими императорами III – IV вв.²⁵

Предположение Е. Ч. Скржинской, что Мурсианским озером является Балатон [Скржинская, 1957] маловероятно. Последнее лежит в Паннонии, а “первое в Скифии с запада” племя гепидов, которое жило к востоку от Мурсианского болота (Iord. Get. 30, 33) Иордан совершенно определенно помещает в Дакии (Ibid., 74). В Паннонии гепиды владели только Сирмием (совр. Срем), остальной частью страны обладали в сер. VI в. смертельные враги гепидов — лангобарды. Ясно, что границей между их владениями были болота *Hiulca paludes* к востоку и западу от которых лежат Срем (ант. Сирмий) и г. Осиек (ант. Мурса), но ни в коем случае не Балатон. Эту картину подтверждают и ареалы лангобардских и гепидских археологических памятников [Magyarország, 1984. Карта 24, О. 304—05; Szymański, Dąmbrowska, 1979. S. 34]. На отождествление Мурсианского болота с болотами по р. Вуке свидетельствует и выражение *Ister oritur*. Под “началом” Истра скорее всего следует понимать не исток Дуная, а место, где происходила смена названия “Данувий” на “Истр”, каковым в древности считалось либо ущелье “Железные ворота”, либо (реже) место слияния Савы и Дуная [Шрамм, 1997. С. 49—51]. Обе этих точки лежат ближе к упомянутым болотам (*Hiulca*), чем Балатон.

Таким образом, граница Скифии и Германии может быть условно проведена с севера на юг от устья Вислы до города Мурсы. Этот рубеж, продолженный далее к югу, совпадает с границей между Восточной и За-

²⁵ Сирмийский остров — τῆς Σιρμιανῆς ... νήσου у Менандра (Men. Prot. fr. 63) упоминается со времен Проба (III в.) [Свод I. С. 322—323, 354].

падной Римской империями по р. Дрине. Возможно предположить, что деление варварского мира на Скифию и Германию в “Гетике” Иордана является отражением внутреннего деления империи, указывая на сферы влияния Константинополя и Равенны. Исходя из этих соображений, следует обосновывать и местонахождение другого предела расселения “славян” — г. Новиетуна.

В литературе принято считать, что речь идет о г. Новиодуне (сов. Исакча) в устье Дуная [Свод I. С. 132. Пр. 104]. Е. Ч. Скржинская сочла Новиетуном паннонский город Невиодуи около современной Любляны [1953]. Главным возражением против последнего предположения служит то обстоятельство, что паннонский Невиодунум лежит много западнее г. Мурсы (Осиек) и “мурсианского болота / озера”, то есть за пределами Скифии, где обитали иордановы “славяне”.

Город Мурса при слиянии Дравы и Дуная и Новиодуи при впадении Дуная в Черное море указывают на участок течения этой реки, севернее которого лежали земли “славян”. Поворачивая от г. Мурсы на север (двигаемся вверх по течению), Дунай течет меридионально, рассекая Карпатский бассейн на Паннонию и Дакию, а в более широком смысле — на Германию и Скифию, поскольку Дакия совершенно очевидно принадлежит у Иордана к последней (Iord. Get. 31—34). Таким образом, меридиональное течение Дуная можно считать естественной и исторической границей иордановых “славян” на западе.

Двумя иными пределами славянского расселения указаны в “Гетике” Днестр и Висла: “Славяне живут... вплоть до Данастра, и на севере до Висклы” (Iord. Get. 35). Поскольку восточнее Днестра: (*a Danastro extenduntur usque ad Danaprum*) и “вплоть до Данапра” жили уже не “славяне”, но анты, восточной границей Иордановых “славян” нужно считать Днестр. Северная граница “славян” по Висле может быть также определена достаточно точно. Поскольку река служила восточной границей

Скифии, “скифским”, а значит и “славянским” был правый берег реки. Правый берег Вислы является южным только в верхнем и нижнем течении. На средней Висле, где она поворачивает на северо-запад, правый, южный берег окажется уже не “скифским”, а “германским”, что исключает проживание “славян” в большой излучине реки. Исключается и устье Вислы — там, по Иордану, жили не “славяне”, а видиварии (Iord. Get. 36). Из вышесказанного следует, что северной границей “славян” была Верхняя Висла.

Земля “славян” в описании Иордана окажется, таким образом, заключена между четырьмя водными рубежами: на юге — участок Дуная от впадения в него Дравы (г. Мурса, “мурсианское болото”) до устья (г. Новиетуи), на западе — меридиональное течение Дуная до места впадения Дравы, на севере — верхнее течение Вислы, на востоке — Днестр. Иначе говоря, иордановы “славяне” занимали античную Дакию (этнографическую, а не римскую провинцию).

Поскольку “Мурсианское озеро / Морсианское болото” указано западной границей Скифии (следовательно и гепидов) и, одновременно, — “славян”, в то время как Дакия описана в качестве принадлежащей гепидам (Iord. Get. 74), следует полагать, что оба народа жили здесь чересполосно. Скорее всего, разделение Дакии между гепидами и “славянами” шло по тем же естественным рубежам, которые в I в. до н. э. описал Страбон: “Существует и другое деление этой страны, сохранившееся с древних времен: одних ее жителей ее называют дакийцами, а других гетами: гетам тех, что обращены к Понту и на восток, а дакийцами — обращенных в противоположную сторону, к Германии и к истокам Истра (Strabo, VIII. III. 112) [Страбон, 1994. С. 279]. Таким образом, гепидам (как дакийцам) принадлежало Потисье (ист. Алфёльд), а “славянам” (как гетам) — левобережье нижнего Дуная (ист. Валахия). Трудно сказать кому принадлежала Трансильвания: границы преимущественного проживания здесь славян

и гепидов соответствуют, вероятно, пределам распространения потисской группы Медиаш и ниже-дунайской группы Ипотешти-Киндешти [Седов, 1995. С. 96—98, карты]. По свидетельству Прокопия, оба народа поддерживали дружеские отношения — так, около 551 г. гепиды переправили “славян”, возвращавшихся из грабительского похода на Балканы, на своем участке Дуная (выше Железных ворот), так что “славяне” избежали встречи с византийским войском, отрезавшим им путь к отступлению (Proc. VIII. 25.5) [Свод I. С. 201].

Если подвести итоги всему сказанному, можно утверждать, что Иордан однозначно помещает своих “славян” (*Sclaveni*) в Дакии, а не в Паннонии. *Sclaveni* Иордана суть т. н. “дакийские славяне” [Трубачев, 2002. С. 364—365]. Этот же вывод можно сделать из сообщений Прокопия, хорошо знакомого с положением на Нижнем и Среднем Дунае в пер. пол. VI в. Паннонию в это время занимали не “славяне”, а лангобарды (Proc. VII. 33). Рассказ о лангобардском беглеце Ильдигисе (Proc. VII. 35. 12—22), нашедшем убежище сначала у гепидов, а затем у “славян” доказывает, что “славян” (*Σκλαβηνοί*), о которых рассказывает Прокопий, в Паннонии тогда не было.

О невозможности отождествить “славян” Прокопия с жителями Паннонии, свидетельствует и география варварских вторжений. “Славяне” опустошали только восточную и центральную часть балканского полуострова (Фракию и Иллирию) (Proc. VII. 29. 1), а лангобарды — западную и центральную (Иллирик и Далмация) (Proc. VII. 33. 11), причем конечной целью и тех и других служил Эпидамн (Диррахий). В Далмации “славяне” оказались только раз, когда спасаясь от полководца Германа, перешли туда горами из Иллирика. Вместо того, чтобы вернуться на свой берег Дуная им пришлось зимовать на вражеской земле (Proc. VII. 40. 1—7, 30—33) [Свод I. С. 195—197].

Очевидно, что обитая в Паннонии, прокопиевы “славяне” опустошали бы в первую очередь Далмацию, а Фракия была бы им совсем недоступна. Таким образом и Прокопий не дает никаких оснований утверждать, что его *Σκλαβηνοί* жили в Паннонии — это такие же “дакийские славяне”, как и *Sclaveni* Иордана. Откуда же тогда взялись “паннонские славяне”, которые в 592, 595 и 610 гг. воевали с баварскими герцогами Тассилоном I и Гарибальдом II, и вместе с аварами вторгались в Италию (Paul. Diac. IV. 7, 10, 24, 28, 37) [Свод II. С. 482—87]?

Паннонские славяне — пришельцы или коренные жители?

Широко распространено мнение, что толчком к славянскому заселению Паннонии было вторжение аваров. Заключив в 565 г. союз с лангобардами, они сокрушили королевство гепидов. Вскоре, вероятно опасаясь могущественных союзников, лангобарды покинули Паннонию и отправились на завоевание византийской Италии (2 апреля 568 г.) [Гюнтер, Корсунский, 1984. С. 195—197]. Приход аваров, таким образом, считают непосредственной причиной, а “освобождение паннонских земель лангобардами” — необходимым условием славянского расселения в западной части Среднего Подунавья [Пеняк, 1972] Мнение это представляется нам по меньшей мере спорным.

Рассуждая о славянах в VI – начале VII в. необходимо оговаривать, кого исследователь имеет ввиду, поскольку непонятно, идет ли речь о “славянах” (*Σκλαβηνοί*) собственно или же о “славянах” (*Σκλαβηνοί καὶ Ἄνται*) вообще? В данном случае мы будем следовать источникам и употреблять слово “славяне” в узком смысле. Менандр Протиктор и Феофилакт Симокатта, рассказывая о войнах между аварами и ромеями, называет в качестве славянских союзников и подданных аваров именно *Σκλαβηνοί* “славян”. Анты неизменно выступают как противники аваров и союзники Византии. Сразу же после своего появления в Восточ-

ной Европе (558 г.), вероятно ок. 560—562 гг. [Свод I. С. 327, прим. 9], авары принялись разорять их землю. (Men. Prot. fr. 6) [Свод I. С. 315].

По свидетельствам Иоанна Эфесского (VI в.), дошедших в изложении Михаила Сирийского (XII в.) и Бар Эбрея (XIII в.), в царствование императоров Тиберия или Маврикия анты опустошили землю “славян” в отместку за нападения последних на балканские области империи [Свод I. С. 284, 286]. Когда в конце правления Маврикия стратег Фракии Петр “начал готовить поход против войск Склавинии”, аварский каган в ответ “отправил Апсиха с войском, чтобы уничтожить народ антов, который был союзником ромеев” (Theoph. Sim. Hist. VIII. 5. 10—13) [Свод II. С. 40—43]. В свете этих известий можно определенно утверждать, что славянское население Аварского каганата в Паннонии ни в коем случае не могло принадлежать к антам.

Если встать на точку зрения, что, говоря о дакийских “славянах” (*Sclavini*, *Σκλαβηνοί*), Иордан и Прокопий охватывают этим понятием всех носителей самоназвания **slověne* “славяне”, мы столкнемся с трудно-разрешимой загадкой. Дело в том, что “паннонских славян” нельзя считать потомками упомянутых византийскими авторами первой половины VI в. “славян” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*). Как мы уже говорили выше, эти “славяне” обитали в Дакии, на левом берегу Нижнего Дуная, а именно по этой причине их нельзя считать славянами, которые якобы вместе с аварами переселились в Паннонию. Хорошо известно, что вплоть до 579 г., то есть еще десять лет спустя после захвата аварами Паннонии, дакийские славяне находились с ними в ожесточенной вражде. Ни о каком подчинении дакийских славян аварам ранее этого срока не может быть и речи [Литаврин, 1998. С. 67]. По этой причине славяне нижнедунайского левобережья не могли “последовать” за аварами в их походе на Паннонию.

Не могли авары и “толкать перед собой” славян [Sorlin, 1981. P. 231—232., ср.: Lemerle, 1981. P. 52], устремившихся в Паннонию под

натиском врага. Менандр Протиктор прямо свидетельствует, что авары шли не левым (“славянским”), а правым (ромейским) берегом. Осадив Сирмий, который разгромленные аварами и лангобардами гепиды сдали грекам, каган Баян вымогал у византийского полководца откуп. В качестве оправдания своих действий он утверждал, что переправившись в Малую Скифию (совр. Добруджу: *ἐν τῇ Σκυθίᾳ περαιωθεῖς*) он воздерживался от грабежей (Men. Prot. Fr. 27) [Menander, 1985. P. 134—36]. Таким образом авары в 565 г. двигались в Паннонию в обход владений “славян”, которые отделяла от них река, и в силу этого никак не могли столкнуться “славян” Дакии с насиженных мест.

Любопытно, что спустя 14 лет, во время похода на дакийских славян в союзе с ромеями, авары повторили свой путь в Паннонию в обратном направлении, с той только разницей, что до Малой Скифии их везли на кораблях по Дунаю. В Малой Скифии 60 тыс. авар были высажены на левый берег и обрушились на землю славян, которая не опустошалась до этого “ни одним из каких-либо иных народов” (Men. Prot. fr. 48) [Свод I. С. 319, 321; Литаврин, 1998. С. 61]. Таким образом, встречающиеся в разных изданиях карты, которые указывают путь авар в Паннонию по северному берегу нижнего Дуная [напр.: Седов, 1995. С. 110. рис. 36] следует считать не соответствующими действительности.

Выбор именно этого, противоречащего сведениям письменных источников маршрута, опирается на глубоко укоренившихся, особенно среди археологов, представлениях о т. н. “антской миграции” из Северного Причерноморья в Среднее Подунавье. В законченном виде она изложена в исследованиях В. В. Седова [1979, С. 126—133; 1995. С. 85. Рис. 28, С. 120—131; 2002. С. 235—38]. В своей ранней работе известный археолог, вслед за чехословацкими коллегами, обратил внимание на то, что в конце VI — начале VII вв. классическая пражская раннеславянская керамика вытесняется посудой иных очертаний, а именно, т. н. дунайской керамикой [Се-

дов, 1979. С. 113] Последняя представляет собой серую, обточенную на ручном гончарном круге посуду яйцевидной формы, украшенную орнаментом [Седов, 1995. С. 142 и др.]. Дунайская посуда обнаружена в больших количествах в могильниках аварского времени в Среднем Подунавье, а ее дальнейшее развитие привело к появлению посуды городищенского типа VIII – IX вв. целиком сделанную на быстром (ножном) круге [Русанова, 1976. С. 115—16, 23; Седов, 1979. С. 127]. Своими очертаниями (округлобокие горшки с расширением в средней части тулова) она совпадает с лепкой округлобокой посудой Пеньковской культуры (тип Прага — Пеньковка). Вследствие этого В. В. Седов причислил дунайский тип ко второй (пражско-пеньковской) группе раннеславянской керамики и связал его появление с приходом в Подунавье новых волн славянского населения из ареала Пеньковской культуры, вызванного движением аваров.

Подтверждение “пеньковской миграции” ученый видел в распространении т. н. “древностей антов”, и, прежде всего, пальчатых и антропоморфных фибул, известных как в Среднем Поднепровье, так в Подунавье и на Балканах. Находки этих предметов, по мнению В. В. Седова, указывают на заселение этих областей славянами пражско-пеньковской группы из Северного Причерноморья [Седов, 1979. С. 128 ; 1995. С. 85; 2002. С. 213—18]. Поскольку пражско-пеньковские древности в концепции В. В. Седова приписывались антам, этому народу отводилась и ведущая роль в становлении славянского населения аварского каганата. Основные положения этой теории были повторены и в недавних работах [Седов, 1995. С. 120 и далее; 2002. С. 235].

Как нам уже приходилось говорить, мнение об “антской” миграции в Паннонию противоречит сведениям письменных источников, упоминающих в союзниках авар только “славян” [ср. Васильев, 1993. С. 14]. Однако и с точки зрения самой археологии в указанной концепции содержатся такие противоречия, которые могут поставить ее под сомнение. В последние

годы окончательно возобладало мнение, что т. н. дунайская керамика имеет местное, паннонское происхождение, восходя к провинциально-римской посуде, украшенной линейным орнаментом, которая изготовлялась в Паннонии еще в первых веках нашей эры [Нидерле, 1956. С. 338; Русанова, 1976. С. 163; Fusek, 1994. S. 98]. Это обстоятельство делает невозможным выведение дунайской керамики из округлобокой лепной посуды найденной на поселениях пеньковской культуры.

Сам В. В. Седов признает: “Привлечение *керамического материала* для изучения следов *антской миграции* в Среднедунайский регион *мало-результативно* [курсив наш — С. Н.]. Паннония принадлежала к областям, где в изготовлении глиняной посуды стойко сохранялись традиции поздне-неримского гончарства. Значительную часть керамики аварской культуры²⁶ составляет посуда местного происхождения... Округлобокие горшкообразные сосуды, характерные для пеньковской керамики не могут быть выявлены, поскольку аналогичная посуда широко представлена среди поздне-неримского наследия. Среди глиняной посуды из могильников аварской культуры есть биконические горшки, по форме действительно близкие пеньковским сосудам. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что эта форма горшков принесена в Среднедунайский регион переселенцами из коренных антских земель” [Седов, 1995. С. 123]. Таким образом, керамический материал славяно-аварских могильников не может подтвердить, что часть “пеньковцев”, увлеченных движением на запад авар, вместе с ними обосновалась в 560-е гг. в Среднем Подунавье – мнение, перекочевавшее из археологической в историческую литературу [Васильев, 2000. С. 430].

Важным доказательством славянских переселений из Поднепровья в Подунавье считаются т. н. “древности антов”. Многочисленные бронзовые

²⁶ Имеется ввиду культура населения Аварского каганата, значительную часть которого составляли славяне.

украшения этого типа были обнаружены в 1911 г. в кладе у с. Мартыновка. Позднее подобные предметы были обнаружены во многих местах в Поднепровье и были поэтому названы А. А. Спициным “древностями антов”²⁷. Особое место среди этих украшений занимают пальчатые и антропоморфные фибулы. Долгое время их приписывали готам, пока немецкий археолог Й. Вернер не доказал их славянскую принадлежность [Werner, 1952]. Ему же принадлежит и классификация фибул на два типа: дунайские и днепровские. Нанесенные на карту во всей совокупности, находки пальчатых фибул дают убедительную картину “антской миграции” из коренного ареала антов в Поднепровье на запад, в область “активного антского расселения” на Нижнем и Среднем Дунае [Седов, 1995. С. 85. Рис. 28]. Однако, когда находки дунайского и днепровского типа рассматриваются по отдельности, мы обнаруживаем совершенно противоположную картину. Подавляющая масса более ранних фибул дунайского типа оказывается сосредоточенной в Подунавье, в “коренном ареале антов”, на Днепре сделаны единичные их находки [Вернер, 1972. С. 104. Рис. 1]. Поэтому нет оснований считать, что дунайские фибулы были принесены на Дунай, где они встречаются в изобилии, с Днепра, где они в сущности отсутствуют.

В зарубежной археологической литературе распространено мнение, что дунайские фибулы представляют собой изделия византийских ремесленников [Varsik, 1992; Štefanovičevá, 1997. С. 353]. Действительно, основная часть славянских пальчатых фибул на Нижнем Дунае была изготовлена в византийских мастерских Балканского полуострова. Однако анализ условий находок позволяет утверждать, что они, являясь ремесленной продукцией, стали одним из важных этнических индикаторов славян [Седов, 1995. С. 100]. Вместе с тем, славянская принадлежность дунайских

²⁷ Б. А. Рыбаков именовал их “древностями русов” [Рыбаков, 1953]

фибул сама по себе не может указывать на то, что их носители явились на Дунай непременно из Поднепровья.

Более того, есть все основания утверждать, что дунайские фибулы вообще нельзя считать “древностями антов”. Эти украшения обнаружены именно в тех местах, где по сведениям письменных источников, обитали именно “славяне”. Пальчатые фибулы во множестве найдены по всему левобережью Нижнего Дуная, в позднейшей исторической области Валахия, особенно много их в районе Железных ворот, разделяющих среднее и нижнее течение реки [Седов, 1995. С. 98]. И хотя Прокопий, говоря о том, что “славяне” и анты “обретаются на большей части другого берега Истра” (Proc. VII. 14. 30) [Свод I. С. 185], не сообщает, какой участок берега принадлежал каждому племени, мы можем легко определить это, сравнив географию антских и “славянских” вторжений в Империю.

Обнаруживается любопытное обстоятельство: все известные из Прокопия антские набеги направлялись только во Фракию (Proc. VII. 14. 11; 40. 5—6). “Славяне” же опустошали и Фракию и Иллирик, но особенно прославились своим набегами на последний (Proc. VII. 291—3, 40. 1—7), где их целями были Фессалоника и Эпидамн (Диррахий). Более чем вероятно, что “славяне” и анты, жившие “за рекой Истром, недалеко от тамошнего берега” (Proc. V. 27. 2) [Свод I. С. 177], располагались напротив византийских областей, подвергавшихся их набегам: Иллириком и Фракией.

Границей между последними служила р. Осым [Иванов, 1983. С. 32], против устья которой на противоположном (северном) берегу в Дунай впадает крупнейшей река Валахии — Олт. Последняя делит левобережье Нижнего Дуная на две части: западную (Малая Валахия, Олтения) и восточную (Великая Валахия, Мунтения), как бы зеркально отражающие деление южного берега на фракийский (восточный) и иллирийский (западный) участки. География “славянских” и “антских” вторжений во Фракию и Иллирик позволяют предполагать, что “славянами” была населена вся

Олтения и западные части Мунтении, анты же, напротив, располагались восточнее — в восточной части Мунтении, а может даже и за ее пределами, в Поднепровье (то есть в исторической Молдавии).

Эти предположения можно подкрепить выводами, полученными болгарским лингвистом И. Займовым [1967] и отечественным историком С. А. Ивановым [1983, 1984] о географии славянских вторжений через Дунай. На независимом друг от друга материале славянской топонимии и трактата Прокопия “О постройках”, описывающего систему обороны Дуная и Балкан, они приходят к одному и тому же выводу. Основным местом переправы славян через Дунай было устье р. Тимок несколько ниже Железных ворот [Займов, 1967. С. 100 и след.]. Очевидно, что славяне жили неподалеку от этой переправы, а не где-нибудь в восточной части Мунтении [Свод I. С. 347. Пр. 57.2], преодолевая, прежде чем напасть на византийцев, около 300 км картографического расстояния по пустынному (?) левобережью нижнего Дуная. Отсутствию постоянного славянского населения в Олтении и вообще Валахии противоречат находки тех же пальчатых фибул, достаточно густо и равномерно распределенные по всей ее территории. Таким образом, переправу через Дунай в районе устья Тимока должны были совершать местные “славяне”, которым и должны принадлежать “антские” (?) фибулы дунайского типа, чьи многочисленные находки сделаны как раз в это месте [Седов, 1995. С. 98. Рис. 33].

Именно последнее обстоятельство заставляет усомниться в “антской” принадлежности дунайских пальчатых фибул. Как уже говорилось выше, анты не могли жить в Олтении и вторгаться оттуда в Иллирик — последнее характерно именно для “славян”. Приводить же “славян” в Валахию из Поднепровья, из ареала лежащей между Днестром и Днепром пеньковской культуры невозможно, ибо это противоречит ясному указанию Иордана, что “славяне” (*Sclaveni*) живут до Днестра, а между Днестром и Днепром живут анты (Iord. Get. 34).

Из вышеизложенного следует вывод, что пальчатые фибулы дунайского типа, обнаруженные на нижнем и среднем Дунае и далее, на Балканах, принадлежат местному славянскому населению левобережья, принадлежавшего к собственно “славянскому” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*) объединению. Эти украшения (вероятно, прежде всего такие высокохудожественные изделия как семипальчатые²⁸ фибулы типа Вецель) делали “византийские” ремесленники, а точнее местные дунайские мастера, носители позднеримской ремесленной традиции. Дунайские пальчатые фибулы не могли принадлежать ни археологическим “пеньковцам” (в Поднепровье их почти нет), ни тем более — историческим антам. Использовать эту разновидность древностей в качестве доказательства славянских переселений (“антских миграций”) из Поднепровья в Подунавье нельзя.

То же самое следует сказать и о так называемых днепровских фибулах и звездчатых серьгах харивского типа, обнаруженных как в Поднепровье, так и на Среднем и Нижнем Дунае. Вместе с дунайскими пальчатыми фибулами они будто бы свидетельствуют о движении славян с востока на запад [Седов, 1995. С. 121. Рис. 42]. Местом изготовления этих изделий могло быть Пастырское городище, крупнейший ремесленный и, вероятно, административный центр пеньковской культуры, где обнаружены напластования VI – VII вв. [Приходнюк, 1994; Седов, 1995. С. 32—74]. Однако последние исследования показали, что “художественный стиль большинства пастырских украшений имеет дунайские истоки. Местные мастера нередко копировали дунайские прототипы, творчески развивая ювелирное дело. Результатом стало появление пальчатых и антропоморфных украшений днепровского типа” [Седов, 1995. С. 74].

О. Н. Приходнюк полагает в связи с этим, что на Пастырском городище работали мастера ремесленники, переселившиеся сюда из нижнего Подунавья и принешие передовые для того времени провинциально-

²⁸ Обычно на фибулах пять пальцев.

зантийские технологии. Импульсом миграции из нижнедунайского региона стал приход в 680 г. болгарской орды Аспаруха [Приходнюк, 1994; Седов, 1995. С. 92], отмеченный в частности прекращением существования славянских могильников на левом берегу реки [Седов, 1995. С. 105]. И хотя с датировкой переселения согласиться трудно²⁹, сам факт переселения с Дуная оспорить нельзя.

В новейших исследованиях В. В. Седова, миграции славян из дунайского региона посвящена целая глава [1999, с. 183—204]. При этом характерно, что звездчатые серьги харивского (пастырского) типа, которые в предыдущей работе служат свидетельством “антской миграции” их ареала пеньковской культуры VI – VII вв. [Седов, 1995. С. 120—123], в последнем труде известного археолога предстают в качестве доказательства переселения дунайских славян в Восточную Европу на рубеже VII – VIII вв. (Ср. изображение серег из харивского клада [Седов, 1995. С. 78. Рис. 27; Седов, 1999. С. 184. Рис. 30]).

Харивский клад, в котором были обнаружены звездчатые серьги, получившие по нему свое название, относится ко второй группе “кладов древностей антов” (пастырский, харивский) и датируется второй половиной VII — началом VIII вв. [Седов, 1995. С. 79]. К первой хронологической группе относятся клады типа мартыновского, хацковского, мало-ржавского (VI—VII вв.). Предметы мартыновского типа, известные в Поднепровье в Среднем Подунавье и на Балканах, рассматриваются как памятники населения первого Аварского каганата, известного также по славяно-аварским могильникам с дунайской посудой и синхронных поселений, пока, за исключением Дунауйвароша, практически неизученных [Седов, 1995. С. 129]. Мартыновские древности связывают с переселением авар и славян (“антов”) из Северного Причерноморья на Средний Дунай и

²⁹ Пеньковская культура прекращает свое существование в кон. VII в. вследствие того же болгарского или хазарского нашествия [Петрухин, Раевский, 1998. С. 163]: дунайским мастерам пришлось бы работать в VIII в., когда Пастырское уже было покинуто.

далее на Балканский полуостров, западная часть которого заселялась из Среднего Подунавья [Седов, 1995. С. 122. Рис. 43; С. 158—159; С. 160. Рис. 51].

Между тем, приднепровское происхождение мартыновской культуры можно обосновать разве тем, что там найден эпонимный клад (с. Мартыновка, 1911). По мнению венгерских археологов, эти “восточнославянские” древности идентичны предметам т. н. Кестхельской культуры, принадлежащей потомкам позднеантичного населения Паннонии под властью авар [Балинт, 1994, С. 59]. Любопытные известия, которые могут служить косвным свидетельством первичности дунайской мартыновской культуры по сравнению с днепровской, выявлены недавно О. Н. Трубачевым. Исследователь обратил внимание на семантическое совпадение названий римского города Интерциса (*Intercisa*) на Дунае и летописного города Пересечена на Днепре, принадлежавшему славянскому племени уличей, живших к югу от Киева, на бывших пеньковских землях: “Беша седяще Угличи по Дънепру вьнизь, и по семь преидоша межю Богъ и Дънестр и седоша тамо” [ПВЛ. С. 22]. Оба названия означают “перерезанный, пересеченный (рекой?) город” [Трубачев, 2002. С. 388—390] и позволяют предполагать, что имя днепровского Пересечена является слепком с названия дунайского города, что указывает на истинное направление славянских миграций из Подунавья в Приднепровье.

Что касается Интерцисы, то нельзя обойти молчанием два обстоятельства. Во-первых, раннесредневековым наследником римского города было славяно-аварское поселение Дунауйварош³⁰: 32 типично славянских полуземлянки с печами-каменками в углу, окруженное круглым валом. К тому, что здесь обитали именно славяне, а не авары, склоняются даже венгерские исследователи, не говоря уже об русских [Археология Венгрии, 1989. С. 326; Седов, 1979. С. 129; Седов, 1995. С. 116; 2002. С. 234]. Во-

³⁰ Развалины античной Интерцисы раскопали неподалеку — в Дунапентеле.

вторых, именно в Интерцисе обнаружена известная надпись на посвящении Дунайскому всаднику: *DE(o) DOBRATI EUTICES SER(vus) DE(dit)* “Богу Добрату Евтихий раб воздал”.

О. В. Кудрявцев [1957. С. 103], Ю. К. Колесовская [2001. С. 121—123] полагают, что речь идет о славянском “дебрь”. О. Н. Трубачев видит в латинском **DOBRATES / *DOBRATIS* славянское **dobrotь*, “доброть”, ср. польск. *dobroć* “доброта, хорошее качество, состояние” [Трубачев, 1991. С. 100]. Таким образом, пара *Intercisa* (основана Траянов в II в. н. э. [Колесовская, 1973. С. 214]) — *Пересечен* могут указывать на перенос этого названия славянскими переселенцами из Среднего Подунавья в Среднее Поднепровье, то есть в направлении прямо противоположном предполагаемой “антской миграции”.

В этой связи нельзя не отметить такие своеобразные славянские украшения как лунницы. В настоящее время они считаются одним из свидетельств переселения славян из Подунавья в Восточную Европу в VIII – IX вв. [Седов, 1999. С. 188—194]. Этот тип украшений, бытовавший среди дунайских славян, уходит корнями в провинциальное искусство Паннонии, будучи связан с культом Дунайского всадника [Zotovic L., 1998], того самого “бога на коне” [Трубачев, 2002. С. 110] из Интерцисы-Дунайвароша (дунайского “Пересечена”), названного славянским именем *DOBRAT[IS]*.

Подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что “антская миграция”, как переселение славян из Поднепровья на Дунай, едва ли имела место в действительности. Ни керамика (дунайский тип), ни украшения (пальчатые фабулы, звездчатые серьги) не могут считаться свидетельствами такого движения. Все они либо имели местное дунайское происхождение, либо были изготовлены в Среднем Поднепровье по дунайским образцам переселенцами из Подунавья. Противоречивые мнения археологов об этих категориях древностей, когда производство “антских”

украшений пеньковской культуры датируются временем после исчезновения самой культуры в кон. VII в. [Приходнюк, 1994], когда один и тот же вид украшений (харивские серьги) в работах одного и того же исследователя доказывают одновременно “антскую миграцию” VI – VII вв. из Поднепровья и “миграцию славян из дунайского региона” конце VII – IX вв. в то же Поднепровье [Седов, 1995. С. 120; 1999. С. 184—185] вызывают сомнения в самом факте “антской миграции”.

Появление подобной теории, на наш взгляд, обусловлено не внутренним развитием славянской археологии, а сильнейшим воздействием историографической традиции о “приходе” славян на Дунай, заимствованной из смежных наук — истории и лингвистики, в достаточо давнее время (работы Нидерле начала XX в.) и, в силу “срока давности”, воспринимаемой как не подлежащая сомнению истина. Итак, происхождение дунайских “славян” (но не антов!) следует искать *in situ*, то есть в Среднем Подунавье, а не за его пределами..

Разбирая известия об аварах и славянах в Паннонии, мы пришли к выводу, что “паннонских славян” нельзя выводить ни от антов из Поднепровья, ни от иордановых и прокопиевых “славян” (*Sclaveni*, *Σκλαβῆνοι*) левобережья нижнего Дуная. На своем материале к точно такому же выводу приходит Г. Шрамм, когда говорит, “что славяне, вышедшие в начале VI в. к Дунаю, двигались двумя отдельными потоками: — анты и склавины — ниже Железных ворот, а вверху [на Среднем Дунае — С. Н.] другие, западные славяне” [Шрамм, 1997. С. 31].

Утверждение, что “другие” славяне заселившие Паннонию “вышли” к Дунаю, не может быть принято, как впрочем, и причисление их “западными”³¹. Дело в том, что разобранная выше концепция “антской миграции” с востока возникла не в последнюю очередь из-за невозможности

³¹ То есть жили на современных западнославянских землях, отделенных от Среднего Подунавья Карпатами.

вывести славяно-аварскую культуру на Дунае из классических пражских древностей к северу от Карпат [Седов, 1995. С. 29—30 ; Fusek, 1994. S. 98 и др.]. Если “паннонские славяне” не могли заселить Паннонию ни с востока (“пеньковцы”), ни с севера (“пражцы”), мы должны считать их автохтонами.

Этническая приемственность провинциально-римского и славянского населения Паннонии в VI – VIII вв.

В литературе заселение славянами Паннонии ставится в прямую связь с уходом лангобардов, когда “оседлые” германцы “очистили” место для “оседлых” славян [Пеняк, 1972; Шувалов, 1989, 1991]. Это мнение не учитывает ряда важных различий в положении славянского и германского населения Среднего Подунавья, делающих невозможным простое “замещение” одного другим.

Германские племена (готы и лангобарды), занимавшие страну в V – первой половине VI в., были федератов империи, а их проживание представляло собой ни что иное, как воинский постой. Федеративный статус предполагал передачу в руки варварского племени (*gens*) той или иной провинции, в нашем случае – Паннонии. Варвары включались в состав римских войск, а император обязывался выплачивать им ежегодное жалование (*annona munera, stipendia*) или выдавать соответствующее количество продовольствия (*annonae, victualia*) [Иордан, 1997, С. 247—249]. На деле это сводилось к тому, что податное население (*subjecti*) римской провинции, отданной федератам, превращалось в их данников (*tributarii*): *Cooperuntque Gothi iam non ut advenae et peregrini sed ut cives et domini possessoribus imperare* “И начала тогда готы уже не как пришельцы и чужаки, но как граждане и господа повелевать землевладельцами и держать в своей власти все северные области вплоть до Данубия”, — так описывает Иордан положение готов в балканских провинциях после заключения федеративного договора (Iord. Get. 137).

Мы не знаем подробностей проживания в Паннонии лангобардов, но можно уверенно говорить, что они здесь не “крестьянствовали”. Прокопий с горечью рассказывает, что несмотря на щедрые выплаты Юстиниана, лангобарды “грабили Далмацию и Иллирию вплоть до пределов Эпидамии и обратили в рабство жителей” (Proc. VII. 33. 11). Надо полагать, что в самой Паннонии лангобарды также существовали за счет покоренного провинциально-римского населения. Во всяком случае, так было в Италии: *Hic diebus multi nobilium Romanorum od cupiditatem interfecti sunt. Reliqui vero per haspites divis, ut tertiam partem suarum frugum langobardis persolverent, tributarii efficiuntur* “В эти дни многие из знатных римлян были убиты из жадности. Прочие же поделенные “гостями” [лангобардами, захватившими землю] чтобы платить им третью часть от своих плодов, были превращены в трибутариев” (Paul. Dias. 2, 32). Спустя 10 лет, после того как лангобардские герцоги уступили королю половину своих владений “отягощенный народ был [еще раз. — С. Н.] поделен между лангобардскими госпитами” (Ibid., 3, 16) [Шервуд, 1989. С. 31].

Как свидетельствует “Хроника” Псевдофредегара славяне в Паннонии были таким же “отягощенным народом”, который “сверх других притеснений” платил гуннам дань (*tributum*) (Fred. I. IV. 48) [Свод II. С. 367], из чего следует, что лангобарды “очистили” место в Паннонии не для славян-трибутариев, а для авар, таких же воинственных варварских *hospites* “гостей” и *advenaе* “пришельцев”, как лангобарды и готы. Возникает вопрос — куда делось “римское” население страны?

Естественно, что лангобарды не могли поголовно увлечь его за собой в Италию, где было достаточно своих “римлян”, кроме того лангобарды поэтому и отправились на поиск новых “трибутариев”, что авары угрожали отнять у них старых. Нельзя также предполагать истребления и рассеяния коренного населения Паннонии в ходе войны, поскольку авары и лангобарды были союзниками по борьбе с гепидами и “смена караула” в

проинции произошла мирно. Таким образом, провинциально-римское население Паннонии после ухода лангобардов в Италию, вероятнее всего осталось на месте и попало под власть новых варваров — аваров, и стало их трибутарием (568 г.). Тем не менее, спустя 55 лет (623 г.), Псевдо-Фредегар называет подданными аваров не “римлян” или “паннонцев”, а славян.

Если бы славяне явились в Паннонию с аварами, они едва ли оказались в положении данников. Там где славяне и авары на самом деле завоевывали римские земли — на Балканах, они говорили местным жителям (ок. 584 г.): “Выходите, сейте и жните — только половину налога мы будем забирать у вас!” (Mich. Syr. Chron. IV. 379. 2) [Свод I. С. 285]. Вряд ли можно сомневаться, что нечто подобное повторилось бы полутора десятилетиями раньше и в Паннонии (568 г.), в случае если славяне пришли бы туда с аварами, ибо варвары шли в империю не давать, а брать. Однако на Дунае все получилось с точностью до наоборот: славяне сами стали плательщиками налога (*tributum*), то есть впали в положение немыслимое для варваров-переселенцев (*hospites*), но характерное для коренного провинциально-римского населения..

Каким образом за два поколения (568—623 гг.) в Паннонии мог настолько смениться состав покоренного населения, что “римские” трибутарии лангобардов превратились в славянских трибутариев авар? Полная языковая ассимиляция романоязычного населения Паннонии славянами за столь краткий срок невероятна. Остается предположить, что провинциально-римское население страны было не романо-, а славяноязычным, и что славянские подданные Аварского каганата были потомки “панноно-римлян”. Этот умозрительный вывод можно подкрепить определенными историко-археологическими свидетельствами.

В конце XIX в. при раскопках могильника аварского времени в Кестхей-Фенекпусте (*Kestzthely-Fenékpusztá*) на юго-западной оконечно-

сти озера Балатон были открыты богатые погребения с характерными украшениями, явным образом отличающиеся от погребений кочевников. Поскольку район раскопок представлял собой то самое место, где находился центр славянского княжества Прибины и Коцела³², обнаруженные памятники были признаны славянскими и славянская принадлежность кестхельской культуры долгое время оставалась непререкаемой [Кулаков, 1993. С. 246].

Послевоенные исследования этих древностей, обнаруженных между Балатоном и р. Мурой и в окрестностях города Печ, выявили генетическую связь кестхельских украшений (т. н. “броши”, часто с изображениями святых, корзиночные серьги, булавки в виде античного стилоса, браслеты с концами в виде змеиных голов, а также трапецевидные подвески с женского головного убора) с искусством позднеримской Паннонии. В венгерской археологической литературе разгорелся спор — следует ли считать кестхельское население потомками провинциально-римского населения III – IV вв. под властью авар или рассматривать их в качестве византийских пленников, переселенных сюда после захвата Сирмия аварами в 582 г. [Kovrig, 1958; Kiss, 1967; Fulep, 1984; Müller, 1997].

Благодаря раскопкам в Фенекпусте удалось восстановить судьбу лежавшей на его месте римской крепости *Valcum*'а. После падения державы Атилы, крепость на короткое время была занята римским гарнизоном (поход императора Авита в Паннонию в 455 г.), который вскоре был перебит готами. Полагают, что именно здесь до конца 70-х гг. V в. находилась ставка будущего короля Италии Теодориха Великого и его отца Теодомера [Шаги, 1982; Müller, 1987].

После разгрома готского государства Паннония была передана лангобардам, однако подлинный расцвет Валкум пережил только после их

³² Остатки их столицы *Mosapurc* или *Urbs paludarum* лежат в нескольких км западнее Кестхея-Фенекпусты.

ухода в 568 г. [Кланица, Тршежтик, 1991. С. 13—14]. По мнению современного исследователя из Кестхея, Р. Мюллера, в эпоху раннего Аварского каганата местное христианское население кестхельской культуры было фактически независимым от аваров. Резкие премены в жизни города произошли ок. 630 г. В развернувшейся внутри Аварского каганата войне (как раз на эти годы приходится восстание славян под предводительством Само и междуусобная борьба авар и болгар за место кагана) Валкум был разрушен, а неподалеку от города появился аварский могильник Дьеншдиаш, оставленный, по-видимому, отрядом аварского правителя.

Именно после гибели укрепления в Фенекпусте кестхельское искусство, в силу изоляции от других позднеаримских ремесленных центров, пошло по пути копирования старых образцов, постепенно увеличивая их размеры, когда например корзиночные серьги достигли размера 10 см. К концу позднеаварской эпохи кестхельское население даже выросло и спокойно пережило разгром аварского каганата франками. Вероятно, вследствие унификации христианского обряда по западному образцу, жители этого района перестали класть в могилы “кестхельские” украшения и они более не выделяются из других захоронений IX века [Müller, 1997. S. 75].

В начале 840-х гг. здесь появляется изгнанный мораванами нитранский князь Прибина, выстроивший на реке Зала свою столицу — *Urbs paludorum* или *Mosapurc* “город на болотах”, *Блатноградъ или скорее, судя по титулу его сына Коцела, *Блатскъ или *Блатенскъ [Трубачев, 2002. С. 140]³³. Таким образом, ядро населения панноно-славянского княжества Прибиип и Коцела должны были составлять потомки “кестхельцев” [Симонова, 1997. S. 81—82]. Исследователи затрудняются назвать этническую принадлежность кестхельцев. Предполагают, что “кестхельцы” были теми

³³ Черноризец Храбр, окончивший свое “Сказание о славянской письменности” в 863 г. называет Коцела князем Блатским (вар. Блатенский) [Толстой, 1982. С. 244].

христианами, живущими среди авар под властью своих священников, о которых говорилось на церковном соборе, созванном итальянским королем Пипином в 796 г. в Линце перед походом на авар [Müller, 1997. S. 75]. С предельной осторожностью их именуют “романизированными варварами неясного происхождения” [Symański, 1979 S. 53—54], либо “союзниками авар, находившимися в тесном общении с соседними славянскими областями” [Müller, 1987. S. 272]. Чехословацкие исследователи связывают кестхельское население со “среднедунайским” археологическим комплексом, известным пока только по материалам погребений, который существовал на территории, покинутой лангобардами и другими германцами [Кланица, Тржештик, 1991. С. 9]

По нашему мнению, кестхельскую культуру можно и нужно идентифицировать только с славянами-дулебами. На это указывает прежде всего совпадение ареала кестхельских древностей с территорией, на которой, судя по топонимическим данным, жили паннонские славяне (дулебы), — это область между юго-западной оконечностью озера Балатон и р. Мурой [Ковачевић, 1975. С. 142—43; Развитие, 1982. С. 338]. Здесь же расположено скопление славянских памятников IX в., крупнейшее из известных в Венгрии [Симонова, 1997. S. 83].

Кестхельские древности имеют тесные связи со славянскими: броши, подобные кестхельским, широко распространены в карантанской культуре альпийских славян, корзиночные серьги известны на территории Югославии, в самом Кестхеле обнаружены как предметы мартыновского стиля, так и характерный волютообразный нож несомненной славянской принадлежности [Седов, 1999. С. 198]. Общими для славян и “кестхельцев” являются трапецевидные подвески. Некоторые венгерские исследователи прямо отождествляют кестхельский комплекс с древностями “восточных славян” т. е. “антскими” или “мартыновскими” находками,

приписываемым неким славянским переселенцам с Украины [Балинт, 1994. С. 59].

В пользу славянской (“дулебской”) природы кестхельского населения следует привести и такое доказательство. Дунайские “собственно славяне”, которых учили солунские братья, были крещены еще до их прихода: “Словеном живуцим крещеным”, когда их князья Ростислав и Святополк и Коцел³⁴ послали посольство царю Михаилу (842—867) с просьбой прислать учителей [ПВЛ. С. 21]. Распространено мнение, опирающееся на “Обращение баваров и хорутан”, что славяне были крещены немецкими миссионерами из Зальцбурга [Conversio, 1979]. Нельзя не заметить, однако, что основная славянская христианская терминология и лексика могли быть усвоены ранее завоевания франками Подунавья на рубеже VIII — IX вв. Такие ключевые понятия как “распятие” и “крест” не имеют ничего общего ни с греческим *σταυρός*, ни с латинским *crux*, ни с греческим и латинским определением распятия как “повешания (на древе)”. Оба заимствования были сделаны в Придунайских областях (слав. **krьstь* из германской формы имени Христа [ЭССЯ. XIII. С. 76] скорее всего в Паннонии, на что указывает тождество славянского **razpeti* и готского *(us)hramjan* из Библии Ульфилы [Мурьянов, 1992].

Известно, что с середины V в. вплоть до 536 г. (распад державы Атилы и начало Готской войны) Паннония находилась почти под непрерывным господством готов, при этом крепость в Кестхель-Фенекпусте (*horreum Valcum*) считается венгерскими исследователями готской столицей Задунавья [Шаги, 1982]. Это значит, что “кестхельское” христианство должно было испытать сильное влияние готской (арианской) церкви, а поскольку следы такого влияния имеются в славянской кирилло-мефодиевской традиции [Кузьмин, 2003. С. 180], мы вправе предполагать

³⁴ Их имена, возможно, представляют кальки христианских имен: Krescencius, Lotar, Vilibald [Vrtel', 1996. S. 117—19, 121]

славянство носителей кестхельской культуры. Сам обычай “кестхельцев” класть украшения в могилы служит указанием на славянство ее носителей. Известно, что славянские погребения в Югославии, — а запад Балкан был заселен славянами из Паннонии [Седов, 1995. С. 129—130], — отличаются от византийских именно наличием украшений в погребениях [Štefanovičevá, 1997. С. 358].

Единственным веским доводом против славянства “кестхельского населения” может служить то обстоятельство, что кестхельские древности не обнаружены на соседних могильниках Залакомар и Понасепетк, в составе которых венгерские исследователи признают сильный славянский элемент [Седов, 1995. С. 29; Sós, Salamon, 1995] и где обнаружены славянские трупосожжения. Однако, эту разницу следует объяснять скорее социальным, чем этническим отличием — кестхельские захоронения (всего 12—14 могильников), особенно в самом Кестхеле, явно принадлежали верхушке общества и могли быть недоступны рядовому славянскому населению аварской державы.

Итак, сопоставив исторические и археологические свидетельства о кестхельской культуре в Паннонии, можно сделать следующие выводы. Ее памятники, оставленные в области между Балатоном и р. Мурой, а также в окрестностях города Печ, принадлежали славянам. Кестхельские славяне были автохтонами Среднего Подунавья, прямыми потомками провинциально-римского населения III – IV вв. и принадлежали, судя по всему, к верхнему слою коренных жителей. На протяжении более чем 300 лет они существовали под властью пришельцев — сначала готов и лангобардов, а затем аваров. Средневековая топонимия этих мест и сообщения “Повести временных лет” и “Хроники” Фредегара позволяют отождествить носителей культуры Кестхей с дулебами (**dudlěbi*) — славянским населением Аварского каганата и позднейшими подданными “блатских” князей Прибины и Коцела.

Можно предполагать, что прототип славянского **dudlěbi* – германское **daudlaiba* “вымороченное имущество, наследство” [Трубачев, 1977. С. 53; Развитие, 1982. С. 338], возник как прозвище, которым лангобардские федераты в Паннонии называли бывшие римские земли и сидящее на них коренное славянское население этих мест. Германское обозначение было усвоено славянским языком, при этом сами “дулебы”, носители самоназвания **slověne*, вероятно избегали дулебского имени, которым их звали скорее другие “неславянские” народы славянского языка, жившие за пределами каганата. На это указывает как бранный смысл слова “дулеб” — “дурак”, “глупец” в русских диалектах [Фасмер I. С. 551 ; ЭССЯ, V, С. 147–148], так и особенности использования имени в “Повести временных лет”. Дулебы здесь – либо одно из названий славянского племени на р. Буг (воляняне или бужане) [ПВЛ. С. 13, 20], либо имя дунайских славян, упомянутое в соответствующем контексте рассказа о насилиях “обров” [ПВЛ. С. 14].

Автохтонное, “провинциально-римское” происхождение “собственно славянского” населения Паннонии можно обосновать не только и даже не столько археологическим материалом венгерского Задунавья VI – IX вв., как показаниями письменных источников. По отдельности они не более чем “косвенные улики”, но в совокупности хорошо согласуются с изложенными выше выводами.

Нарцы, скоморохи и бродники на Дунае в V – IX вв.

“Повесть временных лет” утверждает, что в древности славяне назывались “нарци”: “От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словеньскъ, от племени Афетова, *нарци, еже суть словене*” [ПВЛ. С. 11]. То же самое говорится и в “Палее толковой” [Хелимский, 2000. С. 333—337]. В славянской филологии прочно утвердилось мнение, что речь в данном случае идет о жителях римской провинции Норин (*Noricum*) на Дунае. Подлинность этого свидетельства трудно возвести к “ученой комбинации” восходящей к

кирилло-мефодиевской традиции, как делается обычно, когда пытаются подвергнуть сомнению дунайский рассказ летописи [Королюк, 1985. С. 172].

Дело в том, что деятельность Кирилла и Мефодия протекала за пределами славянской Карантании, занимавшей земли бывшего Внутреннего Норика (*Noricum Mideterraneum*) и, если бы летописец “выдумывал”, он скорее всего отождествил бы славян с паннонцами. Однако он не делает этого, хотя ему было известно, что Мефодий подвизался именно в Паннонии (летописная “Пания”) [ПВЛ. С. 23]. Известие “Повести” находит прямое отражение в источнике VI в. — эпитафии св. Мартина Турского в базилике его имени в г. Брага (Испания). В ней среди народов обращенных в христианство святым упомянут “славянин”: “Огромные и многообразные племена присоединяешь ты к благочестивому союзу Христа: ...паннонец, руг, склав, норец (*Pannonius, Rugus, Sclavus, Nara*)...радуются, что под твоим водительством познали бога” [Свод I. С. 358]. По мнению Е. Ч. Скржинской, *Sclavus Nara* следует понимать как “славянин из Норика” [Иордан, 1997. С. 211], по мнению О. Н. Трубачева — как “славянин-норец” [Трубачев, 2002. С. 311]. Оба толкования предполагают “двойное имя” каковых в списке нет, и вряд ли возможны, однако заслуживает внимание лингвистическая сторона вопроса: в эпитафии этноним нориков передан как *Nara*, что, во-первых, полностью соответствует летописному “нарци”, а, во-вторых, отражает закономерный славянский переход долгого *o* в *a* (*Noric* > **narъci*) [Трубачев, 2002. С. 311–312].

Поскольку автор эпитафии, Мартин Бракарский был родом из Паннонии (между 510 и 520 — 579 г.), нам остается предположить, что славянский язык господствовал на Среднем Дунае уже до 558 г.³⁵, коль скоро “варварское” (со славянскими чертами) *Nara* вытеснило общепринятое ла-

³⁵ 558 г. — год освящения базилики в Браге: в этом же году авары, которых принято считать “водителями” славян в Паннонию, только появились на Северном Кавказе.

тинское *Noricum*. Таким образом в первой половине VI в. либо сами норикки говорили по-славянски (тогда *Nara* — самоназвание), либо население Паннонии (Мартин Бракарский — паннонец) было славяноязычным.

О языке нориков того времени провозглашает судить Житие св. Северина [Житие, 1998]. Последний пришел в Норик “с востока” после распада державы Атиллы и вплоть до самой смерти (482 г.) руководил римским населением провинции. Биограф Северина Евгиппий (511 г.) характеризует его как “латинского человека”, знакомство с Орестом, Одоакром и германскими королями выдает в нем одного из приближенных гуннского царя, скорее всего, представителя провинциально-римской знати Паннонии [Колосовская, 2000. С. 225]. Евгиппий впервые упоминает т. н. “скамарах”, когда в поисках похищенного привратника Мавра “святой Северин лично самым поспешным образом переправился через Дунай и постепенно настиг разбойников, которых в просторечии именовали скамарами” (*Histro fluenta latrones properanter insequitur [Severinus], quos vulgus scamaras appelabat*) (Vita S. X.1—2) [Житие, 1998. С. 234, 318].

В литературе принято считать, что скамары были полуразбойниками-полуповстанцами (определения колеблются от “организованных бандитов” до участников “революции рабов и колонов”) наподобие галльских багаудов [Димитров, 1951, 1952; Szádadeczky-Kardoss, 1968; Gomoulka, 1976; Pohl, 1986. S. 20, 65, 123], то есть речь идет о провинциально-римском населении, с оружием в руках боровшемся с властями. Этимология слова “скамары” не ясна. Оно было известно в лангобардской Италии в значении “враг, разбойник, грабитель”. В “Эдикте” Ротари (643 г.) постановлено: *si quis Scamaram intra povinciam celaverit aut annonam dederit, animae incurrat periculum* “если кто в провинции укроет скамара или даст ему хлеба, навлечет гибель на свою душу” [MGH Leges, IV. 1869. P. 13] (Шервуд, 1991. С. 16). Они упомянуты в капитулярии беневентского князя Синарда (*hostis aut Scamaras*) и письме папы Стефана к франкскому коро-

лю Пипину (755 г.) (*Scamaras atque depredationes seu devastationes*) [Дмитров, 1952].

К имени скамаров восходит современное итальянское слово *scaramuccia* “стычка, схватка” и *scaramuccio* “смут, забияка, хвостун”, откуда фр. *scaramouche* и англ. *scaramoush* с тем же смыслом. Слово “скамар”, однако, нельзя считать лангобардским, поскольку лангобарды поселились в Норике уже после смерти Северина [Свод I. С. 210]. Не сталкивался с лангобардами, пришедшими в Италию в 568 г. и автор *Commentariorum de vita S. Severini* Евгиппий (ум. 532 г.). Таким образом, слово *scamara* “разбойник” могло быть заимствовано лангобардами только на Дунае у местного провинциально-римского населения.

Единственным словом, которое можно сопоставить со словом *scamara* является русское “скоморох” и сходные слова в других славянских языках [Фасмер III, С. 648]. Это слово давно пытаются сблизить со “скамарами”, но убедительных толкований такого сближения не дано. В этом отношении удачной выглядит этимология, предложенная О. Н. Трубачевым, которая возводит слово “скоморох” к слав. **skoro-moxъ* “срезающий мошну, мошенник” (**sker-* / **skor-* “резать”; **mex-* / **mox-* “мешок”, “мошна”)³⁶. Подтверждением этой этимологии может служить аналогичное немецкое *Beutel-Schneider* “мошенник”. “Грабительская” этимология позволяет связать славянское “скоморох” со “скамарами”, как по форме, так и по содержанию, и мы можем предполагать, что *scamarae* — это славянское по происхождению слово, записанное в начале VI в. как местное название разбойников, действовавших в Норике. Из этого вытекает либо славяноязычие тамошнего простонародья: *quos vulgus scamaras appellabat*, либо славянство самих скамаров — скорее же и то и другое, ибо скамары, подобно прочим позднеантичным “разбойникам”, происходили из

³⁶ Устная консультация: мы не останавливаемся на вопросе о перестановке согласных, укажем лишь на романскую эволюцию: лат. *scamara* — итал. *scaramuccio*.

местного податного населения. Сальвиан, описывая галльских багаудов, прямо говорит о них как о людях низшего звания (*humiliores*) [Корсунский, 1957. С. 77; Димитров, 1940].

В источниках осталось еще несколько упоминаний о скамарах и все их так или иначе можно связать со славянами. В 505 году в сражении на берегах Южной Моравы потерпел поражение от готского полководца комита Питцама римский магистр Иллирика Савиниан. Союзником готов в этой войне был некий Мундон. Иордан пишет, что он “происходил от каких-то родичей Аттилы; он бежал от племени гепидов за Дунай и бродил в местах необитаемых и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников (*abactores, scamarisque et latronibus*) и, заняв башню, которую называют Герта, которая стоит на берегу Дуная, вел там дикую жизнь и не давал покоя соседним обитателям” (Iord. Get. 300—301) [Иордан, 1997. С. 118—19; о Мундоне см.: Рафалович, 1973].

Следующие известия о скамарах относятся к 570 г., когда они ограбили возвращавшееся из Константинополя аварское посольство. Менандр Протиктор сообщает, что нападение учинили “скамары, называемые так по-туземному” (*οἱ Σκαμάρεις ἐγχωρίως ὀνομαζόμενοι*) (Men. Pr. fr. 35) [Menander, 1985. P. 150]. Правда, впоследствии правительству удалось выследить похитителей и вернуть похищенное.

Последним о скамарах упоминает Феофан (IX в.). После заключения мира с болгарами царь Константин Копроним, “тайно отправив посланцев в Булгарию, схватил архонта северов Славунa, сотворившего во Фракии много зла. Был схвачен и христианин, отступник о христианской веры и первый из скамаров” (*Χριστιανός ἀπὸ χριστιανῶν μαγαρίτης καὶ πρῶτος τῶν Σκαμάρων*) (Theoph. Chr. XXIX) [Свод II. С. 284—285].

Самым важным в смысле определения этнической принадлежности скамаров следует признать сообщение Иордана, поскольку оно находит продолжение в других источниках. В отличие от автора “Гетики”, приписавшего главную заслугу в разгроме Савиниана готам, Марцеллин Комит пишет, что начальник иллирийских войск Савиниан в год своего консульства (505 г.) двинулся *contra Mundonem Getam* “против Мундона Гета” с 10 тыс. воинов, но в бою *ad Horreo Margo* “у житницы Марга” потерпел плачевное поражение и бежал (Marc. Com. Chr., an. 505). В данном отрывке наибольший интерес вызывает слово *Geta* “гет”, указывающее либо на происхождение, либо на состав войска короля Мундона.

Феофилакт Симокатта записывал: “(И вот) вспыхнула и запылала война между ромеями и персами. А геты, или, что то же самое, полчища славян (*τὸ δὲ Γετικόν, ταῦτον δ' ἐπεῖν αἱ τῶν Σκλαυηνῶν ἀγέλαι*) причинили большой вред области Фракии... И вот они [римляне] натолкнулись на шестьсот славян, везших добычу от ромеев. Поскольку варвары не смогли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок... Ромеи, приблизившись к гетам, — таково древнее имя этих варваров, не решались сойтись с ними в рукопашную” (Theoph. Sim. His. III. 4.7; VIII. 2. 2—5) [Свод II. С. 15, 31]. Таким образом, выражение *contra Mundonem Getam* у Марцеллина Комита можно понимать и в том смысле, что Мундон был “славянином” (*Σκλαυήνος*).

В “Хронике” Марцеллина Комита геты упомянуты еще дважды, под 517 и 530 гг., а в сообщении об убийстве полководца императора Анастасия (491—518) Кирилла мятежником Виталианом Скифом (*Vitalianus Scytha*), читаем о *cultro Getico* “гетском ноже” (Macell. Com. Chron. a. 514. P. 99). В литературе не раз высказывалось мнение, что геты Марцеллина — славяне (либо “славяне” и анты, либо этнически смешанное объединение, в которое могли входить и славяне) [Сиротенко, 1975. С. 245—254; Свод I. С. 241. Пр. 174]. Исследователей смущает, правда, что в других ис-

точниках первой половины VI в., например, в “Гетике” “гетами” называли не славян, а готов.

Однако в “Хронике” Марцеллина Комита готы упоминаются под своим собственным именем *Gothi*, причем последнее толкуется очень широко — в готы зачислен даже правитель Италии Одоакр (*Odoacer ... rex Gothorum*), побежденный и убитый королем готов Теодорихом (*Theodoricus rex Gothorum*) (Marcell. Com. Chron. а. 489. P. 93). Отождествление гетов комита Марцеллина с готами невозможно также по историческим соображениям. В 517 году всадники геты (*Getae equites*) опустошили обе Македонии, Фессалию и Старый Эпир вплоть до Фермопил (Marcell. Com. Chron. а. 517. P. 99). Император Анастасий послал им 1000 литр золота для выкупа пленных, но несмотря на это, геты всех перебили. Если бы это сделали готы, которыми в то время правил Теодорих Великий (493—526), — это вряд ли бы осталось незамеченным в других источниках ввиду исключительного характера происшествия. Однако о войне между Теодорихом и Анастасием ничего не известно, что означает непричастность готов к этому набегу. Еще более невероятны готские грабежи в Иллирке в 530 г. (Marcell. Com. Chron. а. 530. P. 99), в правление дочери Теодориха Амалазунды (уб. 534 г.), поддерживавшей с Юстинианом наилучшие отношения.

В “Хронике” Марцеллина Комита под 530 г. пишется, что “Мундон³⁷, начальник обоих видов иллирийских войск, незадолго до этого первым из римских подководец напал на гетов, рыскавших по Иллирии (*Getis Illyricum discursantibus*) и обратил их в бегство. Затем, в то же консульство, тот же полководец, благодаря своей храбрости, отправился во Фракию, где успешно сразился с грабившими ее булгарами (*Bulgares*), истребив в бою 500 из них” (Marcell. Com. Chron. а. 530. P. 103). Это известие нельзя не сопоставить со следующим сообщением Прокопия: “Был некто Хиль-

³⁷ *Mundo Geta*, после смерти короля Теодориха (526 г.), пытался захватить Сирмий, но, разбитый будущим готским королем Витигисом, перешел на службу к Юстиниану.

вудий, близкий к дому императора Юстиниана, и настолько выше денег, что за величайшее богатство в имуществе своем считал ничего не иметь. И этого-то Хильвудия император, в то время, когда четвертый год владел самодержавной властью, провозгласил военачальником над Фракией, поставил для охраны реки Истр, приказав следить, чтобы для тамошних варваров река была более непроходима, потому-то уже часто, совершив там переправу, гунны и анты и славяне (*Οὔννοι τε καὶ Ἄνται καὶ Σκλαβινοί*) творили ромеям ужасное зло” (Proc. VII. 14. 1—2) [Свод I. С. 179—181].

Одновременное назначение Хильвудия (четвертый год правления Юстиниана — 530 г.) и выступление Мундона против доселе безнаказанных варваров нужно рассматривать как части единого замысла Юстиниана по защите дунайской границы. Очень вероятно, что оба военачальника, фракийский Хильвудий и иллирийский Мундон действовали согласовано, о чем говорит то обстоятельство, что иллирийские войска действовали и против гетов в Иллирии и против болгар во Фракии. Ясно, что борьба здесь шла против одного и того же врага, а этнонимы *Getae* и *Bulgares* у Марцеллина Комита означают те же племена, что названия *Οὔννοι*, *Ἄνται* и *Σκλαβινοί* у Прокопия.

Тождество *Bulgares* и *Οὔννοι* очевидно. Об этом можно судить как по Иордану, который говорит о непрерывных нападениях болгар, антов и славян (*Hi sunt casus Romaniae rei publice preter instantia cottidiana Bulgarum, Antium et Sclavinorum*) (Iord. Rom. 338), так и по другим известиям тех же Марцеллина Комита и Прокопия. В 548 году готы внезапным ночным нападением на лагерь византийского полководца Иоанна в Кампании обратили ромеев в бегство (Proc. VII. 26. 15—28). Марцеллин Комит сообщает, что в эту ночь Иоанну изменили болгары: *Iohannes magister militum in Campania praedans Gothas nonnullas liberat senatrices qui postea patitur nocturnum Totilae superventum Bulgarum suorum proditione* (Marcell. Com. Chron. a. 548. P. 108). Иоанн, племянник упомянутого Виталиана

Скифа, прибыл в Италию с войском “из лучших, отборных варваров” (Proc. VII. 18. 29) после того, как Велизарий попросил у Юстиниана “послать копьеносцев и прежде всего моих щитоносцев, а кроме того побольше гуннов и других варваров” (Proc. VII. 12. 10). Очевидно, что прибывшие вместе с Иоанном гунны и были теми самыми болгарами, которые изменили ему спустя некоторое время.

Сопоставляя сведения Прокопия, Марцеллина Комита и Иордана, мы приходим к выводу, что “геты” не могут быть ни гуннами, ни болгарами³⁸, ни готами. Следовательно, они — славяне. Поскольку геты в 517 и 530 гг. грабили Иллирик, они не могли быть антами, воевавшими только Фракию. В разграбленном же гетами Иллирике, судя по сообщениям Прокопия, всегда орудовали “славяне”. И Феофилакт Симокатта, знавший оба народа, говорит, что гетами называли именно “славян” (Theoph. Sim. Hist. III. 4. 7; VI. 6. 14; VII. 2. 5). В дополнение к вышесказанному следует заметить, что под гетами у Марцеллина нельзя понимать ни гепидов, ни герулов, которые вместе с болгарами в это время опустошали Иллирик: *Illyricum saepe ab Herulis, Gepidisque et Bulgares devastantibus* (Iord. Rom. 363). Герулы (*Gens herulorum*) и гепиды (*Gepidae*) упомянуты под своими именами и в “Хронике” Марцеллина (Marcell. Com. Chron. a. 512, 539. P. 98, 106). Таким образом, можно быть уверенным, что за именем “гетов” у Марцеллина Комита, скрываются собственно “славяне” (*Σκλαβηνοί* Прокопия, *Sclavini* Иордана) — носители самоназвания **slověne*.

Вернемся к “скамарам”. Когда Марцеллин Комит называет Мундона “гетом”, а известного мятежника против императора Анастасия Виталиана — “скифом” (Marcell. Com. Chron. a. 505, 514, 519), он указывает не столько на происхождение этих лиц, сколько на этнический состав их военных сил. Так, получив от императора Юстиниана чин магистра Иллирика,

³⁸ Марцеллин под 530 г. прямо различает гетов и болгар, разбитых соответственно в Иллирии и во Фракии.

Мундон из “гета” стал “римским полководцем” и воевал в 530 г. против этих же самых гетов, одним из которых был ранее сам. Виталиан был римским полководцем во Фракии, но как подступающий к стенам столицы во главе разноплеменной армии мятежник, он превратился в “скифа”. Это значит, что “бродяги”, “угонщики скота, скамары и разбойники” во главе которых “Мундон гет” победил в 505 г. своего предшественника, магистра Иллирика Савиниана, были славянами (“гетами”). При этом речь должна идти о славянских подданных империи, поскольку “разбойники” (*latrones*) были выходцами из провинциально-римского населения.

По мнению Г. Г. Литаврина, вероотступник, “первый из скамаров”, схваченный вместе с архонтом славянского племени северов Славунном, происходил из крещеных славян Македонии, находившихся под властью империи [Свод II. С.320]. Такими же “римскими славянами” скорее всего были и скамары, напавшие на аварских послов в 570 г. (Men. Prot. fr. 35). Авары возвращались в Паннонию, вероятно, обычным путем: Константинополь — Сердика (София) — Наисс (Ниш) — Сингидунум (Белград) и нападение на них могло быть совершено в нижнем течении р. Моравы, где несколькими десятилетиями ранее действовал со своими скамарами Мундон Гет. На то, что эти земли уже в первой половине VI в. были заняты славянским по языку населением, указывают известия Прокопия. По крайней мере пять расположенных вокруг г. Ниша в среднем течении Моравы крепостей в сочинении “О постройках” носят славянские имена: *Βράτζιστα, Γρίβο, Δευρία, Δουρβουλιανά, Τζετζενούτζας* [Гиндин, 1984. С. 45; Свод I. С. 82].

Таким образом, обобщив известия о скамарах, мы должны указать, что они были представителями скорее всего славянского этноса, и в то же время выходцами из коренного провинциально-римского населения империи. Областью расселения этих “римских славян” следует считать Норик, по крайней мере, восточный, где происходит действие “Жития”

св. Северина, нижнее течение Южной Моравы (серб. *Велика Морава*), и лежащую между этими пределами Паннонию. Движение скамаров следует рассматривать в русле борьбы славянского по преимуществу (об этом говорят такие параллели, как *scamara* — **skoro-toxъ* — *скомороx*; *Nara* — **narъсь*) населения позднеримского Подунавья против центральной власти.

На прямую связь дунайских славян с подзнеримскими “разбойниками” указывает название славянских племен ободритов (*Abodriti, Obodriti*), живших по р. Эльбе в современном Мекленбурге и в Дакии на Дунае. “Баварский географ” (IX в.) именует их соответственно *Nortabtrezi* и *Osterabtrezi* “северные” и “восточные ободриты”. Название ободритов понимали либо как “бодричи” (Шафарик, по аналогии с соседними лютичами), либо как **ob-odr-iti* “по обеим берегам Одры живущие” [Трубачев, 1992а. С. 7—8]. Дунайские ободриты назывались также “преденецентами”: в 822 г. к Людовику Благочестивому прибыли послы “всех восточных славян”, то есть ободритов [северных. — С. Н.], сербов, вильцев, богемов, мораван, преденецентов и живущих в Паннонии аваров [ИБИ, VII. С. 32]. Спустя два года снова прибыли послы от ободритов, которые в просторечии называются преденецентами и проживают в Дакии по соседству с болгарями: *legatos Abodritorum qui vulgo Praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam adiacentem incolunt* [ИБИ, VII. С. 36].

По мнению О. Н. Трубачева, слово *praedenecenti* “грабящие и убивающие, убивающие с грабежом” следует сопоставить со славянским глаголом “ободрать” и понимать “ободритов” как “грабителей, обдирал” (**ob(ь)dъriti* < **ob(ь)derti* / **ob(ь)dъrati*) [Трубачев, 1991. С. 129; 2002. С. 141]. Решение вопроса зависит от того, где — в Полабье или же в Подунавье изначально обитали ободриты. В югославской историографии дунайских ободритов считают пришельцами с севера [Novaković, 1985. S.

96—135]. Едва ли это верно, ведь согласно современным археологическим и лингвистическим изысканиям. Полабье заселялось славянами с юга, через Чехию и Моравию [Седов, 1995. С.23, 142 и далее]. Гельмольд в “Славянской хронике” отождествляет племя гаволян с герулами (Helm. Chr. II) [Гельмольд, 1963. С. 37], которые, по сообщению Прокопия, в начале VI в. отселились из Среднего Подунавья на север (Proc. VI. 15).

Славянское племя “гломачей”, покоренное Генрихом Птицеловом в 933 году, тоже переселилось в междуречье Эльбы и Заале с юга, о чем свидетельствует их первоначальное название *Dalemanci* “далматинцы” [Трубачев, 2002. С. 290] (замена *Dalemanci* на *Glomaci* — следствие перехода **dl- / *tl > *gl- / *kl-* в нижнелужицком [Schuster-Šewc, 1998]). Распространившаяся в области далеминцев культура с рюссенской керамикой дунайского типа характеризуется такими “позднеантичными” навыками, как строительство каменных (!) крепостей, которые могли быть приобретены только в Подунавье [Седов, 1995. С. 142—144]. Вероятное дунайское происхождение гаволян и гломачей позволяет считать и полабских ободритов выходцами ободритов дунайских и предпочесть “разбойную” (**ob(ь)dvriti < *ob(ь)derti / *ob(ь)dvrati*) этимологию их имени.

Любопытно отметить в связи с этим, что румынское население бывшей Дакии, где жили дунайские ободриты-преденеценты, заимствовало у славян, взамен утраченного латинского *bellum*, новое слово *râzboj* “война”. Это подтверждает, что военно-политическая консолидация славянского населения на Дунае шла не на родо-племенной основе, как у германцев или кочевников³⁹, а через своего рода полуповстанческие-полуразбойничьи отряды “ободритов-преденецентов” и “скамаров”, далеких предшественников позднейших гайдуков и четников. Они складывались среди коренного провинциально-римского населения Подунавья в хо-

³⁹Для славян была характерна именно территориальная община [Кузьмин, 2003. С. 106]. Это вполне естественно для бывших римских подданных.

де “партизанской” войны (**razbojъ, latronicia*) с римскими войсками в IV – VI вв.

Таким образом, этноним *Abodriti- Praedenecenti* следует рассматривать шире и глубже, нежели обычное племенное название. Он указывает нам на происхождение нижнедунайских, дакийских “славян” в целом. Это отнюдь не пришельцы-варвары откуда-то с севера, а потомки провинциально-римского населения Дакии, известного в VI – VII вв. по археологическим памятникам типа Ипотешти-Киндешти-Чурел.

Указанная археологическая культура занимает все левобережье нижнего Дуная и часть Трансильвании, и имеет автохтонное, провинциально-римское происхождение [Седов, 1995. С. 95–108]. Румынские археологи считают ее носителями романское население, отечественные полагают, что она сложилась в ходе проникновения славян — носителей пражской и пеньковской культур, в Нижнее Подунавье. Оба мнения вызывают сомнения: пражские и пеньковские раннеславянские памятники в ареале культуры Ипотешти-Киндешти относительно малочисленны и сосредоточены в современной румынской Молдавии и Восточной Мунтении — на большей части левого берега нижнего Дуная “раннеславянских” памятников практически нет, на что не без удивления обращают внимание все археологи [Гавритухин, 1997. С. 37; Teodor, 1997. С. 298—299; Godłowski, 2000. S. 98]. Единственная широко распространенная здесь категория славянских древностей — пальчатые фибулы дунайского типа, которые, прочем, имеют местное происхождение [Седов, 1995. С. 98. Р. 33; Štefanovičevá, 1997. С. 353].

Таким образом, значение пришлых пражских и пеньковских племен в становлении культуры Ипотешти-Киндешти-Чурел по археологическим данным можно считать ничтожным. Дунайское левобережье ниже Железных ворот было занято коренным населением, потомками жителей римской Дакии. Однако это население не могло быть романским по преиму-

ществу — письменные источники VI – VII вв. однозначно называют хозяевами этих мест “славян”, а самую позднейшую Валахию — “Славянией” (*κατὰ τῆς Σκλαβονίας*, – Theoph. Sim. Hist. VIII. 5. 10) [Свод II. С. 41]. Таким образом, археологические и исторические свидетельства указывают нам на автохтонное происхождение “дакийских славян”.

Славянизацию Дакии, на наш взгляд, следует относить ко времени после покорения страны Римом, то есть к II – III вв. По свидетельству Евтропия, “Траян, завоевав Дакию, переселил туда со всего мира огромное множество людей для возделывания полей и заселения городов, ибо Дакия, вследствие длительной войны с Децебалом лишилась своего мужского населения” (Eutrop. Brev. VIII. 6) [Римские историки, 1997. С. 53]. Археологические исследования свидетельствуют, что значительную часть переселенцев составили выходцы из Паннонии и Норика. Свидетельствами их пребывания в Дакии служат трупосождения под курганами “норицко-паннонского” типа, известные в Трансильвании, прежде всего по могильнику Кашольц-Кальбор около с. Сибиу (более 3000 курганов) [Macrea, 1957]. Мы уже упоминали, что вследствие переселения носителей трансильванских курганов в Прикарпатье, здесь возникла культура в сер. III в. карпатских курганов, плавно перерастающая в V в. в раннеславянскую культуру типа Прага-Корчак, в которой вскоре подкурганный обряд захоронения по паннонскому образцу [Этнокультурная карта, 1985. С. 67; Чаплыгина, 1990. С. 42; Славяне, 1993. С. 180—81; Седов, 1995. С. 16]. В III в. Дакия подверглась нападениям со стороны готов. Продолжатель Моисея Хоренского, составивший в VII в. армянскую географию “Аршхарацуйц”, записал, смешивая воедино события III и VI веков, что готы, захватив Дакию, вытеснили оттуда 25 славянских племен, которые ушли во Фракию, Ахайю и Далмацию [Pramene, 1964. S. 30]. Славяне здесь — явные обитатели римской Дакии.

Евтропий сообщает: “Провинцию Дакию, которую Траян создал за Дунаем, Аврелиан оставил, когда был опустошен весь Иллирик и когда император отчаялся в том, что сможет удержать Мёзию. Тогда он вывел римлян из городов и полей Дакии и поселил их в середине Мёзии, назвав ее теперь той Дакией, которая разделяет теперь обе Мёзии” (Eutrop. Brev. IX. 15) [Римские историки, 1997. С. 61]. Об этнической принадлежности населения Аврелиановой Дакии, в особенности ее прибрежной части (*Dacia ripensis* “Пограничная Дакия” от *ripa (Danubii)* — дунайская граница (букв. “берег”), ср.: *riparienses milites* — синоним *limitanei* “пограничники” [Der Kleine Pauly Bd. III. K. 665; Bd. IV. K. 1435]) можно судить по славянскому переводу (X в.) написанных в сер. VI в. “Диалогов” Псевдо-Кесария.

Греческий

текст

καὶ ὄνομα ... τῷ ἐνὶ Φησῶν ... παρὰ δὲ Ἰλλυρίοις καὶ Ῥιπιανοῖς τοῖς παρὸ κῶις τοῦ ῤείθου Δανούβιος, παρὰ δὲ Γόθθοις Δούναυη “и одной [реке] имя Фисон... а у иллирийцев и рипианов, живущих вдоль потока — Данувий, а у готов — Дунавт” переведен так, что словам “иллирицы” и “рипиане” соответствует славянское “от сремен же и от славень” [Свод I. С. 255—256]. Таким образом, славянский переводчик X в. считал жителей провинции *Dacia Ripensis*, “рипиан” — славянами.

Само существование культуры Ипотешти-Киндешти-Чурел на нижнем Дунае свидетельствует, что не все население Трояновой Дакии покинуло страну. Большая часть его, в первую очередь простонародье, должно было остаться на левом берегу под властью готов, а затем, с середины V в. — гепидов. С точки зрения властей, они были примкнувшими к варварам “разбойниками”, “грабителями”, откуда, по-видимому, и происходит название живущих в Дакии славян *praedenecenti*, калькированное славянскими языковыми средствами как “ободриты”. Впоследствии, после вторжения на Дунай в конце VII века болгар Аспаруха, когда культура Ипотешти-Киндешти прекращает свое существование [Седов, 1995. С. 104],

славянский элемент стал уступать место романскому. Потомки дакийских ободритов — “бродники” (*бродници, Brodnici < praedenecenti*) известны еще в XIII в., но судя по тому, что славянский этноним **ob(ъ)dvriti* был уже неизвестен, можно говорить об ассимиляции дакийских славян румынами [Шушарин, 1978].

Этническая принадлежность паннонцев по известиям Приска Панийского, Юлия Африкана и Аппиана Александрийского

До сих пор, доказывая автохтонность “собственно славян” на Дунае и этническую приемственность между провинциально-римским и славянским населением Паннонии и Дакии, мы пользовались источниками не ранее VI веков. Единственным памятником V в., подкрепляющим эти положения, может служить только сочинение Приска Панийского, лично посетившего в 448 г. среднедунайскую ставку Атиллы. Как свидетельства очевидца, сведения Приска обладают большой ценностью и не раз привлекались в попытках доказать присутствие славян в державе гуннов. Посольство, в котором находился Приск, отправилось из Константинополя в Паннонию, следуя через Сердику и Наисс, служивший границей между римлянами и гуннами по договору 447 г. За Наиссом вплоть до Дуная все было покрыто лесом (Ср. сербское название этих мест — *Шумадија* от *шума* “лес”). “Там, — пишет Приск, — варвары-перевозчики, принимали нас на челны-однодеревки, которые они изготавливают, срубая и выдалбливая деревья, и перевозили через реку...” (Prisci fr. 8. 29). Переправившись через Истр, посольство проехало до ночи 70 стадиев, и достигнув на следующую день ставки Атиллы направилось вместе с ним вглубь страны.

“Отсюда мы ехали по ровной дороге, пролегающей по равнине и достигли судоходных рек, из которых самыми большими после Истра была называемая Дрикон, Тигас и Тифисас. И через них мы были переправлены на однодеревках, которыми пользуются живущие у этих рек. Остальные же [реки] мы переплыли на плотах, которые варвары возят [с собою] на повозках по причине заболоченности [тамошних] мест. В селениях нам

доставляли пищу, вместо [зерна] пшеницы — просо, а вместо вина — медос, называемый [так] по туземному. А также следовавшие за нами слуги получали просо и снабжались напитком из ячменя; “камон” называют его варвары” (Prisci fr. 8. 39—41) [Свод I. С. 85].

Широко распространено мнение, что в лице варваров-перевозчиков, живших по рекам Дрикон, Тигас и Тифисис, и угощавших римских послов “медосом и камоном” Приск встретил первых славянских переселенцев [Роровић, 1961; Кланица, Тржештик, 1991. С. 9; Јанковић, 1997]. Во-первых, названия реки *Тисаса (восстанавливается из **Τίσας* по тексту Иордана: *Priscus historicus tali voce inter alia refert: ingentia si quidem flumina, id est Tisia, Tivisiaque et Dricca transientes venimus in loco illo* (Iord. Get. 178), то есть современной Тисы — несомненно славянское по форме. Древние авторы называли реку *Parthissus* (Plin. nat. hist. IV. 12. 80), *Παρθίσος* (Strabo VII. 5. 2), *Parthiscus* (Amm. Marc. XVII. 13. 14). Современное “Тиса” (серб. *Tuca*, венг. *Tisza*) возникло, возможно, вследствие переразложения первоначального названия, воспринятого славянами как **Potisъje* “Потисье” [Гиндин, 1981. С. 65; Свод I. С. 92]. Во всяком случае слово **Τίσας*, *Tisia* в таком виде могло быть записано только со слов славянина. Во-вторых, указанием на славянскую принадлежность варваров-перевозчиков (скифов) служит слово *μέδος*. По господствующему мнению, в отечественной науке обоснованному последний раз Л. А. Гиндиным [Гиндин, 1981. С. 81—82] целесообразно рассматривать *μέδος* как греческую передачу славянского **medъ* “(хмельной) мёд”.

Исследователи по-разному оценивают эти известия, но сходятся в том, что мы имеем дело с переселенцами, либо пришедшими сюда вместе с гуннами, либо переселенными на Дунай, чтобы снабжать гуннов продовольствием [например: Кланица, Тржештик, 1991. С. 9]. Исходным местом переселения предполагается область черняховской культуры в Сев. Причерноморье [Седов, 2002. С. 228—29]. Следует обратить внима-

ние на очевидные недостатки такого подхода. Утверждение, что славян-земледельцев “водят” за собой по Европе вооруженные завоеватели: германцы или кочевники, несмотря на широкое распространение в литературе, является чистым умозрением. Варварские племена, вторгавшиеся в Империю в V веке, искали здесь не столько свободные земель, сколько свободных людей, за счет которых можно было кормиться в качестве федератов. Очевидно, что этими данниками становились провинциальные жители, а отнюдь не “приведенные” или “увлеченные” откуда-то славяне.

Не являлось в этом смысле исключением и государство Аттилы: основную массу его населения должны были составлять покоренные “панноно-римляне” [Schramm, 1997. II. 4]. Об одном из них, Оресте, отце последнего западного императора Ромула, Приск сообщает: “В Византию прибыл опять посланник Аттилы. Это был Эдикон, скиф, отличавшийся великими военными подвигами. Вместе с ним был и Орест римлянин, житель пеонской области (Приск по-гречески называет Паннонию “Пеонией”), лежащей при реке Сае, и востоявшей тогда под властью Аттилы, вследствие договора, заключенного с Аэцием, полководцем западных римлян

(... σὺν Ὀρέστῃ, ὃς τοῦ Ῥωμαϊκοῦ γένους ὦν ᾔκει τῆν πρὸς τῷ Σάφ ποταμῷ Παϊόνων χώραν τῷ βαρβάρῳ κατὰ τὰς Ἀετιοῦ στρατηγού τῶν ἐσπερίων Ῥωμαίων συνθήκας ὑπαούουσαν) (Prisci fr. 7) [Дестунис, 1861. С. 29—30; Blockley, 1985. P. 242]. Большинство паннонцев, однако, не входило в состав господствующего, преимущественно варварского, слоя гуннской державы. Об этом можно заключить из ряда сообщений Приска. Так он пишет о неожиданной встрече в ставке Аттилы: “Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором [Аттилы. — С. Н.] ко мне подошел какой-то человек, которого я принял за варвара по скифской одежде; но он приветствовал меня по-эллински, сказав “здравствуй” (χαῖρε), так что я очень удивился, что скиф (Σκύθης ἀνήρ) говорит по-эллински” (Prisci fr. 8)

[Blockley, 1985. С. 266—267; ВДИ. 1948. № 4. С. 255]. Далее историк говорит следующее: “Ибо [скифы] будучи смешанными, сверх собственного варварского языка ревностно стремятся [овладеть языками] или гуннов, или готов, или даже авсониев, у кого из их сношения с римлянами. Но никто из них не говорит свободно по-гречески, кроме пленников, которых угнали из Фракии или с иллирийского побережья” (Prisci fr. 8) [Свод I. С. 87].

Очевидно, что на собственном варварском языке (*ἡ σφετέρᾳ βαρβάρᾳ γλῶσση*: в тексте — dat.), говорили низшие податные слои, презрительно названные Приском “сбродом” (*ξύγκλυδες*, буквально “намытое волнами”, “выброшенное прибоем”). На пиру у Атилы звучали совсем другие языки — именно те, которыми скифы “ревностно старались овладеть”. Зеркон, называемый скифом, а родом мавр (*Ζέρκων Σκύθης ὄντω καλούμενος, Μαυρούσιος τὸ γένος*) потешал пирующих речью на смеси латинского, гуннского и готского языков (*τῇ γὰρ Αὔσονίων τὴν τῶν Οὔννων καὶ τὴν τῶν Γότθων παραμιγνὺς γλῶτταν*) (Prisci fr. 145. 12—13) [Blockley, 1985. P. 286—288].

Присутствие среди “сброта”, пленников из Иллирика и Фракии, как одной из составных частей указывает, что в лице *ξύγκλυδες* мы сталкиваемся с бывшими римскими подданными, “варварами” только “по скифской одежде”, наподобие того грека-перебежчика, с которым разговорился Приск. Это не варварские пришельцы, как гунны и готы, а коренное провинциально-римское население. То обстоятельство, что в большинстве своем они не владели по-латыни, указывает на местное, паннонское происхождение основной массы “смешанных (скифов)”. Их собственный “варварский язык” был в таком случае ни чем иным, как “паннонским языком” (*Pannonica lingua*), упомянутым Тацитом в “Германии” (II в.): “Сзади к маркоманнам и квадам примыкают марсигны, котины, осы и буры. Из них марсигны и буры наречием и образом жизни схожи со свебами; а что

котины и осы не германцы, доказывают их языки: галльский у первых, паннонский — у вторых, и еще то, что они мирятся с уплатой податей. Часть податей на них как иноплеменников налагают сарматы, часть — квады, а котины, что еще унижительнее, добывают к тому же железо” (Тас. Germ. 43) [Тацит. С. 370—371].

На то, что земледельческое население гуннской державы состояло из коренных паннонцев, а не какой-то смеси варварских племен “пришедших” с гуннами или “приведенных” ими, указывает и название напитка *κάμων*, которым варвары-скифы потчевали слуг римских послов. Автор начала III в. Юлий Африкан писал: *πίνουσι γούν ζύζον Αἰγύπτιοι, κάμων Παίονες, Κέλτοι κερβησίαν* “ведь пьют зифон египтяне, камон – пеоны⁴⁰, кельты – кервисию” [Свод I. С. 94]. Любопытно, что Приск, родом фракиец записал слово *κάμων* как варварское, хотя этот напиток (лат. *сатит*) был достаточно хорошо известен — он упомянут в законах Диоклетиана и Константина (Just. Dig XXXIII. 6. 9; Edict. Diocletiani II. 11). Не означает ли это, что для Приска римлянин, оказавшийся за пределами римской державы переставал быть таковым, и вследствие этого провинциально-римское население Паннонии было причислено им к скифам, хотя и не к “царским” (Prisci fr. 1), как в духе Геродота именует он гуннов (вместе с готами?), а “смешанным”?

На паннонское, то есть автохтонное происхождение варваров, встречавших римское посольство на переправе через Дунай, указывает также использование ими лодок-однодеревков (моноксия). Дион Кассий сообщает, что во время осады паннонского города Сискии (совр. Сисак в Хорватии) в 35 г. до н. э., на помощь осажденным пришли соплеменники. В сражении на реке Саве они бились на лодках-однодеревках, а римляне на судах, присланных неизвестными союзниками. При этом погиб Помпей

Менодор, командовавший некогда флотом у Секста Помпея, а затем перешедший к Октавиану (Dio Cass. 49. 37. 4—6).

Таким образом, на основе сообщений Приска Панийского мы можем сделать определенные выводы об этносоциальном устройстве гуннской державы в Паннонии. Во главе ее стояли пришлые варварские — гунны и готы. Этими именами Приск обнимает все кочевые и восточногерманские племена Паннонии (сравни *ἔθνοι ... Οὐννικά τε καὶ Γοτθικά* у Прокопия, Ae. IV. 1. 5). В окружении Атиллы находились и некоторые представители местной римской знати, наподобие Ореста или лично знакомого с последним св. Северина, “латинского человека”, как охарактеризовал его биограф Евгиппий [Колосовская, 2000. С. 225].

В подчинении у “царских скифов” находился слой “(скифов) смешанных” (*ξύγκλυδες*), состоявший как из местного, паннонского, так и угнанного из Иллирии и Фракии римского населения. Средством общения им служил “свой варварский язык” (*ἡ σφέτερα βαρβάρη γλῶσση* Приска, *Pannonica lingua* Тацита), наиболее распространенным среди коренных жителей Паннонии. Именно этот язык, а не гуннский, готский или латинский ожидал услышать Приск из уст оказавшегося греком “скифа”, причем дело происходило в самом сердце владений Атиллы — в его ставке.

Естественным выглядит предположение, что все записанные Приском незнакомые слова, которые он характеризует как “туземные” (*ἐπιχωρίως*), “варварские” (*οἱ βάρβαροι καλοῦσιν αὐτό*), “их самих” (*quam appellant ipsi*⁴¹) взяты из этого “варварского” языка. Речь идет о названии как рек: *Τίγας (*Τισας), Τιφήσας, Δρήκων (Δρέγκων) / Tisia, Tibisia, Dricca* и напитков: *ὁ μέδος, τὸ κάμον*, так и поминального пиршества (*commessatione*) на похоронах Атиллы, “которые сами [варвары] на-

⁴⁰ Аппиан сообщает, что “Пеоны — большой народ около Истра, населяющий все пространство от яподов до дарданов; пеонами их называют эллины, а по-римски они — паннонии” (App. Hist. Rom. III. 14).

⁴¹ В передаче Иордана (Iord. Get. 258).

зывают стравой” (*stravam... quam appellant ipsi ingenti commessatione* — Iord. Get. 258).

Последнее слово принято сближать с чешским и польским *strava / strawa* “пища, поминки” (иные точки зрения: Свод I. 161—169). По мнению О. Н. Трубачева, *strava* восходит к праславянскому **jъstrava* “истрава” с дальнейшим развитием **jъs-* > *s/z* на западнославянской почве (сравни **Jъsbygněvъ* “Избыгнев” > польское Збигнев, чеш. Спитигнев). Передача славянского **jъstrava* латинским *strava* (греч. **στραβά* в подлиннике Приска) предполагает гуннское посредничество, когда при передаче гуннской (тюркской? речи) потерялся начальный гласный [ЭССЯ, IX. С. 80]. Классическим примером такого “языкового сита” является турецкое имя Константинополя: греческое *εἰς τῆν πολεῖν* → турецкое *İstanbul* → русское “Стамбул”.

Славянскую этимологию, скорее всего, имеет и название напитка *камон*, восстанавливаемое как слово среднего рода из латинского *camit*, что делает излишними толкования “кумыс”, “квас”, основанные на неправильной реконструкции слова в мужском роде *ο κάμος* [Свод I. С. 93. Прим. 93]. По мнению Л. А. Гиндина, оно было заимствовано расселившимся в Паннонии славянами у местного населения: в сербском языке имеется похожее слово *комина* “виноградные выжимки”, “мезга” (в болгарском более употребителен тюркизм *джибри*). *Комина* служит сырьем для приготовления алкогольного напитка *комињак* (болг. *джибровица*).

“Комина” явным образом относится к славянскому корневому гнезду **kоть* “ком” и не может считаться иноязычным заимствованием. Напротив, само название напитка *камон* можно считать славянским, родственным словам **kоть*, **komina* и прочим, — речь идет о паннонской разновидности пива (камон — напиток из ячменя), хотя позднее сходные названия были перенесены на напитки изготовленные из виноградного сырья. Возражения против исконно славянской этимологии “камона” осно-

ваны на том, что это напиток паннонцев (*Παίονες*) [Свод I. С. 94]. Но это не может служить доказательством неславянского происхождения слова, поскольку неявно предполагается, что паннонцы ни в коем случае не являются славянами, что, как мы показали выше, едва ли верно.

В лингвистической литературе паннонцев принято относить к “иллирийцам”. Как известно, этим именем первоначально называлось варварское население, жившее к северо-западу от Греции в современной Албании (т. н. *Illyri proprie dictu* — Plin. Sec. Nat. Hist. III. 144; Pomp. Mela. De Chorograph. II. 55). В 168 г. была создана римская провинция Иллирик и, по мере расширения римской власти, это название охватило все новые и новые земли, заселенные самыми разными народами. Аппиан Александрийский пишет по этому поводу: “Римляне отличают все эти племена [собственно иллирийские, обитавшие в провинции Далмация. — *С. Н.*], а за ними и пеонов [паннонцев. — *С. Н.*], и ретов и нориков и мисов, живущих в Европе, и все другие племена, соседние, которые живут с ними на правой стороне Истра, если плыть вниз по течению, друг от друга так же, как и эллинов они отличают от эллинов, и каждое племя называют его собственным именем, а в целом всех их считают Иллирией... поэтому и налог на эти народы, от истоков Истра до Понтийского моря, они отдают на откуп как одно целое и называют его иллирийским налогом” (Appiani Hist. Rom. X. I. 6) [Аппиан, 1998. С. 195].

Письменных памятников написанных по иллирийски не сохранилось, поэтому его характер восстанавливается по отдельным глоссам, таким как личные имена и топонимы. Широкое распространение таких элементов не только в западной части Балкан, но и почти по всей Европе привело к появлению теории “паниллиризма”. Согласно этой теории, чьим горячим поборником был Г. Коссина, иллирийская топонимика и гидронимия были оставлены народом “полей погребений бронзового века”, исходным же местом распространения “полей погребений” была восточная

Германия и Польша, а первой *Urnfeldkultur* — лужицкая культура. Расселение “лужичан”, которых Г. Коссина считал венетами и “северными иллирийцами”, захватило обширные пространства и разнесло по Европе сходную гидронимию и этническое имя венетов, встречающееся от Малой Азии до Британских островов [Хенсель, 1988; Шавли, 2003. С. 34—49].

Реакцией на “паниллиризм” стала теория Г. Краэ. “Иллирийскую” гидронимию немецкий исследователь назвал “древнеевропейской”, и отнес ее к слаборасчлененной языковой общности, из которой впоследствии выделились кельтские, италийские, германские, балтийские, славянские и собственно иллирийские языки [Krahe, 1964 ; Трубачев, 2002. С. 267]. Иначе говоря, “иллирийская” гидронимия и топонимия Паннонии вовсе не обязательно связана с этническими иллирийцами.

Современная наука считает, что собственно иллирийский этнос западной части Балкан сложился вследствие взаимодействия древнеевропейского населения, представленного культурой полей погребений и местных элементов, для чьей культуры был характерен совершенно противоположный обряд — трупоположение под курганом. В Паннонии, напротив, господствовала культура полей погребений в ее среднедунайском варианте. По мнению югославских исследователей, паннонцы не имеют какого-либо отношения к собственно иллирийцам на Балканах [Šović, 1986; Седов, 2002. С. 53].

Таким образом господство иллирийской (древнеевропейской) гидронимии в Паннонии вовсе не исключает проживания здесь славян. Отсутствие же здесь ярко выраженных славянских элементов⁴² следует объяснять тем, что мы имеем дело с областью исконного проживания, где население пользуется архаическими названиями, в отличие от зон вторичного

⁴² Хотя имеются и они: *Pelso, lacus Pelsodis* “плес” — Балатон, *Bustricius, civitas Pistrensis* (“Быстрица”), *Urbanis, Tierna* и пр. [Трубачев, 2002. С. 43, 378 и др.]

населения, отмеченных характерными скоплениями ранних славянских речных названий [Трубачев, 1968. С. 270—73].

Возвращаясь к названию напитка τὸ κάμων следует отметить, что этимологическое совпадение со славянским *коми́на*, **котъ* свидетельствует о славяноязычии паннонцев, а бытование у “скифского” населения Подунавье в V в. одновременно (!) характерно славянского (ὁ μέδος — **медъ* “мед”) и характерно “паннонского” (πίνουσι γούν... κάμων Παίονες “пьют ведь... камон паннонцы”, — Юлий Африкан, III в.) напитков свидетельствует о славянской природе “паннонского языка” (*Pannonica lingua*).

Древние авторы отмечают, что паннонские племена расселялись преимущественно между Савой и Дравой (Festi Brev. II. 24), то есть в будущей “Славянской земле” (*Slavonia*) [Колосовская, 1973. С. 25]. В связи с этим есть смысл сопоставить название главного города паннонцев в I в. до н. э. Сегестики / Сегесты (ок. совр. Сисака) со средневековым названием исторической Славонии — “Загорья”.

В “Легенде о короле Звонимире”, последнем хорватском правителе (ум. 1089 г.), получившего в качестве приданного за женой, венгерской королевной, земли к северу от Железных Альп (хребет Гвозд), владения Звонимира в Славонии и собственно Хорватии (Далматинской) именуется Загорьем и Приморьем (*Transmontana u Maritima*) [Развитие, 1989. С. 145—150]. Это же название упомянуто в постановлениях первого “общего собрания всего королевства Славонии”, проходившего в Загребе в 1273 г. под главенством бана Матвея Чака. Нобили “Загорья и других комитатов” освобождались от суда жупанов и переходили в юрисдикцию бана [Развитие, 1989. С. 149]. В договоре сильнейшего славонского рода Бабоничей с хорватским городом Сень стоят рядом подписи “нобилей из Хорватии” и “нобилей из-за Железных Альп” (*ultra Gozd*) [Там же. С. 147].

Последнее определение позволяет реконструировать славянское название “Загорья” (*Transmontana*), как **Zag(v)ozdъ* “(земля) за горой, за лесом, за хребтом Гвозд”. Точно таким же именем *pagus Zagost* чехи называли лежащие за Судетами лужицкие земли [Нидерле, 1956. С. 111]. Иными словами, в названии лежащей при слиянии рек Купы и Савы паннонского города *Σεγεστική* (Strabo Geo. VIII. 313—14), как и его жителей сегестанов, следует усматривать славянское **Zag(v)ozdъ(skъ)* “(город) за горой”, учитывая, что на форму греческого слова могли повлиять названия города Сегесты в Сицилии и имя царя квадов Сегеста, тестя известного Арминия. Славянская этимология названия главного города паннонцев предполагает славянство и самого паннонского народа. Разобранные нами источники убедительно свидетельствуют, что собственно “славянское” население Паннонии⁴³ представляло собой прямых потомков коренных жителей этих мест — паннонцев, народа, говорившего на диалекте праславянского языка.

Паннонские и дакийские славяне у Псевдокесария и в Чудесах св. Димитрия Солунского

Нельзя умолчать, что сделанному выше выводу может противоречить следующее обстоятельство: судя по данным этнонимии и письменным памятникам, “паннонские славяне” были “собственно славянами”, носителями самоназвания **slověne*. Однако историки VI в. определенно не называют их “славянами” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*), — последнее имя у Иордана и Прокопия означает только “дакийских славян” с левобережья Нижнего Дуная. Объяснение этому противоречию надо искать в естественном и резком делении течения Дуная на две части: выше и ниже Железных ворот. Последние служили местом, где река Дунай меняла название с Данувия (*Danuvius* — *Δανούβιος*) на Истр (**Ιστρος* — *Hister*). Иоанн Лидиец (VI в.) пишет по этому поводу: “[Истр], попадая в теснины поблизости от

⁴³ То есть общие предки словаков, словенцев и каймавцев (славонцев).

Фракии, утрачивает у местных жителей свое название и зовется Данубием” [Черняк, 1990. С. 134]. Подробно исследовавший вопрос Г. Шрамм предполагает, что античному делению соответствуют две формы названия реки в славянских языках: Дунай (**Dunajь*) и Дунав (**Dunavь*) [Шрамм, 1997. С. 31] ⁴⁴. С этой точки зрения “паннонские славяне” — суть “данувийские славяне”, **dunajь-славяне*, а их “дакийские” соплеменники — “истрийские славяне”, **dunavь-славяне*. Это объяснение привлекает внимание тем, что находит соответствие в “Повести временных лет”, где говорится: “сели суть словене по Дунаеви, где есть ныне Угорьская земля и Болгарьска”, то есть по Дунаю среднему (Данувий, Дунай) и нижнему (Истр, Дунав) [ПВЛ. С. 11].

В свете двойного деления дунайских “славян” интересен отрывок из сочинения писателя сер. VI в. Псевдокесария: “А как же находящиеся в другом поясе славяне и фисониты, называемые также данувиями (*οἱ Σκλάβηνοι καὶ Φισωνίται, οἱ καὶ Δανούβιοι προσαυρεόμενοι*), — первые с удовольствием поедают женские груди, когда наполнены молоком, а грудные младенцы разбиваются о камни подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоядения. Первые живут в строптивости, безначалии, сплошь и рядом убивая, за совместной трапезой или в совместном путешествии своего предводителя и начальника, питаюсь лисами и лесными кошками, и кабанами, перекликаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, а подчиняются и повинуются всякому” [Свод I. С. 254].

Судя по реалистическому описанию “славян”, которые действительно отличались исключительной жестокостью во время вторжений в империю (Proc. VII. 38. 1—23. Свод I. С. 191—195), упомянутые вместе с ними “данувии” представляли собой народ, живший на берегах отождествляемого с райской рекой Фисон Дуная. Географическое положение фисони-

⁴⁴ В русском обе формы: *Дунай* и *Подунавье* (ср. чеш. *Podunají*).

тов можно определить достаточно точно. Славяне и фисониты-дунайцы упомянуты после вавилонян и халдеев, далее Псевдо-Кесарий рассказывает о “лангобардах, нориках и западных галлах” [Свод I. С. 253]. Вероятно, что Псевдо-Кесарий придерживается в своем изложении упрощенного перечня народов, сидевших в VI в. от устья до истока Дуная: “славян”, данубиев, лангобардов, нориков, жителей Галлии. Поскольку живущие между нижнедунайскими “славянами” и паннонскими лангобардами гепиды мало походят на “подчиняющихся и повинующихся всякому” данубиев, следует видеть в последних провинциально-римское население Славонии и Срема. Лангобардские памятники здесь отсутствуют, а наличие поздне-римских жителей выделяется уверенно [Magyar, 1984. Кр. 24. С. 304].

Мы уже доказывали, что римское население Паннонии в основном говорило по-славянски. На это косвенно указывает и сам Псевдо-Кесарий: судя по приведенному отрывку, свирепые “славяне” и кроткие дунайцы отличаются только нравами: первые, судя по всему — язычники, другие — христиане [ср. Свод I. С. 255], то есть речь идет о двух близкородственных народах.

В свое время мы приводили еще один отрывок из “Диалогов”, где говорится, что “иллирийцы и рипиане называют Дунай Данувием (*Δανούβιος*; но по Г. Шрамму, 1997. С. 28: *Δανούβις*), а готы — Дунав (*Δούναβη*), при этом в славянском переводе вместо *παρὰ δὲ Ἰλλυρίοις καὶ Ριπιανῶϊς* стоит “от сремен же и от славень” [Свод I. С. 255—256]. Из этого вытекает, что иллирийцы и рипиане, они же сременяне и славяне, пользуются одним языком, отличным от готского и, видимо, от латинского и греческого. По мнению Г. Шрамма, замена *Δανούβιος* на *Δανούβις*, подтверждающаяся как надписью на римском щите из Сирии (III в.), так и формой гидронима у Прокопия (De aed. IV. 5), отражает произношение провинциальных варваров на Среднем Дунае. Именно от них “паннонские славяне” заимствовали форму **Dunajь* (отку-

да венгерское *Dúna*), в то время как “дакийские славяне” заимствовали имя Дуная у готов — **Dunavъ* (ср.: *παρὰ δὲ Γότθοι Δούναυη* [Шрамм, 1997. С. 30–31]). Исследователь считает, что среднедунайские славяне переняли форму **Dunajъ* у “местного населения” (т. е., очевидно, аборигенов негерманского происхождения) [Шрамм, 1997. С. 31]. Это вывод следует принять, с той, правда, оговоркой, что местное население искони было славянским, а “провинциальные варвары” Г. Шрамма были никем иными, как “собственно славянами”.

Противопоставление жителей античного Сирмия (слав. *Среъмь*) и славян в славянском переводе “Диалогов” находит параллели в другом важном источнике по ранней истории славян — “Чудесах св. Димитрия Солунского”. В пятой главе второго собрания чудес — “О междуусобной войне, задуманной тайно против города булгарами Мавром и Кувером”, рассказывается о нашествии на Фессалонику в конце VII века неких “сремлян” (*Σερμησιάνοι*). О происхождении их источник сообщает следующее: “Как вы знаете христолюбцы, вначале мы рассказали о том, кого звали Хацон, и об аварах. И также рассказали, что почти весь Иллирик, то есть его провинции, а именно обе Паннонии, как и две Дакии, все области Дардании, Мисии, Превалис, Родопы, еще и Фракию, и до Длинных стен Византия и остальные города и поселения они опустошили. Весь народ оттуда [доставили] в Паннонию, в область у реки Дунай: митрополией этой провинции был когда-то так называемый Сирмий (*Σερμείον*). Туда, как сказано, упомянутый каган доставил всех пленников, как уже ему подчиненных. Поэтому смешались они с булгарами, аварами и другими язычниками, родились у них дети и стал народ бесчисленным и огромным... Когда же прошло 60 лет и более с тех пор, как родители их были захвачены варварами, образовался там уже другой новый народ (*ἄλλος νεός ... λαός*) и большинство из них со временем стало свободными” (Miracula. II. V. 284—286) [Свод II. С. 169—171].

После того, как успешно восстав против кагана и покинув Паннонию, “сремяне” пришли в Македонию, они столкнулись здесь с местными славянами-другувитами, которым пришлось снабжать пришельцев продовольствием (Miracula, II. V. 289—290). Позднее, когда предводитель “серамисиан” решил хитростью вводить своих людей в город, он сумел добиться “чтобы сремяне, намеревавшиеся бежать от славян, пришли безбоязненно и беспрепятственно” (*ἐκ τῶν Σκλάβων προσφεύγειν Σερμησίανυς*) (Miracula. II. V. 302) [Свод II. С. 176—177]. Таким образом, “Чудеса” прямо противопоставляют друг другу паннонских “сремян” и македонских “славян”.

В “Чудесах” “сирмисиане” названы ромеями и христианами, упоминается и “ромейский язык”: некий Мавр описан как “один из его [болгарина Кувера] архонтов, выдающийся и коварный во всем и знающий наш язык и язык ромеев, славян и болгар” (Mir. II. V. 291) [Свод II. С. 173]. Хотя *ῥωμαϊκή γλῶσση* в отличие от “нашего языка” (греческого) — явно романский, а “сремяне” — ромеи и христиане, явным образом противопоставлены солунским “славянам”, имеет смысл все же считать этот “новый народ” славянским по преимуществу. Уже сам факт включения отрывков о “сремянах” в “Свод древнейших письменных известий о славянах” (Т. II), неявно подразумевает, что составители допускают эту возможность.

В пользу того, что “сремяне” были славяноязычны либо скорее — двуязычны (говорили по-славянски и по-романски) можно привести следующие соображения. В конце VII в. народ, проживший два поколения в Паннонии и смешавшийся с местным населением должен был усвоить язык большинства жителей Аварского каганата, а таковыми были славяне⁴⁵. На “опаннонивание” (ославянивание) “нового народа” указывает то,

⁴⁵ По мнению Ланта славянская речь служила своего рода *lingua franca* в каганате [Трубачев, 2002. С. 150].

что они называли себя жителями Сирмия, или точнее, области “Сремской Паннонии” (*Pannonia secunda vel Sirmensis*).

Образование “нового народа” из болгар, авар и других язычников и пленных, угнанных с Балкан аварами, перекликается с приводившимся уже отрывком Приска о “смешанных (скифах)” (*ξύγκλυδες*), среди которых были и пленники из Иллирии и Фракии, говорившие по-гречески, при том, однако, что большинство “смешанных” не владело ни этим языком, ни латынью (Prisci fr. 8. 46. 5). Вполне приемлемо предположение, что и новые “смешанные” подданные новых гуннов — авар, спустя два поколения говорили уже не (столько) “по-ромейски”, а (сколько) на туземном (паннонском) варварском языке, который скорее всего представлял собой обособленный славянский диалект — предшественник словенского, кайкавского и среднесловацкого языков (см. предыдущий раздел).

Топонимические наблюдения И. Заимова о путях славянского заселения Балкан показали, что славяне двигались на юг двумя потоками: один вел из Нижнего Подунавья через переправу ниже Железных ворот и далее по течению р. Тимок выводил в Поморавье, на Вардар и к Солуни. В среднем течении Моравы с ним смешивался второй поток, направлявшийся из Среднего Подунавья [Займов, 1967. С. 100; Седов, 1995. С. 156. Рис. 50; 2003. С. 409—411. Рис. 85]. Эти потоки можно сопоставить с “дакийскими” и “паннонскими славянами” и соответственно — славянами-другувитами и сремьянами “Чудес”. Их взаимное смешение образовало, возможно, язык македонских “славян” (алб. *Šqja*), отличающийся и от сербского, и от болгарского, но в то же время сочетающий в себе черты их обоих.

Итак, сравнивая “диалоги” Псевдо-Кесария (VI в.) и их славянский перевод (X в.) с “Чудесами св. Димитрия Солунского” (нач. VII в.) мы получим два этнонимических ряда: *Σκλαύηνοι* — *Ῥιπιανοῖ* — славене — *Σκλάβοι* и *Δανούβιοι* — *Ἰλλυριοί* — сремене — *Σερμησιάνοι*. В них, по

нашему мнению, отразилось деление дунайских “собственно славян” на две ветви, обитавшие по обе стороны Железных ворот. В отличие от “дакийских славян”, живших в нижнем течении реки, где она зовется Истром, “паннонские славяне” обитали по среднему Дунаю, собственно Данувии, чем и объясняется их название “данувиев”, то есть “дунайцев” у Псевдокесария.

Подтверждение тому, что “данувии” были славянами, можно найти в “Повести временных лет”, где также упомянуты некие *дунайцы*: “Кий... приде к Дунаеви, и възлюби место и груби градокъ малъ... еже и доньне наричють дунайци городище Киевецъ” [ПВЛ. С. 13]. В “Повести” по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам это единственное свидетельство о дунайцах. Более пространно это же место излагает Никоновская летопись, где в указанном месте говорится: “...градище же и то доньне нарицается таму живущими Дунаичи Киевецъ” [ПСРЛ, IX. С. 4]. *Дунаичи* упоминаются также в рассказе о призвании князей, когда “Словене, рекше Новгородци, и Меря, и Кривичи” решили пригласить князя “или отъ насъ, или отъ Козаръ, или отъ Полянъ, или от Дунайчев, или от Варяг” (6367 г.).

Судя по Никоновской летописи, речь в данном случае идет о дунайских славянах: “По мнзехъ же временехъ сели суть Словене обаполь Дуная, где есть ныне Угорская земля и Болгарскаа. И от техъ Словен разидошася по земли; и на которомъ месте седаша, отъ того и имя себе нарекоша: седаша на реце Мораве и нарекошася Моравляне, а друзии нарекошася Чеси, а инии Хорвати белии, инии Сербии, инии Хорутане, а инии *Дунаи* [курсив наш — С. Н.]” [ПСРЛ, IX. С. 3]. Поскольку под “славянами дунайскими” в “Повести временных лет” подразумеваются преимущественно “венгерские” славяне, следует полагать, что *Δανούβιοι* Псевдо-Кесария и *дунайци* — *дунанчи* — *дунаи* русских летописей суть один и тот же народ — “паннонские славяне” — предки словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев.

Почему все же византийские писатели VI в. избегали называть “паннонских славян” их собственным именем **slověne* (*Σχλαβηνοί*, *Sclaveni*), прилагая его только к “славянам” из Дакии? По нашему мнению, только в силу того, что коренное славянское население Паннонии не представляло собой самостоятельной военно-политической силы, каковой являлось нижнедунайское славянство. Находясь под властью пришлых варваров-федератов, “паннонские славяне” рассматривались не столько как самостоятельный народ, сколько угнетенный “гостями” (*hospites*) социальный слой, известный более под нарицательными именами наподобие **daud-laiba* “дулебы”, *befulci*, заменявшими их этническое самоназвание.

Кроме того, вплоть до прихода авар, полностью порвавших с империей, Паннония формально считалась римской провинцией и ее население в силу этого именовалось классическими именами, или вообще скрывалось за именами господствовавших на Среднем Дунае “ромеев”, “лангобардов”, “авар” и пр. Только после прихода авар, изгнавших из Среднего Подунавья германцев, но главные завоевательные усилия направивших на захват Константинополя, местное славянское население смогло получить относительную самостоятельность в качестве неполноправных союзников авар⁴⁶. Взявшись за оружие (столкновение с баварами в 592, 595, 602 гг., вторжение в Италию в 599, 610 гг.) паннонские “дулебы” смогли привлечь внимание к себе и своему имени.

Их дакийские сородичи, “ободриты”, сделали это столетием раньше, в начале VI в., добившись к этому времени, по всей вероятности, независимости от гепидов, овладевших Дакией после разгрома наследников Атиллы на нижнем, а затем и на среднем Дунае. Последовательное “пробуждение” провинциально-римского, “собственнославянского” насе-

⁴⁶ Расцвет Валкума — Кестхея (панноно-славянского центра в Задунавье) приходится на время после ухода лангобардов.

ления сначала в Дакии, а затем в Паннонии и породило видимость движения славян в этом направлении.

В первой части данной главы мы доказывали, что собственно “славяне” представляли собой отдельный народ, отличавшийся от прочих (пра)славянских этносов исключительным употреблением самоназвания **slověne*, чья этническая территория находилась на Дунае, в первую очередь — среднем. В настоящей части мы привели доводы в пользу того обстоятельства, что собственно “славяне” являются прямыми потомками автохтонного праславянского населения Среднего Подунавья, известного древним под именем паннонцев. Когда произошло это превращение?

В) “Собственно славяне” в римское время: возникновение самоназвания **slověne*

“Славяне” и “немцы”

Провинциально-римское, паннонское происхождение летописных “словен дунайских”, которых единственно и следует считать собственно “славянами”⁴⁷, вынуждает обратиться к вопросу о происхождении самого имени **slověne* “славяне”. Шире этот вопрос можно поставить так: как и когда паннонцы стали “славянами”, что послужило этому причиной?

Существуют несколько этимологий самоназвания славян, наиболее древние из них связывают его либо со “словом”, либо со “славой”. Позднее появились другие мнения. Полагая, что суффикс *-*ěne* / -*jane* обозначает имена образованные от названий местностей, имя славян стали возводить к индоевропейскому **k'leu* “течь, омывать, очищать”, откуда произошло латинское *sloasa*; следовательно, славяне суть “жители влажных долин” [Нидерле, 1956. С. 41].

Последняя этимология была усовершенствована Г. Шраммом. Обратив внимание, что прилагательное “славянский” отличается от типичного словообразовательного ряда “поляне — польский, древляне — деревский, северяне — северский”, он предположил, что этноним **slověne* восходит не к гипотетическому гидрониму “Слова”, а к поэтическому эпитету Днепра — “Слаутич”. По мнению исследователя, Слаутичем некогда называлось среднее, лесостепное течение реки, на которое позднее было перенесено иранское название нижнего течения “Днепр”. В доказательство Г. Шрамм приводит названия рр. Славута в Полесье, *Šlavanta* в Литве, *Cluentis* (ит. *Chienti*) в Италии. Таким образом, выстраивается ряд: **k'leu* > **Slovota* > **slověne*, с вторичным выравниванием по славянской модели на *-*ěne* / -*jane*. Иначе говоря “славяне” означает попросту “днепровцы”

⁴⁷ То есть носителями единственно самоназвания **slověne*, при отсутствии дополнительных “видовых” этнонимов. См. Гл. 1. Ч. 1.

[Шрамм, 1997. С. 68–73]. Слабым местом этой этимологии является исключительное место Дуная в славянских песнях, где он выступает воплощением реки вообще. В противоположность Дунаю? Днепру не уделяется никакого внимания, что выглядит странно, если бы речь шла о родине [Трубачев, 2002. С. 374].

Другая этимология, выдвинутая Я. Отрембским и З. Голомбом, по которой имя славян предлагается связать с инд.-евр. **slou* или **suo-ebho* (лат. *Suebi*, нем. *Schwaben*) “свободные” через промежуточные ступени **Svoběne* / **Sloběne* / **Slověne* [Иванов, Топоров, 1982], также не получила какой-либо широкой поддержки в специальной литературе.

В настоящее время широко распространена и признана наиболее старая из существующих этимологий, по которой имя “славян” служило обозначением людей, говорящих на понятном языке. О. Н. Трубачев возводит ее к глаголу **sluti*, **slovъ* “слыть”, “слову” и приводит схожую форму “кличанинь” < * “кличане”, то есть загонщики, окликающие зверя на охоте, подгоняющие его кликом (летописная статья 1091 г.) [Трубачев, 2002. С. 42]. Правомерность такой этимологии подтверждают обычно сравнением со славянским этнонимом **něтъси* “немцы”, которое толкуют как производное от **něтъ* “немой” [ЭССЯ. XXV. С. 103—4] (ср.: “Югра же людие есть, языкъ немъ” в рассказе Лаврентьевской летописи о путешествии новгородца Гюряты Роговича на Печору под 1096 г.).

Как пишет М. А. Васильев “парное противопоставление всей совокупности “мы” (“словене”, т. е. “ясно говорящие, владеющие словом, истинной речью”) всей совокупности “они” (“немцы”, т. е. “говорящие непонятно” ли “не говорящие”) выражено более чем отчетливо... С точки зрения этимологии и этнической ономастики пара словене — немцы абсолютно прозрачна и закономерна, являя собой частный случай широко распространенного у народов мира раннего типа этнонимов, основанных на

конроверзе “люди, настоящие люди” (“мы”) — “ущербные, неполноценные люди” (“они”, “чужие”)] [Васильев, 2000. С. 414].

Помимо этимологии “немцы” — “немые”, существует иная, которой придерживались П. И. Шафарик и А. А. Шахматов, и связывающая славянское **něťsi* с названием германского племени *Nemetes* “неметов” (Caes. De bello Gall. I. 51) [ЭССЯ. XXV. С. 104; Kronsteiner, 1982]. Это германский этноним сближается с кельтским “Nemed” ирландских законов, означающих как одну из волн завоевателей Ирландии, так и свободного полноправного члена племени [Kronsteiner, 1982. S. 240].

В исконнославянском характере слова “немец” заставляют усомниться в первую очередь его акцентуационные особенности, хорошо заметные на русской почве. Наш язык, как известно, в наибольшей степени сохранил праславянский строй ударения [Славянские языки, 1977. С. 16], поэтому русский материал по слову “немец” должен рассматриваться в качестве важнейшего довода в “немецком вопросе”. Дело обстоит в том, что имена на *-eu*, образованные от прилагательных, в русском языке имеют ударение на суффиксе. В этом легко убедиться, взяв близкие по смыслу к слову “немо́й” прилагательные: “слепо́й”, “хромо́й”, “молодо́й”, “чёрный”⁴⁸, “бе́лый”, “вдо́вый”, “хра́брый” и прочие с производными: “слепе́ц”, “хроме́ц”, “молоде́ц”, “черне́ц”, “беле́ц”, “вдове́ц”, “храбре́ц” и т. д. Слово “неме́ц” выпадает из этой акцентуационной парадигмы, вместо него ожидалось бы “неме́ц”. Таким образом, исконно славянское происхождение этнонима “немцы” вызывает большие сомнения.

Столь же спорной является историческая сторона славянской этимологии. Противопоставление “славяне” — “немцы” действительно прослеживается еще со времен Кирилла и Мефодия, которых преследовали “немецкие попы”. Однако древность и исконность такого противопоставления едва ли может быть доказана. В самых ранних источниках этноним

⁴⁸ Перенос ударения в зависимости от окончания, ср.: *дикий* — *дикой*.

“немцы” имеет достаточно узкое значение. Арабский географ ал-Мас’уди в своем сочинении “Мурудж аз-захаб ” (сер. X в.) упоминает *нам.джин* “немцев” в числе племен сакалиба, то есть “славян”. Однако вместе с немцами этот же писатель упоминает и саксов (*сасин*) [Мишин, 2001]. В средние века этими двумя этнонимами, — немцев и саксов (слав. *сасы*), — славяне, а за ними и венгры называли всех выходцев из Германии. При этом слова “немец” и “сас” (венгерские *német* и *szász*) не являлись синонимами — в глазах своих восточных соседей это были два разных народа, даже в пределах одного и того же города — например, средневекового Вуковара, который был населен “тевтонцами, саксонцами, венграми и славянами” [Виноградова, Мельникова, Шушарин, 1989. С. 149].

Исторически деление предков современных немцев на “собственно немцев” (*Deutsche, Teutonici, немцы*) и саксов (*Sachsen, Saxones, сасы*) отражает внутригерманское размежевание носителей верхне- и нижненемецкого языков (*Hoch- und Plattendeutsch*). Оно было настолько явным, что даже русский путешественник XV в. обратил на него внимание [Ср.: Дорожник, 2001]. Неизвестный Суздалец, пересекший в XV в. Германию с севера на юг, писал: “И тьи Нурбех [Нюрнберг — С. Н.] град стоит среди Аламанские земли. Аламанская земля, то есть не единая вера, ни ины язык, но есть едина вера латиньская, а язык немецкий же, но розно, яко и Русь Сербы, тако и оне с немьци” [Хождение. С. 142]. Поскольку на Руси имя саксов было неизвестно, Суздалец назвал их привычным словом “немцы”, а “собственно немцев” — романским словом “аллеманы”. Разделение германских земель было закреплено даже законодательно: по “Золотой булле” Карла IV в случае отсутствия или гибели императора, его замещали два викария для Верхней и для Нижней Германии, каждая из которых жила по собственному праву: “немецкому” (“швабскому”) и “саксонскому”, кодифицированному в конце XIII века в одноименных “зерцалах”. Таким образом, сопоставление славянского и немецкого этнонимии позволяет ут-

верждать, что изначально словом “немцы” славяне обозначали только дунайских германцев — “тевтонов” или “швабов”, потомков свевов.

Тацит писал, что свевы (*Suevi, Suebi*) занимали большую часть Германии и делились на множество племен (Тас. Germ. 38). По “Запискам” Цезаря можно определить какие племена входили в этот союз, вторгшийся под началом “царя свевов” Ариовиста⁴⁹ в Галлию. Накануне решающего сражения с римлянами, “германцы... вывели из лагеря свои силы и поставили их по племенам на одинаковом расстоянии друг от друга: это были гаруды, маркоманны, трибоки, вангионы, *неметы (Nemetes)* [курсив наш — С. Н.], седусии и *свебы*” (Caes. De bello Gal. I. 51). Очевидно, что свевский союз получил у славян свое название по одному из входящих в него племен, а именно — *неметов*, в то время как римляне и сами германцы предпочитали звать их по имени другого племени — свевов (лат. *Suebi* нем. *Schwaben*).

Проблема типологического тождества самоназваний славян, албанцев и басков

Указанные соображения побуждают нас отказаться от славянской этимологии этнонима “немцы” — “немые”. Однако это не означает, что построенная во многом на противопоставлении “славяне — немцы” этимология самоназвания славян, как “ясно говорящих” [Трубачев, 2002. С. 305, 312 и др.], утрачивает свою силу. Дело в том, что точно таким же по смыслу самоназванием пользуются их соседи — албанцы, называющие себя *Shqiptaret* “шкиптарамии”. Существуют две этимологии этого имени: первая — от глагола *shqipoj* “говорить ясно, понятно” и другая — от существительного *shquipe* “орел” [Ист. Албании, 1967. С. 7]. В сущности, оба слова восходят к латинскому *excipere* “выхватить, поймать” (сравни русское пойми! — поймай!, понятный — понятой), поэтому более широкое

⁴⁹ Корнелий Непот “De regibus”: Ариовист — *rex Sveborum* [Колосовская, 2000. С. 31].

значение слова “шкиптары” как “понятно говорящие (люди)” более пред-
почтительно [Orel, 1998. P. 434].

Сходство этнонимов **slověne* и *shqiptaret* давно привлекает внима-
ние исследователей. Полагают даже, что албанское самоназвание пред-
ставляет собой кальку славянского имени: “не является ли для нас этноним
Shqiptar косвенным свидетельством (отражением) былой этимологической
прозрачности этнонима *slověne* в этом региона?” [Трубачев, 2002. С. 313].
Последняя точка зрения принята и в новейшем этимологическом словаре
албанского языка [Orel, 1998. P. 434]. Впрочем, доказать генетическую
связь между этнонимами **slověne* и *shqiptaret* непросто — зачем предкам
албанцев понадобилось заимствовать чужое самоназвание, переводя его со
славянского? — неясен и механизм такой передачи. Скорее всего оба мы
имеем дело с типологическим, а не генетическим отношением. На это ука-
зывает самоназвание другого европейского народа — басков. Их самона-
звание *euskaldunak* означает буквально “люди говорящие по-баскски”.
Свой язык баски называют *euskara* — “понятная речь”: “слово, чей точный
смысл не установлен, но которое, вероятно, соотносится с идеей “ясной
речи” (*clearly speaking*)” [ЕВ III. P. 184]. Очевидно, что генетическая связь
между баскским, славянским и албанским самоназваниями невозможна и
следует говорить только об общей типологии.

Что касается имен басков и албанцев, то причина их типологическо-
го сходства лежит на поверхности. Оба народа говорят на реликтовых
языках автохтонного населения Иберийского и Балканского полуостровов
избежавшего романизации в эпоху римского владычества. Латинское про-
исхождение самоназвания албанцев от глагола *excipere* указывает, что эт-
ноним *shqiptaret* не могло возникнуть в доримское время. Возникновение
самоназвания “ясно, понятно говорящие” должно отражать четкое пред-
ставление праалбанцев и прабасков о своей обособленности от остального
балканского и иберийскогонаселения, перешедшего на латынь.

Особенно ярко это видно на примере Иберийского полуострова, где оппозиция “романоязычный — баскоговорящий” проявляется в чистом виде. Отчужденно-презрительное отношение басков к чужакам хорошо известно. Из какой бы области Испании или Португалии не происходили пришельцы, все они без разбора получали название “мавров” или “кастильцев” [Кожановский, 1978. С. 238]. Надо полагать, что оба названия сменили еще более древнее баскское название романского населения, утраченное после арабского завоевания Испании.

Высказанные на основе албанского и баскского материала соображения находят очевидные параллели в “Повести временных лет”, где первыми и главными врагами “славян” названы “волохи”: “Волохомъ бо нашедъшемъ на словени на дунайския и седшемъ в них и насилящемъ имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася ляхове” [ПВЛ. С. 11]. Вопрос о том, кто такие летописные волохи, давно привлекает внимание исследователей. Этимологически, как и соответствующее германское слово (нем. *Walchen, welsche*) славянское **volxъ* “волох” восходит к названию кельтского племени *Volcae-Textosagi*, то есть “волки” [Трубачев, 2002. С. 45]. Вероятно, этноним служил некогда именем западных соседей германцев и славян — кельтов, но в своем первоначальном качестве он сохранился только в английском *Wales* “Уэльс”.

Позднее, после римского завоевания, кельтское население на материке подверглось романизации⁵⁰ и название волохов было перенесено на его романизованных потомков. Славяне звали влахами как жителей далматинских городов и итальянцев (польское *Włochy* “Италия”), так и сохранивших до сего дня древнее имя “римлян” предков румын (*волохи, Валахия*). Иначе говоря, в историческое время в славянских языках имя во-

⁵⁰ Кельтские и итальянские языки, к которым относится латынь, чрезвычайно близки, этим, видимо, и следует объяснять полную романизацию континентальных кельтов.

лохов соответствовало самоназванию римского (или романского населения) — *Romani*.

Засвидетельствовано еще одно значение слова “влахи”, правда более местное, чем общеславянское. Судя по всему, венгры и словенцы называли “волохами” также франков. Современное сербское село *Манделос* в области Срем (из венгерского *Nagyolász* “Великие влахи”) в латинских грамотах именовалось *Francavilla*, из чего следует тождество венг. *olász* (из славян. **volxъ*) и лат. *francus* [Шушарин, 1997. С. 185]. Нельзя, правда, не отметить, что современное венг. *olász*, *Olászsország* означает “итальянец”, “Италия” — вероятно имя было перенесено на франков при завоевании Аварского каганата, которым руководил сын Карла Великого “король Италии” Пипин Горбатый. Иначе говоря, под “франками” здесь подразумеваются те же романоязычные жители Северной Италии [Королюк, 1979].

Таким образом, летописных “волохов” можно сопоставить и с кельтами, и с римлянами, и с франками и даже с владевшими Италией лангобардами. В общем, летописный рассказ о нашествии владов на славян позволяет связать его с любым из исторических нашествий на Паннонию — кельтского в конце IV в. до н. э., римского на рубеже нашей эры, франкского — на рубеже VIII – IX вв., однако едва ли верно соотносить его с конкретно с каким-либо из них. Дело в том, что недатированная часть летописи, где находится рассказ о славянах и волохах, представляет собой не столько изложение исторических событий, сколько обобщенное восприятие славянами своего далекого прошлого (ср. с “Болгарской апокрифической летописью” [Иванов С. А., 1989]).

По этой причине противопоставление “славяне — волохи” нужно рассматривать в качестве элемента этнического самосознания славян, и воспринимать этноним “волохи” в самом общем из известных славянам значения: “люди говорящие на романском, латиняне, римляне”. В свете “Повести временных лет” типологическая оппозиция **slověne* / *shqiptaret* /

euskaldunak “говорящие на своем (понятном) языке” — **volxi / romani* “говорящие на латинском (непонятном) языке”, окажется почти безупречной. На этом основании напрашивается вывод, что самоназвания славян, албанцев и басков возникли среди нероманского, точнее нероманизованного населения Империи, означая в сущности “неримлянина”, “нелатинянина”. Такое толкование имени славян не должно показаться неожиданным — мы уже приводили доводы в пользу того, что “собственно славяне” суть ни кто иные, как бывшие паннонцы — коренные жители одноименной римской провинции.

Самый общий вывод из вышеизложенного таков: имя **slověne* должно было возникнуть на Среднем Дунае в эпоху римского владычества, как самоназвание коренного населения Паннонии, не подвергшегося романизации и сохранившего в неприкосновенности свою “варварскую речь” (*Pannonica lingua* — Tac. Germ. I. 52; *ἡ σφέτερα βάρβαρα γλῶσση* — Prisci fr. 8).

Причины и условия возникновения этнонима **slověne* “славяне”

Источники позволяют восстановить процесс превращения античных паннонцев в средневековых “собственно славян”, непосредственных предков словаков, словенцев и хорватов-кайкавцев. Римское завоевание Паннонии началось в 35 г. до н. э. Аппиан Александрийский описывает был ее обитателей следующим образом: “Земля пеонов [паннонцев] покрыта лесами и простирается от яподов до дарданов. Эти пеоны жили не в городах, а в полях и деревнях родовыми общинами; они не сходились в обще дома советов и начальники у них были не для всех. Молодежи военного возраста у них было до ста тысяч. Но и эти не собирались вместе вследствие отсутствия единой власти” (App. Hist. Rom. X. IV. 22). Страбон перечисляет названия отдельных паннонских племен (Strabo VII. 5. 3), однако, судя по написанному о паннонцах у Аппиана, они вряд ли имели общее самоназвание, оставаясь вероятно на той архаической ступени, когда обходятся

простейшими обозначениями наподобие “свои, наши и т. п.” [Трубачев, 2002. С. 58]. Вследствие своей разобщенности паннонцы не смогли устоять против римлян, когда падения их главного города Сискии Октавиан “присоединил и остальную часть Паннонии вследствие соглашения (*ῥῆμολογία*)”, что означало для побежденных сохранение самоуправления (Dio Cass. 49. 37. 6), которого они, впрочем, вскоре лишились.

В 6 г. н. э. началось паннонское восстание. По свидетельству древних писателей, война с паннонцами была *gravissimum omnium externorum bellorum post Punica* “самая тяжелой из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических” (Suet. Tib. 16) [Светоний, 1988. С. 113], поскольку паннонцы угрожали вторжением в Италию. Только ценой больших усилий римляне добились победы (9 г. н. э.), Паннония была опустошена, боеспособная молодежь продана в рабство, а остальное население было низведено до положения “дедитициев” (сдавшихся на капитуляцию), что означало полную потерю независимости. Только три племени, жившие по Дунаю: бойи (кельтское племя), эрависки и азалы, сохранили самоуправление и получили статус “общины” (*civitas*). Остальные племена управлялись римскими префектами — офицерами стоявших в провинции римских легионов [Ист. Европы, 1988. С. 580]. Превращение большей части Паннонии в личное владение императора⁵¹ — т. н. *saltus* (букв. “лес” или “лесное пастбище”) делало невозможным распространение городской жизни среди коренного населения, а значит — его романизацию, связанную с приобретением гражданских прав. Военная служба также не могла служить средством романизации паннонцев, поскольку, будучи peregrini (негражданами), они служили не в легионах, где языком общения солдат служила лагерная латынь, а в туземных вспомогательных частях (*auxilia, alae*), чьи воины, естественно, говорили на своем, “понятном” языке [Ле Бозк, 2001. С. 96].

⁵¹ Паннония относилась к императорским провинциям.

Во II в. римский образ жизни начал распространяться в Паннонии шире — на земли изъятые из императорского *saltus* 'а был выведен ряд колоний, в которых селились в первую очередь ветераны. Кроме того, отказ от завоевательной политики при Адриане привел к перестройке римской армии: легионные лагеря из обнесенных валами и частоколами временных палаточных городков превращаются в обнесенные каменной стеной крепости на создаваемой с начала II в. укрепленной границе (*limes, ripa*) по р. Дунай. Изменился и принцип набора в легионы — наряду с местными римскими гражданами в них стали набирать добровольцев из числа провинциалов не имеющих гражданства [Кудрявцев, 1957. С. 157]. Это обстоятельство значительно облегчало бы романизацию Паннонии, так как 25 лет службы в легионе паннонским солдатам приходилось общаться большей частью на латыни, а после выхода в отставку, получившие гражданство ветераны вливались в состав романского городского населения. Однако естественное течение хода событий было прервано в конце II в. н. э. маркоманскими войнами — массовым вторжением варваров в Империю по всей дунайской границе (167—180 гг.).

Потери войск в боях и свирепствовавшей до середины 180-х годов чумы пришлось восполнять любой ценой. В легионы, второй раз после войны с Ганнибалом, зачисляли даже отпущенных на волю рабов (т. н. волонтеров), а из жителей Италии, не знавшей воинских наборов со времен Августа, были созданы два новых легиона. В источниках не сохранилось прямых свидетельств о том, как пополнялись войска стоявшие в Паннонии. Однако судя по эпохе Септимия Севера (род. 146 г., имп. 193—211) этносоциальный состав дунайских легионов претерпел решительные изменения. Вместо римских граждан — уроженцев городов в легионы стали набирать нероманизованное население из сел, получавшее гражданство при вступлении на военную службу. Части, укомплектованные такими новобранцами получали почетное наименование *civium Romanum*. Изменяет-

ся и самосознание воинов. Если раньше вступивший в войско человек терял связи со своей родиной, что выражалось в принесении солдатами посвящений богам от лица своей части, то теперь воины указывают в посвящении не номер когорты или легиона, а той общины, откуда они были набраны. Это свидетельствует о том, что воин с берегов Дуная ощущал себя не столько солдатом единой римской армии, сколько жителем своей провинции, где ему и предстояло нести службу [Штаерман, 1946б; Ист. Европы, 1988. С. 632; Махлаюк, 2001. С.201; Ле Бозк, 2001. С. 288—304; Birkeley, 1972. P. 55—66]. Не требует доказательств и очевидное положение, что в “паннонских легионах” средством общения между воинами служила паннонский язык, а не латынь⁵².

Исследователи подчеркивают, что именно в Маркоманских войнах сложились прекрасные боевые качества дунайских легионов и выросло их самосознание, которое особенно деятельно проявляется в последующий период [Кудрявцев, 1957. С. 178—179], когда в Паннонии складывается особый тип “военно-крестьянского общества”, для которого характерно неразрывное единство между римской армией и местным приграничным населением [Арх. Венгрии, 1986. С. 271—75; Alföldi, 1987]. К III в. н. э. стираются и археологические особенности разных племен, населявших страну. На надгробиях из области эрависков, где находился лагерь второго вспомогательного легиона (*legio II Adiutrix*) — Аквинке (Буда), изображены мужчины в типично римской военной одежде и их жены, одетые в паннонский наряд с характерными пальчатыми фибулами [Арх. Венгрии, 1986. С. 268—71].

Возвращаясь к теме об “антской миграции” в Паннонию и славянских пальчатых фибулах VI—VII вв. хотелось бы отметить, что все подобного рода украшения, не только славянские, но и более ранние “дунайско-германские”, восходят к указанным паннонским украшениям. Что касается

⁵² Тем более это касается воинов местных “номеров” [Ле Бозк, 2001. С. 36—7, 286].

этнической принадлежности эрависков, то Тацит пишет о них: “Но арависки ли переселились в Паннонию, отколовшись от германской народности осов или осы — в Германию, отколовшись от арависков, при том, что язык, учреждения и нравы у них и сейчас тождественны, неизвестно ... а что и котины и осы не германцы, доказывают их языки, галльский у первых, паннонский у вторых” (Тас. Germ. 28, 38) [Тацит, 1969. С. 365, 370—71]. Именно в области эрависков лежала крепость *Intercisa*, где обнаружено посвящение богу со славянским именем *DoBRAT[IS]*. Здесь же в аварское время лежало классическое “аваро-славянское” городище *Dunaújváros* [Седов, 1979. С. 127; 2002. С. 234], чье античное имя *Intercisa* “пересеченное” скорее всего было заселено славянскими переселенцами с Дуная на средний Днепр, где в середине X века стоял город с одноименным названием Пересечен (**persěщьнь*) [Трубачев, 2002. С. 110, 338—40]. Как уже говорилось, указанные совпадения могут найти непротиворечивое объяснение только в рамках гипотезы о славяноязычии коренного населения античной Паннонии.

Несмотря на усвоение римской материальной культуры, в этническом смысле паннонцы даже формально так и не стали “римлянами” (*cives Romani*). По конституции Каракаллы от 212 г., когда римское гражданство получили все подданные Рима, единственное исключение было сделано для “дедитициев”, живших преимущественно на Рейне и Дунае, поскольку из уроженцев этих сельских⁵³ областей набирались самые боеспособные части римской армии [Штаерман, 1946а]. Историк Геродиан пишет по этому поводу, что после убийства императора Пертинакса преторианцами (193 г.), весть об этом пришла “к паннонцам и иллирийцам и ко всему тамошнему войску, которое размещено по берегам Истра и Рейна, и, удерживая живущих по ту сторону варваров, охраняет Римскую державу” (Herod. II. 9. 1).

⁵³ То есть лежавших за пределами городских общин и магнатских латифундий.

Таким образом на рубеже II—III столетий в римских провинциях на Дунае складывается новая этносоциальная общность, состоявшая из местного нероманизованного населения. Становым хребтом ее служило “иллирийское войско” (*exercitus Illiricianus, ἔκ τοῦ Ἰλλυρικοῦ στρατευμά*) — мощнейшая пограничная группировка, превосходящая силами как германские и сирийские легионы, так и преторианские когорты в Италии. Под началом Септимия Севера (193—211) паннонские войска выиграли гражданскую войну 193—198 гг., а в 235 г., убив последнего императора из династии Северов — Александра, сделали императором своего ставленника — простого солдата Максимиана, управлявшего империей из столицы Паннонии города Сирмия. После поражения в 238 г. Максимиана — первого солдатского императора, возвышение паннонцев и иллирийцев было приостановлено, но ненадолго — последовала череда мятежей и узурпаций — Пакатиана (248 г.), Деция, первого сенатора из Паннонии (249 г.), Эмилиана (253 г.), Ингенуя (258 г.), Регалиана (260 г.), пока император Галлиен не был убит своими военачальниками (268 г.), после чего “иллирийские императоры” Клавдий и Аврелиан разгромили вторгшихся в империю готов (битва при Наиссе, 269 г.) и присоединили отпавшие восточные (273 г.) и галльские (274 г.) провинции, за что Аврелий был увенчан титулом *Restitutor orbis* “Восстановитель мира (света)”. Вершиной иллирийского могущества стало провозглашение бога Митры (*Sol invictus*) высшим государственным божеством и принятие Аврелианом официального наименования *Dominus et Deus* “Господин и Бог”.

Что касается этнического состава “иллирийской армии”, то исчерпывающую характеристику его дал М. И. Ростовцев: “Новая армия второй половины II в. не была больше войском римских граждан, которое набиралось в Италии и романизованных провинциях. Оно складывалось на основе особых элементов: это были почти или совсем нероманизованные жители провинций и представители воинственных племен, набранные по

ту сторону границы” [Ростовцев, 2001. С. 200], “Невозможно представить, чтобы такая армия полностью романизировалась и слилась с местным [романским — С. Н.] населением” [Там же. С. 176]. Историк Геродиан, который был очевидцем превращения иллирийской армии из опоры династии Северов в неуправляемую силу, чьё действие послужили толчком к наступлению “кризиса III века” (235—284 гг.), неоднократно подчеркивает, что костяк её составляли *Παίονες* “паннонцы” (Herod. VI. 8. 1—5; VII. 2.9; 3.5; 8.11; VIII. 6.1). Рассказывая об убийстве последнего Севера, он замечает: “юноши [новобранцы — С. Н.], большая часть которых была из паннонцев, любили Максимиана за мужество, над Александром же насмеялись... И вот, собравшись на равнину, как бы для обычных упражнений, они возложили на вышедшего и ставшего перед ними Максимиана порфиру и провозгласили его императором” (Herod. VI. 8. 1—5). Когда же Максимиан был убит (238 г.) и “войско узнало о случившемся, всех охватило оцепенение, и отнюдь не все были довольны тем, что было сделано, больше же всех — паннонцы и фракийские варвары, которые вручили ему власть” (Herod. VIII. 6.1). По нашему мнению, в лице последних мы видим предков будущих “ясноговорящих (т. е. нероманизованных) людей” — славян (**slověne*) и албанцев (*shqiptaret*)⁵⁴.

Значение римского войска для раннеславянского и раннеалбанского этногенеза столь же велико, как и роль османской армии (янычарского корпуса) в XVI—XVII вв. при образовании мусульманских народов Балкан: славян-босняков и албанцев. Начиная с разрешения брать в янычары не только христианских детей, но и мусульманских детей, достигших 15—20 летнего возраста (правда на добровольной основе), приток босняков и албанцев в ряды янычар чрезвычайно усилился. Любопытно, что как и в римской Паннонии в III в., молодежь на военную службу брали только из

⁵⁴ Часть исследователей считает албанцев потомками фракийцев [Развитие, 1982. С. 36; Schramm, 1994], часть — иллирийцев [Десницкая, 1987; 1988]

сел, а не из ориентализированных балкано-турецких городов. Социальное размежевание здесь совпадало с этническим: городское население как в римской Паннонии, так и в османской Боснии было пришлым, в то время как в сельской местности полностью преобладал автохтонный элемент [Железнова, 1990. С. 176]. Служба в янычарском корпусе позволяла выходцам из славян-мусульман и албанцев не только достигнуть самого высокого положения при особе султана, как, например, знаменитому Мехмеду Соколлу (Соколович), но и сохранить свое этническое лицо, избежав превращения в “румелийских турок”. О том, что самосознание янычар было подчеркнуто нетурецким (хотя османским и мусульманским), свидетельствуют многие источники. Не имея возможности отвлекаться на эту тему, приведем характерное замечание бывшего янычара Константина Михайловича, участника завоевания Боснии в 1463 году: “... он (Мехмед II) отправился в свою столицу, а меня оставил там в одном из замков, называвшимся Звечай, недалеко от Яйце, и дал мне 50 янычар для занятия замка... у меня было еще 30 турок для подкрепления” [Записки янычара, 1978. С. 90]. Сходство между римским Паннонией и османской Боснией будет еще более полным, если вспомнить о распространившейся в III в. среди дунайского войска восточной религии митраизма и наличии в рядах паннонских легионов немалого числа выходцев из греческих и семитских областей.

Таким образом, образование “собственно славянского” этноса в Римской империи представляло собой, по нашему мнению, полное подобие образованию славяно-мусульманского этноса в Османской империи. В обоих случаях речь идет о сохранении коренным славянским населением своего языка при почти полном преобразовании материальной и духовной культуры империи, в составе которых оно оказалось. Этим обстоятельством и объясняется мнимое отсутствие археологических свидетельств пребывания “собственно славян” в римской Паннонии.

Лингвистические свидетельства проживания “собственно славян” в пределах Римской империи

О том, что тесное римско-праславянское взаимодействие имело место ранее исторически засвидетельствованных вторжений славян на Балканы говорят и лингвистические материалы. Последние не получили достойного толкования именно в силу историографической традиции, отрицающей исконное проживание славян на Дунае. Речь идет о разительных схождениях поздней латыни и праславянского в первую очередь в области фонетики: в частности, об общей тенденции к повышению звучности согласных [Трубачев, 2002. С. 113].

Из других типологических сходств, особый интерес представляет то, обстоятельство, что и праславянский до падения редуцированных звуков *ь и *ъ, и протороманский представляли собой языки с открытыми слогами. Эта особенность весьма редко встречается как на территории Европы, так и в ареале распространения всех индоевропейских языков. Поэтому предположение о случайности сходства (возможное по отношению к системам гласных с относительно небольшим числом элементов, в них входящих) в данном случае практически исключено [Иванов, 1989. С. 26].

Указанные праславяно-романские связи едва ли можно отнести ко времени славянского заселения Балкан, когда славяне столкнулись с местным романским населением — предками румын. Во-первых, при славяно-румынском взаимодействии лингвистические заимствования шли из славянского в романский: основная земледельческая терминология в румынском языке — славянского происхождения [Седов, 1995. С. 107]. Кроме того, романский язык был языком побежденных (во всех романских языках исконное слово “война” заменено заимствованиями из языка победителей — либо германского: фр. *guerre*, исп. *guerra*, итал. *guerre*, либо славянского: рум. *război*) и едва ли славяне пытались подстриваться под румынскую речь. Даже такое однозначно римское понятие как “календы”

(слав. **kolęda* < *calenda(e)*) в румынском является заимствованием из славянского, а не возводится прямо к латинскому слову, а [Дуриданов, 1986].

Таким образом, сильнейшее воздействие латыни на праславянский, приведшее к выравниванию праславянской фонетики на позднелатинский лад началось еще до славянского заселения Балкан, где славяне сталкивались с предками восточных романцев (румын, аромунов и пр.). Кроме того, столь глубокое взаимодействие было возможно только при условии взаимного проживания славян и “латинян”, причем латинский язык должен был занимать более высокое, по сравнению с праславянским, социолингвистическое место. Указанным условиям отвечают не Балканы времен славянского заселения, а скорее Среднее Подунавье в эпоху римской империи, когда латынь являлась языком правительства и военного командования. Именно тогда в праславянский попали такие характерные латинские слова, как “баня” (*balneum*), “коляда” (*calenda(e)*), “русалия” (*rosalia* “праздник роз”), “секира” (*securis*), “щит” (*scutum*), “Рим” (*Roma* [**rwma-*]), “жид” (*iudaeus*), “крыж” (*crucet*) и т. п. [Десницкая, 1988. С. 137; Иванов, 1989. С. 33].

Последние три примера исключительно интересны тем, что передача народно-латинского *и / о* посредством праславянского **i* указывает на моравско-паннонский диалект праславянского, куда и были в первую очередь осуществлены указанные заимствования [Иванов, 1989. С. 33]. Иначе говоря, посредником между латынью и прочими праславянскими диалектами за пределами Подунавья мог служить инновационный [Трубачев, 2002. С. 85—87; Куркина, 1993] паннонославянский диалект, на котором говорили “собственно славяне”, носители самоназвания **slověne*. В ходе последующих расселений (собственно) славян из Среднего Подунавья [см.: Седов, 1999. С. 183; 2002, С. 531—551] фонетические и лексические инновации достигали самых крайних областей славянского мира. Вместе с дунайскими славянами распространялись и характерные атрибуты римского

образа жизни, например баня. “Повесть временных лет”, рассказывая о легендарном путешествии апостола Андрея к “славянам” в Новгород, дает ее красочное описание [ПВЛ. С. 14]. О приходе самих новгородских “славян” с далекого юга свидетельствует как их характерные антропологические особенности [Гончарова, 1997], так и обстоятельство, что в отличие от своих соседей финнов, русским было неизвестно северное название немцев — “саксы” (Ср.: фин. *Saksa* “Германия”).

Основные выводы

По итогам настоящей главы можно сделать следующие выводы:

1. Вопреки бытующему мнению, этноним “славяне” не являлся изначально обозначением всей совокупности народов, говоривших на (пра)славянском языке. Имя славян долгое время употреблялось в качестве самоназвания одного-единственного (пра)славянского народа. Наряду с “собственно славянами” существовало множество других “племен”, искони говоривших на (пра)славянском языке и, тем не менее, не называвшими “славянами” и “славянским” ни себя, ни свой язык. Это не значит, что “неславянские” праславяне являлись потомками какого-то ославяненного иноязычного населения — их самоназвания: **polěne* “поляне”, **dervěne* “древляне”, **lędxi* “ляхи” имеют такое же славянское происхождение, как и этноним **slověne*, но “славянами” *in sensu stricto* эти народы все же не были.

2. Родиной “собственно славян” было Среднее Подунавье. Помимо прямых указаний славянской традиции (русская летопись, польские и чешские хроники), об этом свидетельствует этногеография. Современные славянские народы, чьи самоназвания произведены от этнонима **slověne*: словаки, словенцы, как и местные названия со значением “Славянская земля”: *Slovensko* “Словакия”, *Slovenija* “Словения”, *Словиѣ / Slovinje* “Славония” сосредоточены именно в среднем течении реки. Лингвистические особенности (средне)словацкого, словенского и т. н. хорватско-

кайкавского (славонского) языков позволяют возводить их к единому позднепраславянскому диалекту, на котором говорило славянское население Паннонии. Венгерским названием этого народа был этноним *tótok* “славяне”, который прилагался только к славянам Среднего Подунавья, предкам словаков, словенцев и кайкавцев.

3. Ни история, ни археология не дают ни малейшего повода считать дунайских “собственно славян” пришельцами на своей земле. Анализ имеющихся сведений позволяет уверенно считать их потомками праславянского населения Среднего Подунавья, известного в античной письменности под именем “паннонцев” (*Pannonii* / *Παίονες*). Превращение паннонцев в “славян” стало итогом сложных этногенетических процессов, начавшихся после римского завоевания подунайских областей. В силу целого ряда причин (в том числе и статуса *дедитициев*, исключавший превращение в римских граждан), паннонцы не были романизированны, а исключительное стечение обстоятельств (массовый набор туземцев в стоявшую на дунайском лимесе армию) превратило разрозненные праславянские племена Паннонии в монолитную “военно-крестьянскую” общность, открыто противопоставившую себя остальному населению империи и поставившую Рим на грань развала в эпоху “кризиса III века”. В этих условиях, вероятно и возникло “лингвистическое” самоназвание этой новой этносоциальной общности — этноним **slověne*. Типологические особенности его позволяют утверждать, что несмотря на широкий смысл: “люди, говорящие на своем языке”, оно имело достаточно узкое первоначальное значение: “люди, которые не говорят на латинском”. Что и подтверждается “Повестью временных лет”, которая начинает историю дунайских “славян” с нападения “волохов”, под которыми следует подразумевать римлян.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. “ВЯТСКИЕ” СЛАВЯНЕ: *VENETHAE – ANTOI–ЛЯХИ*

А) Происхождение антов

Постановка проблемы

Рассматривая известия истории, археологии и лингвистики о славянах, мы пришли к выводу, что “собственно славяне” были коренными жителями Подунавья, а их предков древние авторы именовали паннонцами. Как согласовать это утверждение с широко распространенным мнением, что если древние и знали праславян под каким либо иноназванием, то это было имя венетов?

Последний этноним известен в разных частях Европы и Малой Азии. Ранее всего упоминаются малоазийские венеты (*Ῥενετοί*) из Пафлагонии, союзники троянцев, затем венеты на Адриатике (будущая Венеция), в Галлии (будущая Вандея) и других местах [Хенсель, 1988; Свод I. С. 24—25, 31—35, Шавли, 2003. С. 48—49]. В начале нашей эры ряд авторов, таких как Плиний, Тацит и Птолемей, упоминают венетов, — *Venedi* (Plin. Sec. Nat. his. 4. 97), *Venethi* (Tac. Germ. 46), *Οὐενέδαι* (Ptol. Geogr. III. 5,7,8), — как восточных соседей германцев.

Готский историк Иордан (VI в.) писал, что Дакия укреплена “наподобие венца крутыми Альпами [Карпатами — С. Н.]. У их левой стороны, которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами” (Iord. Germ 34).

Надо полагать, что имя венетов уже в начале нашей эры служило для обозначения праславянского населения к северо-востоку от Карпат [Свод I. С. 57]. Сомнения по этому поводу, что мы имеем дело с искусственным переносом этнонима венетов на славян Иорданом, едва ли умест-

ны. Иначе, по остроумному замечанию М. А. Васильева, германское название славян “венды” (немецкое *Wenden, Windische*) пришлось бы объяснить поголовным изучением германцами “Гетики” Иордана [Васильев, 2000. С. 418]. В настоящей работе славянство (или точнее праславянство) восточноевропейских венетов принимается как очевидное, задача же состоит в том, чтобы выяснить взаимное отношение паннонцев и венетов, поскольку указанные выше авторы упоминают их как совершенно разные народы.

По нашему мнению, здесь нет никакого противоречия: при первом появлении на страницах источников раннеславянская (или же позднепраславянская) общность выступает в качестве совокупности двух народов: “собственно славян” (*Sclaveni, Σκλαβηνοί*) и антов (*Antes, Ἄνται*) [Свод I. С. 97 и далее]. Поскольку паннонцы, как мы доказали в предыдущей главе, были предками “собственно славян”, то анты могут, наоборот, оказаться ни кем иными, как потомками венетов. Проверке этого утверждения и посвящена данная глава.

Анты и “Украина”

Существует две гипотезы о происхождении антов. Согласно первой, имя антов представляет собой видоизмененный этноним венетов, как впрочем и название летописных вятичей [Витчак, 1992. С. 29—30; Кобычев, 1973. С. 88—91; Милуков, 1993. С. 400; Фасмер I, С. 376]. К сожалению, сопоставление имен “венеты — анты — вятичи” ограничилось только установлением их фонетического сходства. Каких либо дополнительных доводов в пользу этого мнения не было выдвинуто и в настоящее время возобладала другая концепция. Основы ее были заложены Г. Вернадским. Сопоставив известия о народе антов (*Antae*) упомянутым Помпонием Мелой и Птолемеем среди кавказских племен (Pomponius Mela. De Chorographia. I. 13; Plinius Secundi C. Naturalis historia. VI. 35) [Развитие, 1982. С. 24] с бытующими у осетин легендами о вражде их

предков с народом “гот”, с кавказским словом *ант* “друг” и самоназванием черкесов — *адыге / антыхе*, Вернадский высказал мнение, что анты представляли собой славянское население современной Украины, попавшее под власть аланской⁵⁵ военной аристократии. Этноним “ант” он сопоставил с осетинским словом *æti'ia* “позади” и предположил, что этим именем скифо-сарматские кочевники называли соседние со степью славянские племена [Verнадski, 1938; Свод I, С. 334].

В дальнейшем теория Г. Вернадского видоизменялась и уточнялась. Исследователи старались обнаружить археологическую культуру, которую можно было бы связать с антами. Их местожительство определяли по известному отрывку “Гетики” Иордана: *Antes vero, qui sunt eorum fortissimi qua Ponticum mare curuatur, a Danaastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt* “Анты же самые могущественные из них, там где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра до Данапра. Эти реки удалены друг от друга на много переходов” (Iord. Get. 35) [Свод I. С. 109].

Первыми были приписаны антам древности из Мартыновского клада, содержащего разнообразные украшения из цветных металлов, включая пальчатые фибулы, — известный археолог А. А. Спицин назвал подобные клады “древностями антов” [Седов, 1982. С. 25–26]. Позднее в украинской лесосеппи были обнаружены поселения и могильники V – VII вв., выделенные в отдельную археологическую культуру получившую название пенковской. В настоящее время антская принадлежность этой культуры сделалась почти общепризнанной, образование ее связывают с симбиозом славянского и иранского элементов либо в северной части черняховской культуры (III – IV вв.) [Седов, 1982. С. 19–29; 1995. С. 68–94; 2003. С. 186–190], либо со смешением лесного славянского населения киевской культуры (III – V вв.) с остатками тех же “черняховцев” [Приходнюк,

⁵⁵ Аланы — предки осетин.

1989; 1991]. Большинство исследователей, разделяющих эту концепцию, предпочитает видеть в антах не более, чем окраинную часть славянства на границе с кочевниками, о чем свидетельствует имя антов, этимологизируемое при помощи санскритского корня **anta-* “край”. Полагают, что само название “Украина” унаследовано от проживавших на ее землях “крайних” славянских племен. При этом подчеркивается, что имя антов никогда не было самоназванием славян. [Петрухин, Раевский, 1998. С. 122; Седов, 1995. С. 83–84; 2003. С. 192; Трубачев, 2002. С. 98].

Среди последних работ об антах следует отметить исследования М. А. Васильева. По мнению автора, источники не дают оснований рассматривать антов в качестве какой-либо части славян. Речь при этом идет не о языке, а о самоназвании. Как “славяне” (у М. А. Васильева — “словене”), так анты представляли собой два самостоятельных славянских (у М. А. Васильева — “праславянских”) “метаэтноса”, обладавших собственным самоназванием и самосознанием. При этом “словене” появились в условиях праславяно-германского (**slověne* — **němьsi* : “говорящие” — “немые”), анты же — праславяно-иранского (**Antai* — **anta-* “край”) взаимодействия. Исчезновение антов в начале VII века было связано с заменой антского самосознания на славянское в ходе антских переселений на Дунай и Балканы [Васильев, 2000. С. 450].

В концепции М. А. Васильева привлекают два положения: о существовании двух ветвей ранних славян (“два праславянских метаэтноса”) — во первых, и разной этнической идентичности и самоназвании “славен” и антов — во вторых, что можно понять в том смысле, что анты не называли себя этнонимом **slověne* “славяне”. К сожалению, вопрос как звучало по-славянски⁵⁶ самоназвание антов не получил в работах М. А. Васильева

⁵⁶ Имеется в виду “единый язык” (*μία... φωνή*), Proc. VII. 14. 26) “славян” и “антов”, который для того времени с равным успехом можно именовать и “антским”.

дальнейшего развития, вероятно потому, что автор придерживается теории скифо-сарматского происхождения этнонима *Ἄνται* от корня **ant-* “край”.

“Украинная” теория происхождения антов и их имени вызывает у нас глубокие сомнения в силу своей внутренней противоречивости и умозрительности. С равным успехом можно видеть в антах и “славянских союзников”, как “присяжников” или “союзников” тюркоязычных кочевников (турецкое *ant* “клятва, присяга”), так и продукт славяно-угорского взаимодействия (через сближение этнонима “ант” с именем хантов) [Федорова, 1976].

То обстоятельство, что анты жили на зем-лях современной Украины едва ли может служить подтверждением “украинной” этимологии. Оба названия разделяют едва ли не тысячелетие: от исчезновения антов в начале VII в. до утверждения названия “Украина” в качестве обозначения населенных казаками земель (не ранее XVI века). Помимо прочего, “Украиной” в XVI – XVII вв. звали всякую приграничную область в как в Московском государстве, так и в Польше. Превращение Украины в нарицательное имя связано с созданием в конце XVI в. реестрового казачьего войска, населявшего пограничные с “Подем” коронные воеводства, но никак ни с воспоминаниями о живших здесь в эпоху великого переселения народов антах. Умозрительное отождествление названия Украины с гипотетической этимологией этнонима “анты” едва ли надежно. Оно очень напоминает попытки “реконструировать” раннюю историю Киева, хотя и самого известного, но далеко не единственного в славянском мире населенного пункта с таким названием, при помощи смелых этимологий: тюркского этнонима “кайы”, имени отца хазарского воеводы Ахмада иби Куйэ и т. п. [Golb, Pritsak, 1982; Голб, Прицак, 1997; Яйленко, 1985; критика: Трубачев, 2002. С. 145]. Области с названием “краина” известны по всему славянскому миру и очевидно, что попытки связать их с расселением антов совершенно неправдоподобны.

Славяно-индоиранская этимология имени антов от корня “край” не может быть принята нами и по той причине, что за ее рамками остаются реальные анты (*Antae*) I в. н. э., упомянутые Птолемеем и Помпонием Мелой среди кавказских народов, и в чьем имени скорее всего запечатлялось самоназвание черкесов — *адыге / антыхе* [Ногмов, 1958]. Нет никаких причин отрицать, что имена кавказских антов (*Antae*) I в. и славянских антов (*Antes*) VI – VII вв. могут иметь единую этимологию. Тогда нам придется предположить, что кавказские анты являются таким же плодом сарматско-кавказского взаимодействия, как и анты — сармато-славянского, из чего вытекает и предположение, что сарматы именовали “крайними” без разбора всех своих соседей или подданных и пр. Любопытно в связи с этим напомнить, что в Московском государстве XV – XVII вв. как предков украинцев, так и предков адыгейцев именовали одинаково — “черкасами”, но едва ли это указывает на единые “антские” корни обоих народов.

Не имеет прямого отношения ни к “украинной” этимологии антов ни к предполагаемому сармато-славянскому симбиозу III – V вв. и отмеченное лингвистами влияние иранских языков на славянские, в том числе и переход взрывного звука **g* во фрикативное “украинское” **ɣ(h)* [Седов, 1995. С. 83]. Время славяно-иранского взаимодействия неопределенно, его датируют и гораздо более ранней скифской эпохой [Мартынов, 1989], что касается смягчения звука “г” в украинском, то иранское происхождение этого процесса едва ли столь однозначно. В славистике переход взрывного звука во фрикативный принято связывать не с Украиной, а с Паннонией, где в эпоху славянских переселений сложился центр инновационных лингвистических преобразований (в том числе и **g > *h*), распространившихся впоследствии на периферию. При этом речь идет о внутренних процессах позднепраславянского языка [Куркина, 1993. С. 37; Трубачев, 2002. С. 85].

Ослабляет “украинную” теорию происхождения антов и то обстоятельство, что корень **anta-* “край” присущ индоарийским языкам, в иранских же употребляется другое слово **karana-* (осетинск. *kæron* “край”) [Трубачев, 1977, С. 25; 1999, С. 54—55]. Поскольку живших в причерноморских степях скифов и сарматов принято считать иранцами, трудно объяснить, почему они назвали своих (пра)славянских соседей “индийским” словом. О. Н. Трубачев привел ряд доводов, что в Северном Причерноморье существовали реликты древнего индоарийского населения на Кубани и в низовьях Днепра (синды и меоты) [Трубачев, 1997]. Однако сама по себе эта гипотеза нуждается в проверке [Грантовский, Раевский, 1984], а индоиранская этимология корня **ant-* “край” заводит “украинную” теорию в тупик. Становится невозможным дать твердый ответ: кто (скифо-сарматы или индоарии?) дал имя славянским антам (*Antes*) VI – VII вв. и в каком отношении оно находится с кавказским этнонимом анты (*Antae*) I в.?

Таким образом, теория происхождения антов от (пра)славянских племен нынешней Украины, живших в соседстве с кочевниками, которые называли славян словом **anta-* “край”, едва ли может быть принята в своем современном состоянии. На наш взгляд, “прозрачные” этимологии имени “антов” от “края”, “присяги”, “хантов” (этот ряд можно пополнить даже горами Андами), только затемняют действительное происхождение этого праславянского народа.

Анты и их археологический эквивалент

Любая теория, согласно которой анты появляются вследствие симбиоза с иноязычным (“скифо-сарматским”) населением где-то на краю (**anta-*) праславянского мира противоречат духу имеющихся источников, где анты предстают в качестве полнокровного, равновеликого “славянам” народа, состоящего из “бесчисленных племен” (*ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα*, — Proc. VIII. 4. 9). Это осознают специалисты, в первую очередь археологи, которые стремятся вывести антов за пределы ограниченного ареала

торые стремятся вывести антов за пределы ограниченного ареала пеньковской культуры, чьими носителями принято считать антов [Приходнюк, 1989; Седов, 1987] и заселить ими огромные пространства в Подунавье и на Балканах, занятые “пеньковцами” в ходе “антской миграции” [Седов, 1979. С. 126—133; 1995. С. 109—37, 148—68; 2003. С. 203—94]. Однако, как было показано в предыдущей главе, “антские” и вообще какие-либо славянские переселения с территории современной Украины и Польши на Дунай в VI веке невероятны⁵⁷ — движение шло в обратном направлении [Седов, 1999. С. 183—204]. Это значит, что расширение географических границ антов следует вести за счет соседних с пеньковской археологических культур на север от Карпат.

О том, что пределы антов в VI веке невозможно ограничить одними пеньковскими древностями, свидетельствуют прежде всего греческие писатели⁵⁸. Прокопий Кесарийский, описывая выступление против готского короля Тотилы части римских землевладельцев Южной Италии, сообщает: “...в Лукании в это время случилось следующее. Туллиан собрав местных крестьян (*ἀγροίκοις*) обезопасил весьма узкий проход, чтобы враги не вошли в область Лукании. Вместе с ними сторожили и 300 антов, которых Иоани, по просьбе Туллиана, оставил там ранее: *ведь эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местах* [курсив наш — С. Н.]. Когда Тотила узнал об этом, он счел, что *неразумно отправлять на дело готов*, но, собрав множество крестьян и послав вместе с ними каких-то немногочисленных готов, велел им всеми силами попробовать [захватить] проход. Когда же обе стороны сошлись и между ними произошло сильное столкновение — анты с присущей им доблестью (*при том, что неудобство местности им споспешествовало*) вместе с крестьянами из

⁵⁷ Приход на Балканы славянского населения этих областей связан с движением сербов и хорватов в VII в.

⁵⁸ Напротив, “Гетика” Иордана служит основным доказательством антской принадлежности “пеньковцев”.

отряда Туллиана опрокинули врагов и произошло великое их избиение” (Proc. VII. 22. 1—6) [Свод I. С. 187].

В данном отрывке описан бой в горном проходе, где могли иметь успех только соответственно подготовленные бойцы. Именно поэтому Тотила не решился отправить в Луканию готов, как бесполезных в горной войне, а вооружил местных крестьян-горцев. Не следует думать, что это было сделано вследствие незначительности угрозы — узнав о победе Туллиана, Тотила в отчаянии приказал было разрушить Рим, дабы не отвлекать войска на его оборону и лично выступил на юг Италии (Proc. VII. 22. 7—19).

Нетрудно доказать, что анты Туллиана не имеют никакого отношения к населению пеньковской культуры — в пределах ее распространения, в украинской лесостепи, нет “труднодоступных мест”, где можно приобрести навыки горной или хотя бы лесной войны. Очевидно, что мы имеем дело с жителями Прикарпатья, где в это время располагались преимущественно памятники другой раннеславянской археологической культуры — Прага–Корчак [Седов, 1982. С. 11, 13. Карты 1, 2]

Эту культуру, как уже говорилось в предыдущих главах, принято отождествлять со “славянами” (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) [Русанова, 1976; Седов, 1995. С. 30; 2003. С. 318—19]. Едва ли это обосновано чем-то более, нежели высоким престижем классических “пражских” древностей, как эталона раннеславянской материальной культуры. Обнаружены они прежде всего к северу от Карпат [Седов, 2003. С. 297. Р. 60], и не вписываются, таким образом, в дакийский четырехугольник Мурса (слияние Дравы, Савы и Дуная) — Новиетун (устье Дуная) — Днестр — Верхняя Висла, где жили Иордановы “славяне” [Iord. Get. 34].

Не соответствует культура Прага-Корчак и ареалу “славян” (*Σκλαβηνοί*), о котором можно судить по сочинениям Прокопия. В самых, что ни на есть “славянских” местах — на левобережье нижнего Дуная, в

Валахии, и прежде всего в Валахии Малой (Олтении), которые служили исходной точкой для “славянских” вторжений в Иллирик, пражско-корчакские древности не обнаружены в сколько-нибудь заслуживающих внимания количествах [Гавритухин 1997, С. 51; Teodor, 1997; Godłowski, 2000. S. 98].

Как говорилось в предыдущей главе, “славянам” бывшей Дакии принадлежала автохтонная археологическая культура Ипотешти–Киндешти–Чурел. В таком случае к антам, располагавшимся напротив Фракии несколько восточнее “славян” и ближе к устью Дуная, должны относиться отличные от ипотешти-кындештских, раннеславянские памятники Молдавии и восточной части Мунтении (Великой Валахии). На любой археологической карте этих мест они легко выделяются в виде “языка” пражско-корчакских и перемешанных с ними в несколько меньшем количестве пеньковских памятников [Седов, 1982. С. 13. Карта 2; Седов, 1995. С. 96. Рис. 32].

О том, что пражско-корчакская культура является не в меньшей степени антской, чем пеньковская, свидетельствует сравнение ее ареала с известиями Менандра Протиктора. Византийский писатель сообщает, что “когда правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать [их] землю и грабить [их] страну. И вот, теснимые набегами врагов, анты направили к ним посольство, избрав для посольства Мезамира, сына Идаризия, брата Келагаста, и просили выкупить некоторую часть пленных из их племени. Но посол Мезамир, пустослов и хвастун, прибыв к аварам, изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые. Поэтому-то тот кутригур, который был предан аварам, который замыслил против антов [нечто] весьма враждебное, после того как Мезамир говорил надменнее, нежели подобает послу, сказал кагану следующее: “Этот человек приобрел величайшую силу у антов и может противостоять любым своим врагам. Следует поэтому

убить его и затем безбоязненно напасть на врежескую [землю]”. Послушавшись его, авары, презрев почтение к послам и ни во что поставив справедливость, убивают Мезамира. С того времени более чем раньше, стали они разорять землю антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая [ее]” (Men. Prot. fr. 6) [Свод I. С. 317].

Мезамир, убитый аварами между 558 и 565 гг., в краткий миг между появлением аваров в Причерноморье и их последовавшим уходом в Паннонию, не мог быть представителем пеньковского населения. Последнее жило в мирных отношениях с кочевниками, будучи, видимо, издавна ими подчинено, ибо в лесостепи, при отсутствии укрепленных городов (наподобие польских замков в Подолии XV – XVII вв.) бороться с кочевниками было прсто невозможно. На крупнейшем и единственном укрепленном поселении пеньковской культуры — Пастырском, нет следов разгрома, здесь находился центр изготовления одноименной гончарной керамики, близкой предкавказской салтовской, располагались юртообразные жилища, типичные для кочевников [Седов, 1995. С. 72], что свидетельствует о чем угодно, только не об ожесточенной борьбе.

Оказать действенное сопротивление степнякам могли только жители лесов и предгорий, служивших естественными убежищами. Именно здесь, на Волыни и в Прикарпатье, лежат классические памятники раннеславянской пражско-корчаковской культуры, в том числе крупнейшее раннеславянское поселение — Зимновское городище на Буге, разгромленное кочевниками в VI веке. Об этом говорят находки стрел аварского типа, а также обнаруженная в горелом слое городища бронзовая позолоченная монета то ли Юстиниана I (527—565), то ли Юстина (I или II? 518—527, 565—578 гг.). Это значит, что город был захвачен скорее всего во время пребывания авар в Причерноморье, до их ухода в Паннонию. На это указывает и то обстоятельство, что распространенные в аварскую эпоху украшения из “кладов древностей антов” лежат в верхнем слое городища,

восстановленного после разгрома и обитаемого еще некоторое время [Аулих, 1972; Седов, 1982, С. 14–16; 1995. С. 11]. Нельзя исключить, что именно на втором этапе жизни городища здесь, на Буге, очутились славянские переселенцы с Дуная, принесшие сюда навыки изготовления ювелирных украшений [Седов, 1999. С. 184—85] и прозвище “дулебов”, то есть аварских подданных, хотя по обычаю дунайских “славян” брать названия от рек, они скорее всего именовались бужанами [ПВЛ. С. 13]. По нашему мнению, при полном отсутствии свидетельств о сопротивлении пеньковцев аварам, единственными “антами”, которые во времена Мезамира вели войну с аварами, могли быть только носители пражско-корчакской культуры.

Если мы обратимся на восток, то и здесь мы увидим насколько узки для антов тесные пределы пеньковской культуры. Прокопий Кесарийский, рассказывая о расселении гуннских народов кутригуров и утигуров, утверждает, что за последними “еще выше к северу, сидят бесчисленные племена антов” (Proc. VIII. 4. 9) [Свод I. С. 201]. По сведениям Прокопия, утигуров и кутригуров разделяла р. Дон: “за Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей... заселили кутригур-гунны” (Proc. VIII. 5). Напротив, утигуры занимали страну “Эвлисию” “вплоть до так называемого Меотийского болота и до реки Танаиса” (Proc. VIII. 4).

Как бы не были смутны указания Прокопия, мы должны поместить антов значительно северо-восточнее крайнего предела пеньковской культуры, который достигал правого притока Дона — Северного Донца. В археологическом смысле речь может идти о носителях колочинской культуры в Подесенье либо мощинской на верхней Оке. Во всяком случае, относительно немногочисленные на левобережье Днепра пеньковские памятники [о них: Седов, 1982. С. 29–43; 1995. С. 63—94. Рис. 24; 2002. С. 203—22. Рис. 44] едва ли были оставлены “бесчисленными племенами”.

Подводя итог анализу сведений о расселении антов, следует сделать следующие выводы. В полном согласии с известиями Иордана о различных родах (*vaiae familiae*)⁵⁹ и Прокопия о бесчисленных племенах (*ἔθνη ... ἄμειτρα*), следует отказаться от представлений о монолитной археологической культуре антов (пеньковской) и рассматривать их как совокупность нескольких культурных общностей к северо-востоку от Карпат: пражско-корчакской, пеньковской, колочинской и, возможно, мощинской культур с характерной лепной неорнаментированной керамикой горшкообразных форм.

Различия между ними очевидны, но существует и примечательное сходство, объединяющее различные части этих культур с соседними. Так, например, пражско-корчакская и пеньковская культура на правобережье Днепра имеют одинаковый тип жилищ — квадратную землянку с печкой-каменкой, неизвестную на левобережных пеньковских памятниках [Русанова, 1976. С. 98; Седов, 1982. С. 15]. В свою очередь, последние обнаруживают весьма большое сходство с расположенными севернее, в Посемье и Подесенье колочинскими древностями. Ряд археологов вообще полагает, что пеньковская и колочинская культуры VI – VII вв. восходят к одному корню — киевской культуре Среднего Поднепровья III – V вв. Разница обусловлена лишь наличием в первой примеси черняховских древностей [Приходнюк, 1989, 1991; Славяне, 1993. С. 122].

Таким образом, сравнение письменных известий о расселении антов с данными, предоставленными археологией, не позволяет считать антами исключительно носителей пеньковской культуры, либо круга примыкающих к ней древностей, ведущих свое происхождение из ареала черняховской культуры III – IV вв. [Седов, 2003. С. 186—294]. С антами следует соотносить всю совокупность раннеславянских культур лесной полосы, лежащих к северу от Карпат, включая и пеньковскую и, что особенно важ-

⁵⁹ В тексте: *per varias familias*.

но — знаменитую пражскую (пражско-корчакскую), которую совершенно неправомерно принято отождествлять со “славянами” (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*). Все “антские” культуры объединяет характерная особенность — отсутствие керамики, сделанной при помощи гончарного круга. Эта черта резко отличает их от материальной культуры “собственно славян”, в которых преобладала продолжающая традиции провинциально-римского ремесленного производства круговая керамика дунайского типа, украшенная типично славянским ленточными узорами⁶⁰.

Анты и венеты

Таким образом, антскую принадлежность родственных раннеславянских культур на север от Карпат можно установить по косвенным свидетельствам из разных источников. Вместе с тем нельзя не обратить внимания, что их ареал, — к северо-востоку от Карпат, — полностью соответствует указанию Иордана на границы расселения венетов. “У их левой стороны [Карпат. — С. Н.], которая склоняется к северу, от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов (*Venetharum natio populosa*). Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных племен и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами” (*Scaveni et Antes*, — Iord. Get. 34) [Свод I. С. 107].

Рассматривая границы расселения “славян” и антов (Iord. Get. 35) обнаружим однако, что огромные пространства к северу от Карпат в сущности принадлежат одним антам. Из текста Иордана ясно, что границей между “славянами” и антами служил Днестр, а истоки Висла были северным рубежом “славян”. Такие ориентиры, как Мурсианское озеро и город Новиетуи, особенно первое, явно указывают на Дакию, “укрепленную наподобие венца крутыми Альпами [Карпатами]”. Таким образом, большая часть “славян” (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) обитали за пределами расселения ве-

⁶⁰ Антская лепная керамика (в том числе “классическая” пражская) не имеет орнамента.

нетов, занимавшими внутренние области Карпатской горной дуги и подунайские земли.

Нельзя не отметить, что очерченный Иорданом ареал расселения венетов, не совпадает с описанными им же по отдельности границами расселения “славян” и антов. Если антская земля между Днестром и Днепром,

то есть современная Правобережная Украина, действительно лежит на “огромных пространствах” к северо-востоку от Карпат, то “славянская”, напротив, не вписывается в венетскую область, так что почти полностью уместается внутри Дакии, за пределами которой обитали венеты.

Чтобы понять это мнимое противоречие, когда земли “славян”, включаемых Иорданом в состав венетского племени, лежат за пределами венетов, следует обратиться к другому отрывку Иордана, где он упоминает все три этнонима: “После избиения херулов Хермонарик также двинул войско на венетов, которые хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться... *Они же*, как мы сказали в начале [нашего] изложения или в каталоге народов, *произойдя из одного корня, породили три народа*, то есть *венетов, антов и славян* [курсив наш — С. Н.], которые, хотя теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим, тогда, однако, все подчинялись власти Херманарика” (Iord. Get. 19).

Выражение *nam hi... ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt* часто толкуется именно в том смысле, что речь идет о трех народах: *Tria... nomina* “три [народа, имеющих каждый свое] названия”. В основании такого перевода положены скорее филологические, а не исторические соображения [Свод I. С. 154]. Однако все авторы VI в. говорят только о “славянах” и антах. О венетах же упоминает только Иордан, да и у того “в каталоге народов” (Iord. Get. 34), на который он ссылается в настоящем отрывке, речь идет также о двух названиях “многочисленного племени венетов”.

Упоминание Иорданом “третьего имени” следует объяснять, по нашему мнению, тем обстоятельством, что из всех авторов VI века, писавших о “славянах” и антах, только он один знал готский язык. Очевидно, что он был знаком и с германским названием славян “венды” (нем. *Wenden*), этимологически — “венеты”. Неудивительно, что помимо

“византийских” имен *Sclaveni* и *Antes* ему было известно еще и “готское”: *Venethae, Venethi*.

Германское слово “венды” обычно использовалось в качестве эквивалента самоназванию “славяне”. Ранее всего это засвидетельствовано в “Хронике” Псевдо-Фредегара (VII в.), где упомянуты *Sclavi coinomento Winidi* (Fred. Chron. IV. 68) [Свод II. С. 368—369]. Между тем в памятнике того же VII столетия, “Франкской космографии”, “славяне” и “венды” упомянуты по отдельности: “Дунай долго течет среди великих народов, огромная река, она дает пастбища славянам (*Sclavis*), протекает через гуннов (*Chunis*) и насыщает вендов (*Winidisque*)” [Свод II. С. 399].

Этнонимический ряд *Sclavi – Chuni – Winidi* сильно напоминает известия писателей VI века: “Таково положение Римского государства под постоянным натиском болгар, антов и славян” (*Bulgarum, Antium et Sclavinorum*), — пишет Иордан (Iord. Rom. 338); в сочинениях Прокопия выражение “гунны, славяне и анты” (*Οὐννοί τε καὶ Σκλαβηνοὶ καὶ Ἄνται*) представляет собой постоянно используемый оборот (Proc. V. 17.2; VII. 14.1). Сопоставив указанные этнонимические ряды:

Sclavi, Chuni, Winidi (VII в.) “Франкской космографии”,

Bulgarae, Antes, Sclavini (VI в.) Иордана,

Οὐννοί, Σκλαβηνοί, Ἄνται (VI в.) Прокопия,

трудно удержаться от очевидного предположения, что в VI столетии германцы называли “вендами” в первую очередь антов. На это указывает и рассказ “Гетики” Иордана о событиях конца IV века, когда готский король Винитарий, “понемногу освобождаясь” из под власти гуннов, “двинул свое войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительней и распял короля Божа (*regemque eorum Boz*) с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами (*primatibus*) (Iord. Get. 248) [Иордан, 1997. С. 113—115].

Исследователи полагают, что имя Винитарий (*Vinithario*) означает “победитель” или даже “потрошитель венетов” (**Winith-arja*) [Иордан, 1997. С. 146—147; Трубачев, 2002. С. 98]. Очевидно, это почетное имя король получил за победу над антами, поскольку в последовавшей за тем войне с гуннами он был побежден и убит, а о других сражениях Винитария нам неизвестно. Таким образом, имя Винитарий представляет собой прямое свидетельство, что германцы (готы) называли антов “венетами” (готское **Winithô's*) еще в конце IV века. При этом этноним *Antes / Ἄνται* и *Venethae / *Winithô's* для указанного времени следует рассматривать как взаимозаменяемые. Ничем нельзя доказать того, что Винитарий получил бы это имя за победу над “славянами” (*Sclaveni*) (Ср.: [Седов, 2002. С. 194]). Прямое отождествление этих имен ранее VII века невозможно ввиду сообщения “Франкской космографии”, где “венды” явным образом отличаются от “славян”.

Итак, можно быть уверенным, что первоначально имя “венетов” в германских языках прилагалось либо к антам, либо к совокупности “славян” и антов, но едва ли ранее VII века германское “венды” означало собственно “славян” (*Σκλαβηνοί*). Из этого вытекает вывод, что анты IV – VII вв. были потомками венетов Плиния, Тацита, Птолемея. Этот народ, отличный от собственно “славян” — потомков паннонцев из Подунавья, занимал обширные пространства на север от Карпат и к востоку от Повисленья. Исторические свидетельства VI века знают на этих землях одних венетов и антов, но никогда — “славян”. Например, отец Винитария Германарих воевал с венетами (Iord. Get. 119), сам Винитарий — с антами; авары, обитавшие до своего вторжения в Подунавье в причерноморских степях, столкнулись здесь не со “славянами”, а с антами.

В источниках нет никаких указаний на то, что какие либо “славяне” (*Sclaveni*, *Σκλαβηνοί*) обитали в IV – VI к северу от Карпат. “Славяне” были зачислены в “венеты” задним числом, после того как готы столкнулись

с ними в Дакии (сообщение “Армянской географии” Моисея Хоренского) [Pramene, 1964. S. 30—31]. Прямым свидетельством этой вторичности служит притворение между 34 и 35 параграфами “Гетики”, когда Иордан, описывая венетов, известных под именами “славян” и антов, как народ живущий за пределами Подунавья, на внешней стороне Карпат, тут же дает дунайские координаты расселению “славян”: Мурсианское озеро и город Новиетуи. Можно заключить, что представляя себе языковое единство “славян” и “антов” и имея в своем распоряжении германское имя “антов” (**Winithôs*), хорошо известное из более ранней античной письменности, Иордан “сшил” современную ему готскую этнонимию с классической. С одной стороны, ему удалось объединить “славян” и антов под общим именем *Venethe* (Прокопий использовал для этого этноним *Σπόροι*, — Proc. VII. 14.29), а с другой, избежав тавтологии, графически развести латиногерманское (*Venethae*) и греко-латинское (*Antes*) имя одного и того же народа.

Таким образом, анализ сведений письменных источников об антах и венетах позволяет утверждать, что древние авторы именовали этими этнонимами праславянское население, обитавшее к северу и северо-востоку от Карпат. Этноним венеты при этом ни в коем случае не был эквивалентом самоназвания **slověne* “славяне”: позднейшее отождествление “славян” с венетами (*Sclavi* — *Winidi*, *Siawen* — *Wenden*) утвердилось не ранее второй половины VII века. Венетами изначально называлась именно та часть раннеславянских племен, которая не пользовалась именем “славян” в качестве самоназвания и, в отличие от “собственно славян” (*Σκλαβηνοί*, *Sclaveni*), была известна в VI – VII вв. под именем антов (*Ἄνται*, *Antes*).

Б) Самоназвание антов и их историческая судьба

Об этнониме *Ἄνται / Antes*

Сделанный нами вывод о тождестве антов и венетов не отменяет, как это не покажется странным, “украинной” (от корня **ant-* “край”) и вообще — любой другой этимологии греко-латинского слова *Ἄνται / Antes*, не имеющего прямого отношения к этнониму “венеты”. Использование имени антов в качестве названия одного из кавказских народов у Помпония Мелы (I в.) и Птолемея (II в.) [Развитие, 1982. С. 24], а также в надписи из Танаиса⁶¹ (III в.) свидетельствует о том, что позднее, в IV – VII вв., оно использовалось как готовая форма, которую нельзя рассматривать как чистую передачу самоназвания славянских антов. Точно таким же образом германское самоназвание готов (латинское *Gothi*) передавалось в ряде источников (например “Гетике” Иордана) совершенно отличным по происхождению этнонимом *Getae*, первоначально обозначавшим фракийское племя.

С нашей точки зрения, для реконструкции происхождения антов мало важной и несущественной кажется этимология слова *Ἄνται / Antes / Antae* — этнонима кавказского племени I в., перенесенного на славянский по языку народ VI столетия. Исследование должно вестись в другом направлении — нужно попытаться восстановить праславянское самоназвание антов⁶². Существование последнего очевидно: в общем языке “славян” и антов должны были быть этнонимы соответствующие греческим

⁶¹ *Ἄντας Παπίου* — “Ант, сын Папия” [Трубачев, 1997. С. 189].

⁶² Реконструировать этническую историю антов на основе этимологии греческого *Ἄνται*, так же методологически неверно, как рассуждать об начале Руси исходя из этимологии греческого имени Руси — *Ῥώς* (библейский этноним) [Константин, 1989]. Русские в таком случае окажутся плодом славяно-семитского симбиоза, такого же невероятного, как и славяно-сарматский в случае с антами.

Σκλαβηνοί и *Ἄνται*, поскольку представители обоих племен должны были как-то отличать себя друг от друга по имени.

Если не “умножать сущностей” и отказаться от недоказуемой гипотезы, что называя себя **slověne*, анты именовали своих врагов “славян” (*Σκλαβηνοί* < **slověne*) каким-либо третьим именем, мы приходим к выводу, что у антов был собственное самоназвание, отличное от этнонима “славяне”. Маловероятным следует считать бесследное исчезновение из славянской этнонимии самоназвания антов — народа, включавшего в себя в VI – начале VII века половину славяноязычного населения своего времени. Поиск славянского эквивалента имени *Ἄνται / Antes* единственно и може дать ключ к происхождению этого праславянского народа.

Анты и ляхи

Соответствующий греко-латинскому “анты” славянский этноним давно указан — это летописные вятичи (**vętitji*) [напр.: Витчак, 1992]. Однако предположение, что за формами *Ἄνται / Antes* скрывается славянский вариант имени вятичей (с корнем **vęt-*) встречает жаркие возражения [Фасмер I, С. 376], что довольно странно, поскольку имя антов явно глоссируется у Иордана латинским словом *fortissimi* “сильнейшие”: *Antes vero qui sunt eorum fortissimi* (Iord. Get. 35). Это не что иное, как толкование имени антов через корень **vęt-*, который в славянских языках имеет однозначное значение “большой, могущественный” [Фасмер I, С. 278]: здесь следует вспомнить хотя бы борьбу “вятших” и “меньших” в древнем Новгороде.

Что, однако, помимо фонетического сходства имен, объединяет антов VI – VII вв. и вятичей IX – XII вв.? Следует начать с того, что в “Повести временных лет” отсутствуют прямые указания на “славянское” происхождение этого племени. В противоположность другим восточнославянским племенам, явившихся по летописи прямо с Дуная, “от словен”, вятичи происходят не “от словен же”, но “от ляхов”: “Поляном же живу-

щимъ особе, яко же рекохомъ сущим *от рода словеньска* и нарекошася поляне, а деревляне *от словен же*, и нарекашася деревляне: радимичи бо и вятичи *от ляховъ*” [ПВЛ. С. 11]. Кто такие ляхи и чем они отличаются от “словен”?

Согласно “Повести временных лет”, ляхи представляют собой беглецов с Дуная, осевшим к северу от Карпат: “Волохомъ бо нашедшимъ на словени на дунайския, и седошемъ в них и насилящемъ имъ, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а отъ техъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне” [ПВЛ. С. 11]. Таким образом, русская летопись выделяет в особую группу пять славянских племен: полян, лютичей, мазовшан, поморян и собственно ляхов, обитавших, судя по исторической географии Польши в так называемой Малой Пальше (*Polonia Minor*) со столицей в Кракове [Исаевич, 1981; Назаренко, 2001. С. 393–410; Развитие, 1982. С. 336].

Обычно подчеркивают, что ляхами поляков называли только их восточные и южные соседи (русские, литовцы, венгры), сами же “ляхи” так себя не называли [Трубачев, 2002, С. 266]. Однако “собственно ляхи” — такое же существовавшее в действительности славянское племя, как и “собственно славяне”. Они сохранились как особая этнографическая группа в составе населения северо-восточной Моравии. Моравские ляхи разговаривают на особом диалекте, отличающемся и от чешского и от польского языков [Дуличенко, 1993; Славянские древности I, 1995. С. 83.].

Область, населенная ляхами, в средние века (до XIII в.) входила в состав польской области Силезия, но в отличие от прочих силезских княжеств, была включена в Моравию⁶³, а затем, после того как большая часть чешско-австрийской Силезии была отвоевана Пруссией, осталась в составе Австрийской империи (т. н. Австрийская Силезия). Надо полагать, что

⁶³ Моравию населяют четыре этнографических группы: большинство жителей называется “ганаками”, кроме ганакон живут ляхи, влахи и словаки [Грацианская, 1975].

благодаря раннему отделению от Польши, на этих землях сохранилось архаическое “ляшское” самосознание, вытесненное “польским” на остальной территории верхнего Повисления к XIV в., когда в источниках появляется название *Polonia Minor* “Малая Польша” [Толстая, 1989. С. 288].

Существование особой славянской общности “ляхов” (в широком смысле слова), ядром которой выступают “собственно ляхи” с верховий Вислы, нуждается в объяснении. В самом деле, слишком просто было бы видеть в летописных ляхах только русское название поляков, а в “ляшских” племенах — подданных Польского государства. Дело в том, что “государственный” подход по отношению к славянским племенам чужд “Повести временных лет”. Восточнославянские племена в составе Руси нигде не названы “русскими”, но только “славянами”: “Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси:...” . Поэтому ляхи в “Повести” противопоставлены не Руси или, скажем, — чехам, а “славянам” вообще, которые по летописи, в отличие от ляхов, пришли на свои места прямо с Дуная.

Нужно заметить, что название “ляхи” по отношению к славянским племенам к северу от Карпат применялось задолго до того, как эти земли стали собственно “польскими”, то есть были объединены князем Мешко, происходившим из племени полян с реки Варты. Венгерское *lengyel* “поляк” восходит к славянскому **lędĕnĭnъ* (откуда сокращенное **lędъskъ* “лядский”, **lędъxъ* “ляхъ”) и было заимствовано не позднее начала X века [ЭССЯ, XV. С. 57–59]. Константин Багрянородный, написавший свое сочинение “Об управлении империей” в 948—952 гг., упоминает “ляхов” (*Λενζανῆνοι*) среди славян, данников Руси (De adm., IX) [Константин, 1989. С. 45]. Русский князь Владимир в 981 году отвоевал у ляхов Червенские города (Перемышль и прочие), хотя лежащая к западу Малая Польша с Краковым досталась полякам только после смерти Чешского князя Болеслава в 998 г. (Cosm. Chron. I. 33–34) [Козьма Пражский, 1962. С. 79]. Таким образом, “ляхи” в Повести временных лет” суть не столько поляки,

либо подданные польских князей, сколько обособленное объединение славянских племен, сложившееся задолго до образования собственно “польского” (полянского) государства.

О глубокой древности ляшского объединения свидетельствуют имена Малой и Великой Польши (*Polonia Minor et Major, Małopolska* и *Wielopolska*). По мнению О. Н. Трубочева названия, построенные по этому правилу, отмечают области исконного и вторичного расселения, указывая направления древних переселений. “Великой Грецией” в античное время именовалась Южная Италия. Наряду с Великой Фригией в центре Малой Азии известна лежащая западнее, в районе проливов небольшая область Фригия Эпиктет (Геллеспонтская), в которой, вероятно, первоначально обосновались прибывшие с Балкан фригийцы (балканские бриги) [Трубочев, 1992]. Название Великая Россия обозначает, что наши земли заселялись русским (славянским) населением с юга, из Малой Руси (Украины) [Трубочев, 1992, С. 25; 2002. С. 264]. Таким образом, соответствующие имена польских земель указывают на древнее движение славянского населения из верхнего Повисленья (*Polonia Minor*) к северо-западу на реки Варту и Одру (*Polonia Major*) и далее в Поморье и Полабье [Трубочев, 2002. С. 115].

Насколько можно судить, в данном случае нельзя вести речи о расширении территорий, подчиняемых польским князьями на протяжении X века, поскольку объединение страны шло в обратном направлении: из Великой Польши (до XIII в. просто *Polonia* “Польша”) в Польшу Малую (до XIV в. *Kracovia* “Краковская земля”). Скорее всего, речь идет о допольской, “ляшской” еще колонизации, ядром которой была Малая Польша, населенная согласно “Повести временных лет” собственно “ляхами”. О первоначально ляшской принадлежности Малой Польши позволяют судить и польские авторы. Первым этноним *lechitae* “ляхи” употребил малопольский хронист Винцентий Кадлубек (XIII в.), ярый патриот Краковской

земли (будущая *Małopolska*), которую он именовал “королевой провинций” [Развитие. 1989. С. 261]. Отсюда “ляхи” осваивали Поморье, Полабье, Мазовию и Великую Польшу, что можно заключить на основании летописных сведений, поскольку “Повесть временных лет” не относит поморян, лютичей, мазовшан и полян к числу дунайских выходцев, каковыми были “ляхи” на верхней Висле [ПВЛ. С. 11].

В общем о ляхах начальной части “Повести временных лет” нужно сказать следующее. Это особая группа славянских племен, отличающаяся от прочих своей двойственной природой. С одной стороны, собственно “ляхи” на Висле являются потомками дунайских “славян”. С другой стороны, летопись явным образом противопоставляет племена “от словянъ” племенам “от ляховъ”, отличая в этом смысле “славянских” полян и древлян от “ляшских” радимичей и вятичей [ПВЛ. С. 14], из чего следует, что последние не являются “славянами” в тесном смысле слова.

Следует предположить, что на ранних этапах славянской истории предки “славян” и “ляхов” могли представлять два разных, хотя и близкородственных народа, говорящих на одном языке (наподобие сербов и хорватов), впоследствии слившихся воедино. В качестве примера можно указать на чехов и мораван. В IX – X веках они представляли собой два совершенно самостоятельных славянских племени, чьи имена в закосневшем виде живут в современных названиях исторических земель Чешской республики: *Čechy a Morava* “Чехия и Моравия” (сравни летописное: “и начаша [венгры – С. Н.] воевати на мораву и на чехи”, — ПВЛ. С. 21). Однако современные “моравяки” вместе с жителями собственно Чехии считают себя чехами, превратившись в этнографическую и территориальную группу чешского народа. Таким образом нынешние чехи (самоназвание *Češi*) образовались в ходе слияния собственно чехов (*Čechy*) с моравянами [подробнее: Ёера, 2001].

Подобным образом мог протекать и славянский этногенез. Задолго до написания “Повести временных лет” существовали два самостоятельных, равно славяноязычных, судя по чисто славянским самоназваниям **slověne* и **lěděne/*lědxi*, народа (группы народов). Затем “ляхи” слились со “славянами”, превратившись к IX в. в этнографическую группу славян, коль скоро русская летопись продолжала отличала племена происходившие “от словень” и племена “от ляхов”. Напрашивается предположение, что последние суть потомки антов пропавших со страниц источников в начале VII века. Их “исчезновение” можно объяснить тем, что на протяжении VII – VIII вв. произошло слияние двух ранее самостоятельных праславянских народов: собственно “славян” (*Σκλαβηνοί*) и “антов”, завершившееся поглощением антов “славянами”.

Надо думать, что неустойчивое равновесие, — при определенных условиях, наоборот, “славяне” могли быть поглощены антами, — было нарушено вследствие прихода аваров. В конце VI – начале VII века “славяне” и анты очутились по разные стороны в драматической борьбе между аварами и Византией, завершившейся неудачной осадой Константинополя в 626 году. Весьма вероятно, что в это трудное для империи время, когда она с трудом отбивалась от натиска аваров и персов, ее союзники анты, оставшись в одиночестве, были сокрушены “славянами” и аварами.

Свидетельствами этого поражения можно считать распространение гончарной дунайской (“слаянской”) керамики, обряда трупоположения и характерных дунайских украшений в Южной Польше, Полабье (рюсенская группа), Восточной Пруссии (западномазурская группа) и в Восточной Европе (Пастырское городище и другие памятники) [Русанова, 1976. С. 201; Седов, 1995. С. 142–45; 1999. С. 183–85; 2003. С. 467—69]. При этом происходило вытеснение раннеславянского (антского) населения, применявшего преимущественно трупосожжение и известного по памятникам с лепной керамикой пражского, пеньковского и других типов.

Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует, что противопоставление “славян” и “ляхов” в “Повести временных лет” отражает воспоминания о первоначальном разделении позднепраславянского этнолингвистического массива на две ветви: “собственно славян” (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) и “антов” (*Ἄνται, Antes*). Летписные ляхи в таком случае суть прямые потомки антов, сохранившие смутные представления о своей “не-славянской” принадлежности.

Венеты и ляхи

Рассматривая свидетельства источников о венетах и антах, мы пришли к выводу, что в VI веке и ранее эти два имени были по сути тождественными. По Иордану и Прокопию владения венетов (антов) тянулись от истоков Вислы до областей к северу от Прикубанья, где жили гунны-утигуры (Iord. Get. 34; Proc. VIII). Эти же пространства были заняты племенами “от ляхов”, расселившихся от верхней Вислы (малопольские “собственно ляхи”), до верхней Оки, где обитали вятичи, путь к которым от Азовского моря (Меотиды) шел по Дону вдоль позднейших татарских шляхов, которыми тысячелетием ранее очевидно пользовались и гунны-утигры.

Области между ляшским Повисленьем и землями пришедших “от ляхов” на рр. Оку и Сож радимичей и вятичей были заселены славянскими племенами волынян, древлян и полян, которые в “Повести временных лет” к ляхам, строго говоря, не причисляются. Однако, сравнивая показания других источников, мы можем доказать, что земли ляшских племен тянулись непрерывной полосой от Вислы до Оки. Так, например, исследователи считают, что упомянутые Константином Багрянородным “ляхи” (*Λευζανῆνοι*, слав. **lęděne*) жили на Волыни, поскольку сплавливали суда в Киев, что было бы невозможно, если бы они были жителями Повисления [Константин Багр., 1989. С. 390]. Это значит, что славянское население Волыни было не столько “славянским”, сколько “ляшским”.

При этом нас не должно смущать то обстоятельство, что “Повесть временных лет” приводит другие названия жителей Волыни: “Бужане, зане седоша по Бугу, после же вельняне” и “дулеби, живяху по Бугу, где ныне вельняне” [ПВЛ. С. 13—14], а “Баварский географ” (IX в.) называет ляхов (*Lendizi*) и бужан (*Busani*) в качестве отдельных племен [Назаренко, 2001. С. 53—55]. Судя же по данным “Орозия” короля Альфреда [ММФН. III. S. 338] и жития Константина Философа, на Висле жили не собственно “ляхи”, как пишет “Повесть временных лет”, но “висляне” (неизвестные летописи), а тот же “Баварский географ” упоминает “вислян” (*Vuislane*) наряду с “ляхами” (*Lendizi*).

Мы полагаем, что перечисленные источники не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Набор этнонимов, применяющихся по отношению к жителям той или иной славянской области, скорее свидетельствует о пестром и, если можно так выразиться, “многослойном” составе ее населения. В этом смысле Волынь или Малую Польшу уместно сравнить с Чехией. Западные источники называют местных славян “богемцами” (*Boemi*, *Beheimari* и пр.), Константин Багрянородный — “белыми хорватами” [Константин Багр. С. 131, 135, 320, 375], а араб Масуди пишет, что чешский князь Вячеслав был “маликом” дулебов [Мишин, 2001. С. 137]. Эта разноголосица объясняется тем, что все три племени проживали на земле Чехии: собственно “чехи” (“богемцы”) в средней части, а хорваты и дулебы — на востоке и юге страны [Развитие, 1982. С. 122; Седов, 2002. С. 448, 55—56]. Надо полагать, что и на Волыни и Малой Польше положение было схожим: там могли проживать и ляхи (*λενζανῆνοι*, *Lendizi*) и висляне (*Vuislane*) и бужане (*Buzani*), занимая отдельные микрорегионы в составе этих историко-географических областей.

В предыдущей главе мы высказали предположение, что племенные имена, образованные от названий вод, указывают на дунайское, собственно “славянское” происхождение того или иного племени. Если это верно,

то историю славянского заселения Волыни и Малой Польши можно представить, как смешение двух этнических пластов: местного (ляхи) и пришедшего “собственно славянского” (бужане и висляне). В дальнейшем, когда племенное деление стало отмирать, оба края получили свои названия по городам — Кракову на Висле и Волыни на Буге, от последнего и происходит имя волынян.

Западными соседями летописных волынян (*Λενζανῆνοι* Константина Багрянородного) были древляне (*Βερβιανοί, Δερβλενίνοι*, – Const. Porph. De adm. IX) и поляне “яже ныне зовомыя Русь” (*Ῥῶς*). Киевляне еще в начале XII в. помнили о своем “польском”, то есть полянском происхождении: “живут поляне в Киеве и до сего дня” [ПВЛ. С. 24]. Возможно, именно поэтому в древней Руси не прижилось самоназвание поляков (полян), которых звали именем ляхов, несмотря на то, что первые князья Польши по племенной принадлежности были “полянами”. Русско-польским соперничеством, вероятно, следует объяснить и то обстоятельство, что поляне на Варте причислены летописью к ляхам [ПВЛ. С. 11], а поляне на Днепре — к “сущим от рода словеньска”, в противоположность упомянутым здесь же выходцам “от ляхов”: радимичам и вятичам [ПВЛ. С. 14]. Возможно, что и “ляшские” и “русские” поляне представляли собой части некогда распавшегося племени из Европейской Сарматии, упомянутого еще Птолемеем (*Βουλάνες*) [Трубачев, 1991. С. 37]. Поэтому киевских полян, как и их западных соплеменников, также следует причислить к первоначально “ляшским” племенам.

Подобное тому, что случилось с полянами расщепление и перемещение испытало и соседнее с Киевом племя древлян, которое также имеет тесные связи с “ляшским” Западом. Этим же именем вплоть до своего исчезновения в конце XVIII в. называло себя славянское население “Ганноверского Вендланда” в Люнебурге — так называемые “древане” (нем. *Drawehn*) [Нидерле, 1956. С. 105]. По причине крайне западного по-

ложения полабских “древлян” без большой натяжки можно счесть такими же ляхами, как и соседние с ними летописные племена поморян, лютичей, мазовщан и полян (великопольских).

Таким образом, земли летописных ляхов и родственных им племен протянулись непрерывной полосой к северу от Карпат от Эльбы на западе до Оки на востоке. Если не брать в расчет области позднейшей ляшской колонизации к северо-западу от Верхнего Повисленья (Великую Польшу и пр.), мы обнаружим, что оставшийся (првоначальный?) ареал ляхов точно совпадает с пределами расселения венетов и антов. “У левого их [Карпат] склона, спускающегося к северу от места рождения р. Вистула (Малая Польша, ляхи *in sensu stricto* — С. Н.) на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов (Iord. Get. 34) [Иордан, 1996. С. 107]. “А за ними [утигурами] еще выше к северу (в верховьях Дона и Оки, где жили вятичи — С. Н.) сидят бесчисленные племена антов” (Рос. VIII. 4.9) [Свод II. С. 201].

Венеты, вятичи и удмурты

Настаивая на этнической преемственности венетов / антов и ляхов, мы считаем необходимым остановиться на происхождении “ляшского” племени вятичей. “Повесть временных лет” излагает его следующим образом: “Бяста бо два брата в лясахъ Радим, а другой Вятко, и пришедъша се доша Радим по Союю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце, от него же прозвашася вятичи” [ПВЛ. С. 14]. Ряд исследователей полагает, что так оно было на самом деле: “Ни с венетами — венетами, ни, тем паче с антами (и то и другое — чуждые для славян аллоэтнонимы) этимологически связывать **vetitje*, вятичи не имеет смысла. Перед нами — случай, когда древнее племя первоначально вообще племенного названия не имело (довольствовалось самообозначением “мы”, “наши”, “свои” etc.), вплоть до момента личной унии с возглавившим их смельчаком по имени Вятко” [Трубачев, 2000. С. 6].

Осмелимся предположить, что Вятко и Радим являются все же такими же мифологические персонажами, как братья и сестра основателя Киева Кия — Щек, Хорив, Лыбедь (от названий холмов Щековицы и Хоревницы и р. Лыбеди). В отличие, например, от тюркской (османы, узбеки, ногайцы и пр.), отыменная этнонимия не характерна для славян, кроме того, у нас нет уверенности, что название вятичей с “патронимическим” суффиксом *-ич* непременно является исконным. Константин Багрянородный (X в.) передает имя ляхов в форме с суффиксом *-*ěne*: *Λενζανῆνοι* < слав. **leděne*, в то время как “Баварский географ” (IX в.) — в патронимической форме на **-itji* : *lendizi* < слав. **lęditji* (Константин Багр. С. 380). Такие славянские этнонимы, как дреговичи и у(г)личи, несмотря на “патронимическую” форму, не имеют никакого отношения к личным именам. Первое из них восходит к одному из славянских названий трясины — **drьgьva* (из **drьgati* “дрожать”) [ЭССЯ. V. С. 139], второе — к слову **qglь* “угол”, вероятно — название притока Днепра р. Орель: “Ерель его же Роусь зоветь оуголь” (Ипат. лет. 1183 г.) [Трубачев, 1961. С. 186]. Иными словами, в лице Вятко и Радима мы имеем дело скорее не с вождями вятичей и радимичей, чьи личные имена легли в основу этих этнонимов, а с легендарными родоначальниками, чье имя было образовано из соответствующих племенных названий. В этом смысле они должны стоять в одном ряду с легендарными Чехом, Лехом и Русом, не препятствуя поискам исторической этимологии имени вятичей.

Скудость известий о происхождении этого племени заставляет нас обратиться к типологическим сравнениям. Речь в данном случае пойдет еще об одних “вятичах” — русском населении бывшей Вятской губернии, а точнее об этимологии названия реки Вятки, от которой получили свое имя “вятичи-II” (первоначально называвшиеся “вятчанами”) [Макаров, 2001]. Название Вятки сопоставляют с именем реки Венты в Прибалтике, которое возводят к финскому **vento* “медленный, спокойный” [Фасмер I,

С. 376—377]. Однако финское происхождение прибалтийского гидронима не очевидно. С большим успехом это название связывают со славянским корнем **vęt-* “больше” [Трубачев, 2002. С. 36].

Кроме того, гидроним Вента очевидным образом связан с названиями гг. Вентспилса (нем. *Windau*) и Цесиса (нем. *Wenden*), которые напоминают о проживавшем в Восточной Прибалтике племени “вендов”, упомянутых в “Хронике” Генриха Латвийского (XIII в.). Поскольку “вендами” немцы в то время называли славян, в историографии разгорелся спор об этнической принадлежности прибалтийских “вендов”. Одни считают, что речь идет о славянах или, вернее, о смешавшихся с финским и балтийским населением потомков славянских переселенцев с Дуная конца VI в. [Седов, 1994. С. 67–88; 1995. С. 170–185]. Другие полагают, что “венды” XIII в. суть либо потомки венедов, живших в I—II вв. на побережье Балтики, которая у Птолема именуется Венедским заливом (*τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον*) (Ptol. Geogr. III. 5.1), либо часть финского племени водь, обитавшего между Новгородом и р. Нарвой [Kiparsky, 1962]. Во всяком случае все эти названия, как реки Венты, так и прибалтийских венетов связываются и с именем венетов, и со славянским языком.

Другая точка зрения на происхождении названия Вятка, вне всякой связи с названием прибалтийской реки Венты, производит его от этнонима *Vyda / Veda*, упомянутого в “Слове о погибели Русской земли” (XIII в.) и записках венгерского монаха Юлиана. В этом этнониме, судя по всему отразилось самоназвание живших к востоку от Вятки удмуртов, которое само по себе загадочно, ибо не объясняется из удмуртского языка [Фасмер, I. С. 376—377]. “Проблема происхождения слова “удмурт” не выяснена. Лингвисты считают в этимологическом отношении установленной лишь основу “мурт”, “морт” — индоиранское “человек, муж, мужчина”” [Народы, 1985. С. 75]. Вместе с тем исследователи полагают, что имя народа и реки связаны друг с другом, а слово “удмурт” следует толковать как

“человек с Вятки” [Фасмер, I. С. 359]. Герцен, живший в Вятке во время ссылки, заметил в связи с этим, что царь Николай Павлович переименовал г. Хлынов в Вятку, желая угодить вотякам (“Былое и думы”).

С другой стороны, русское название удмуртов – “вотяки”, “воть”, совпадает с племенным названием упоминавшегося в связи с проблемой прибалтийских “вендов” финского племени водь. Новгородцы звали берега реки Луги “Вочкой землей” (нем. *Voiland*), по этому народу была названа и одна из новгородских пятин XV – XVI вв. — Вотская. Имя води возводят к слову **vakja* “клин” [Itkonen, 1955] заимствованному из балтийского (сравни литовское *vagis* “деревянный крюк”, латышское *vadzis* “клин”). Своим названием водь якобы обязана клинообразным цветным вставкам на вотском наряде. Однако такая этимология неприемлема для этнонима “удмурт” и заставила бы отказаться от заманчивого совпадения названий води и вотяков-удмуртов.

По нашему мнению, связь этих имен достаточно очевидна, чтобы счесть предложенную Итконеном этимологию маловероятной. Скорее всего, оба названия должны рассматриваться в связи с именем прибалтийских “вендов”, на что указывал В. Кипарский. Однако в отличие от мнения последнего о водском (то есть финском) происхождении “вендов”, вопрос нужно рассматривать в противоположной плоскости, возводя имя води, вотяков и Вятки к этнониму “венд” (resp. “венет”). Только в таком случае удастся упорядочить взаимно пересекающиеся этнонимы, гидронимы, топонимы, связанные с р. Вяткой (вятичи, вятчане, вотяки, водь, р. Вента, Вентспилс, Венден, “венды”).

Возникает вопрос, каким образом “венеты” могли очутиться на берегах Вятки или поблизости от нее. Ответ на вопрос позволяют дать современные археологические изыскания. Согласно исследованиям археологов, в I – V веках наблюдается переселение на Среднюю Волгу и Каму нового населения с юго-запада, приведшее к появлению памятников слав-

кинского и лбищенского типа. На их основе, в ходе последнего, самого мощного переселения складывается именьковская археологическая культура (V—VII вв.), синхронная раннеславянским памятникам. В. В. Седов и Г. И. Матвеева полагают, что именьковское население было славянским [Седов, 1995. С. 40–67; Матвеева, 1997]. Своими корнями именьковская культура уходит в культурные общности предшествующего времени: позднезарубинецкую, пшеворскую, черняховскую и киевскую, теми самыми с которыми большинство археологов связывает возникновение раннеславянских древностей VI – VII вв. [подробно: Славяне, 1993]. Что касается этнонима именьковцев, то вопрос этот поднимается прежде всего в работах В. В. Седова.

Исследователь считает, что предки именьковцев пришли из ареала черняховской культуры, поэтому их следует считать ответвлением антов [Седов, 1995. С. 309—15; 2003. С. 245—55]. Самоназванием именьковцев, могло быть слово “русь” [Седов, 1998. С. 152]. При этом В. В. Седов опирается на лингвистические исследования О. Н. Трубачева, согласно которым имя Руси имеет индоарийское происхождение и возникло в условиях славяно-арийского (по В. В. Седову — сарматского) взаимодействия в Северном Причерноморье [Трубачев, 1997. С. 223—48]. Проникновение имени “русь” в прапермскую этноязыковую общность в виде **roč’* было вызвано контактом прапермяков с праславянами именьковской культуры [Седов, 1998. С. 152].

“Русская” принадлежность именьковских племен следует, согласно В. В. Седову, из того, что непосредственными потомками их были носители волынцевских древностей VIII – IX вв. отождествляемых исследователем с “Русским каганатом” [Седов, 1998; 2003. С. 255—95]. Не касаясь в данном случае сложнейшей проблемы происхождения имени “Русь” отметим, что связки только двух культур, именьковской VI – VII и волынцев-

ской VIII – IX вв. для определения этнонима их носителей явно недостаточно и требуется более широкий круг сопоставлений.

Именьковская культура тесно связана с позднейшими древностями славян вятичей и предков удмуртов, в первом случае генетически, а во втором как сильный источник заимствований. Что касается праудмуртских древностей, то речь пойдет о племенах азелинской культуры (III – V вв.) и их потомках, примыкавших к именьковскому ареалу с севера. Сильное влияние именьковцев на азелинские племена, частично вытесненные пришельцами с правобережья Камы прослеживается в разных областях. Так, например, славяне познакомили местных жителей с пашенным земледелием: только от носителей именьковской культуры в пермские языки могло попасть славянское название ржи [Седов, 1995. С. 151; Напольских, 1996; Napolskih, 1999]. Новейшие изыскания по археологии удмуртов, обобщенные в работе Р. Д. Голдиной, чертят убедительную картину широкого проникновения праславянского населения в Поволжье и Приуралье, оказавшего глубокое воздействие на жизнь местного праудмуртского населения [Голдина, 1999. С. 259—276, особенно: С. 261—66, Рис. 127]. Культурная принадлежность пришельцев определяется достаточно убедительно — это потомки пшеворского, позднезарубинецкого и черняховского населения юго-восточной Европы, покинувшие родину в условиях сарматского, готского и гуннского нашествий [Максимов, 1997; Седов, 2003. С. 245—49].

В связи с этим нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что славянское племя вятичей на Оке сложилось в результате смешения переселившихся в конце VII в. волынцевских племен с местными мощинскими племенами IV – VIII вв. [Седов, 1995. С. 194—95]. Последнее, в свою очередь, образовалось в процессе расселения позднезарубинецкого населения, послужившего одним из слагаемых именьковской культуры, сохранившей классические зарубинецкие черты в наибольшей степени [Матвеева, 1997. С. 215]. С другой стороны, волынцевские древности генетически возводятся

к именьковским [Седов, 2003. С. 253]. Таким образом, в становлении как удмуртов на р. Вятке, так и вятичей на р. Оке принимали участие общие этнический элемент — именьковские и позднезарубинецкие племена. Не является ли совпадением этнонимов вятичи, вятчане (смешанное русско-удмуртское население Вятской земли), вотяки следствием этой общности?

Венеды в Восточной Европе II – V вв. н. э.

Этническое название праславянского населения Восточной Европы в настоящее время вполне определимо. В первую очередь это касается переходной от собственно зарубинецких к памятникам киевской и ряда других культур III – V вв. позднезарубинецкой культуры II в. Можно согласиться с исследователями, которые связывают появление позднезарубинецких древностей в лесной зоне Восточной Европы с разбойничьими походами (*latrocinia*) венетов (Tac. Germ. 46) [Щукин, 1994. С. 223—226]. Тацит сообщает, что венеты (*Venethi*) рыщут по лесам между феннами и певкинами, то есть в области между полосой хвойного леса, населенной финскими племенами с “текстильной керамикой”, и занимавшими Прикарпатье культурами полей погребений с чернолощеной и храповатой керамикой (прежде всего пшеворской), среди населения которой значительное место занимали германские элементы [Щукин, 1994. С. 18–21, 101–107; Седов, 1995. С. 166–200; Славяне, 1993. С. 63–66].

Венетская принадлежность позднезарубинецких памятников II века подтверждается обнаруженными при устье Дуная памятниками типа Этулия, имеющими очевидное позднезарубинецкое происхождение и резко отличающихся от окружающих памятников черняховской культуры. Исследовательница группы Этулия Гудкова предполагает, что это были венеды (*Venedi*) помещенные на Певтингеровой карте между устьем Дуная (*Hostia fl. Danubii*) и Днестром (*Fl. agalingus*) [Гудкова, 1993; Свод I. С. 63–80]. Судя по обстоятельствам той эпохи, это могло быть то самое племя, за победу над которым в Дакии император Волузиан (251—253 гг.)

получил почетное прозвище “венетского” (*Venedicus*) [Свод I. С. 43]. Очевидна на наш взгляд этническая преемственность между венетами III в. между Дунаем и Днестром и действовавшими в этом же самом месте антами VI в. Как сообщает Прокопий, император Юстиниан собирался передать им крепость Туррис (*Τούρρις* – вероятно, это был Белгород-Аккерман, античная Тира), лежавший неподалеку от устья Дуная (Proc. VII. 14. 32).

Столь точное совпадение области расселения венедов Певтингировой карты с ареалом небольшой культурной группы явно позднезарубинецкого происхождения свидетельствует о венедской принадлежности позднезарубинецкого населения в целом. Близка группе Этулия киевская культура III—V вв., также сложившаяся на основе позднезарубинецкой [Славяне, 1993. С. 120—122]. Многие исследователи передают ей ключевое значение в становлении раннеславянских культур VI—VII вв.: пражской и пеньковской [Щукин, 1994. С. 227—229; Баран, 1997]. Судя по тому, что она располагалась к северу от территории черняховской культуры, принадлежавшей обширному союзу племен во главе с готами, носителей киевской культуры можно отождествить с теми антами, которых победил готский король Винитарий в конце IV в. (Iord. Get. 247). Во всяком случае, вместе с киевскими племенами черняховскими создали в VI—VII вв. пеньковскую культуру, бесспорно антскую [Седов, 1995. С. 68].

Таким образом, на протяжении I—VII вв. на обширных пространствах Восточной Европы развиваются родственные культуры, так или иначе отождествляемые с упоминаемыми в разных источниках венетами, вендами, антами (пшеворская, позднезарубинецкая, киевская, именьковская, пеньковская, колочинская). Праславянская принадлежность их признается большинством археологами⁶⁴ Из недр их вырастает позднейшая культура

⁶⁴ Мы не касаемся несущественного с нашей точки зрения вопроса, какая из этих культур была “самая праславянская” и какая культурная линия преобладала: пшеворско-черняховская (В. В. Седов) или позднезарубинецко-киевская (М. Б. Щукин; В. Д. Баран).

племен вятичей (потомков носителей волынцевской и именьковской культур), под их влиянием находились предки удмуртов (азелинская III—V вв. и генетические связанные с нею культуры последующего времени).

Праславянское самоназвание антов

Уместно предположить, что загадочный первый слог в этнониме “уд-мурт”, восходит к самоназванию носителей одной из “вятских” культур — именьковской. Судя по всему его занесли в финно-пермскую языковую среду группы “именьковцев”, смешавшихся с местным азелинским населением после падения именьковской культуры в конце VII в. Вследствие этого предки удмуртов могли усвоить имя венетов в качестве самоназвания (*уд-мурты* “венетские мужи”), отразившееся впоследствии в этнонимах *вяды* (*Veda*), *вотьяков*, *вятчан*, *вятичей* и гидрониме *Вятка*. Это значит, что славянским самоназванием именьковцев был славянский эквивалент этнонима “венеты”. Любопытно, что новейшие изыскания об этимологии этнонима “удмурт” связывают его с уже знакомым нам корнем **anta-* “край” [Напольских, 1997; Голдина, 1999. С. 329], при помощи которого толкуется имя антов. Мы согласны, что самоназвания обоих народов восходят к одному источнику, каковым, правда, был не индоиранский, а праславянский корень.

Как упоминалось выше, вятичи являются прямыми потомками волынцевских племен, заселивших в VIII в. Верхнее Поочье [Седов, 1995. С. 203; 2003. С. 260—61]. В свою очередь, волынцевская культура образовалась вследствие переселения именьковского населения из Поволжья на юго-запад, на рр. Десну и Сейм [Седов, 1995. С. 191—95]. Это обстоятельство позволяет видеть в имени вятичей (**vętitji*) тот же “венетский” этноним [Развитие, 1982. С. 337], который отразился в этнониме “удмурт” (вотьяк) и гидрониме *Вятка*. Скорее всего, этот праславянский этноним на корень **vęt-* служил общим самоназванием всех “венетских” и “антских” племен раннеславянского (VI – VII вв.) и предшествующего времени, на-

чиная с первого упоминания восточноевропейских венетов у Плиния, Тацита и Птолемея.

Столкнувшись с праславянскими носителями этого имени в III веке на Нижнем Дунае (этулийская культурная группа), римляне назвали их привычным именем *Venedi* “венеты” (Tab. Peut. VII. 4), Однако греческие писатели VI – VII вв. стали использовать для передачи славянского самоназвания “венетов” не экзотическое имя *Οὐενέδαι* (Ptol. Geogr. III), а, в силу близкого соседства Константинополя и северо-западного Кавказа, более знакомый, сходный по звучанию этноним — имя кавказского народа *Ἄνται / Antae* (→ лат. *Antes* у Иордана). Последний, вероятно, передает самоназвание “черкесов” — *адыге / антыхе* [Ногмов, 1958], а в том, что они были также хорошо известны в Константинополе VI столетия, как в Стамбуле XVI – XIX веков, едва ли можно сомневаться. В этом смысле генетически совершенно независимый от самоназвания праславянских “антов” кавказский этноним⁶⁵ представлял собой готовую кальку для фонетической передачи их славянского имени⁶⁶.

Такое же смешение должно было иметь место и в речи самих “венетских” антов: восходящее к имени древнеевропейского (до или непра-славянского) народа венетов самоназвание антов **vet-* / **veNt-* толковалось ими через омонимический славянский корень **vet-* означавший превосходство, большую степень качества [Фасмер I. С. 376–78]. Вероятно и сами анты действительно были уверены, что они “вятские”, о чем можно судить из восстанавливаемого по замечанию Иордана: *Antes vero, qui sunt eorum fortissimi* праславянского **Vet-(itji) že sŕť jъхъ vetjъje* “*Вят-(ичи) же суть [из н]их вятские”. Восстановление полной формы славянского самоназвания антов выходит за пределы нашего исследования: во всяком

⁶⁵ Он мог происходить от упомянутого выше индоиранского корня **anta-* “край”.

⁶⁶ Подобно тому как фракийский этноним *Gethae* служил калькой германского самоназвания готов.

случае, отсутствие флексий в греческом Ἄντοι указывает, что имя “вятичей” является вторичной формой (Ἄντ- + *-itji).

По итогам проведенного анализа можно сказать следующее. Племена антов, упоминаемые в ранних источниках наряду с собственно “славянами”, представляли собой самостоятельный праславянский этнос, сохранявший остаток своей обособленности даже после слияния с последними. Следы этого деления сохранились в противопоставлении “Повестью временных лет” племен, происходившим “от ляхов” племенам, происходившим “от славян”, причем в ляхах следует усматривать потомков антов. Название одного из ляхских племен “Повести” — вятичей, позволяет восстановить праславянское самоназвание антов, восходящее в конечном слове к этнониму венетов. Что касается греко-латинского слова “анты” (Ἄνται, *Antae*), то оно представляе собой скорее всего передачу самоназвания черкесов *a(n)дыхе* с возможной арийской этимологией **anta* “край”. Это имя было перенесено византийскими авторами, более знакомыми с восточной, нежели центральноевропейской этнонимией, на праславянское население, обозначавшее себя при помощи корня **vet-* “вят-”. Последнее можно условно именовать “вятскими” славянами, используя живое русское название жителей Вятки (т. н. вятичей). Фонетически оно полностью соответствует прилагательному “антский” (Ἄντικός / *Anticus* < праславянское **vetьskъ* / **veNьskъ*) из византийской императорской титулатуры.

В) Этнолингвистическое деление праславянских племен и некоторые вопросы поиска прародины славян

Двоичное деление праславян по словацким материалам

Исследования письменных источников и сведений, предоставленных археологией, убедили нас в существовании по меньшей мере в I – V вв. н. э. двух ветвей⁶⁷ праславян, границей между которыми служили Карпаты. Живших к югу, в Подунавье, праславян можно отождествить с паннонцами античных авторов, а их соплеменников, обитавших за пределами Карпатского бассейна, на внешней стороне гор — с венетами Плиния, Тацита и Птолемея и Певтингеровой карты (Pl. Hist. nat. IV. 13. 97; Tac. Germ. 46; Ptol. Geog. III. 5.1, 5, 7; Tab. Peut. VII. 1. 4) [Свод I. С. 18—80]. В момент первой фиксации самоназвания “славяне” праславянские народы по прежнему делились на собственно “славян” (*Σκλαβηνοί*), потомков паннонцев, и происходивших от венетов “бесчисленные племена антов” (Proc. VIII. 4. 9). Изначальное двоичное, а не троичное, как в настоящее время, деление славянства находит подтверждение прежде всего в лингвистическом материале, полученном как относительно всего славянства, так и касательно отдельных славянских языков.

Речь идет в первую очередь об исследованиях границ словацких наречий? предпринятых А. Габовштяком [Габовштяк, 1981; Nabovštiak, 1969; 1975, 1978]. В результате лексико-семантического анализа (в котором, как известно, лучше всего отражаются этнокультурные взаимодействия) выяснилось, что в древнейший период словацкой истории членение словацких диалектов было иным по сравнению с более поздним делением на западнословацкую, среднесловацкую и восточнословацкую группы.

⁶⁷ Метаэтнических общностей, если воспользоваться терминологией М. А. Васильева, используемой по отношению к “словенам” (*Σκλαβηνοί*) и антам [Васильев, 2000].

Более ранним является членение на два равновеликих макроареала юго-западнoсловацкий и северо-восточнoсловацкий. Эти ареалы, вероятнее всего, связаны с древнейшим праславянским словарным запасом, они выходят за пределы распространения словацкого языка (*prst / palec, borovica / sosna, raž / žito, sliepka / kura, praslice / kudel'* и др.) и продолжают в разных вариантах во всех славянских языках. Например, слово “рожь” встречается в сербо-хорватском, словенском, македонском, болгарском языках, в юго-западной половине Словакии, а также в пограничной зоне западно-словацких и чешских диалектов в Моравии и в русском языке. Для чешского, лужицкого, польского и украинского языков характерно слово “жито”.

Следовательно, бинарное лексико-семантическое деление Словакии восходит к диалектной дифференциации праславянского языка периода заселения славянами современной Словакии. Диахронное расчленение словацкого языка на западную и восточную часть А. Габовштяк связывает с историей расселения славян в Подунавье, происходившем разными потоками на рубеже V – VI вв. [Грацианская, 1989. С. 127].

Речь идет о четко выделяющихся на словацком материале двух группах славянского населения, которые связаны с традициями изготовления пражской (раннеславянской) и дунайской (славяно-аварской) керамики. По вопросу их хронологического и типологического соотношения существуют противоположные точки зрения. Раньше считалось, что дунайский керамический тип на территории Словакии младше пражского и вытесняет последний на территории в Словакии в начале VII в. [Седов, 1979. С. 113]. Однако в последних работах утверждается, что дунайская керамика, прямое продолжение позднеантичного керамического производства провинции Паннония [Fusek, 1994. S. 98; Mačala, 1995. S. 93] не может генетически возводиться к пражской, а ее носители составляли более древ-

ний пласт славянского населения Словакии нежели славяне “пражской культуры” [Авенариус, 1993. С. 37].

Праславянское население Юго-западной Словакии, представленное характерными южнославянскими лексемами *prst*, *borovica*, *raž*, *sliepka*, *praslice* следует, таким образом, сопоставить с носителями дунайской керамики и близкой ей посуды в Подунавье и на Балканах. В их лице мы имеем дело с южной, дунайской ветвью праславян, собственно “славянами”, автохтонными жителями римской Паннонии. Их потомками следует считать носителей среднесловацкого диалекта, отмеченного характерными чертами “незападнославянского” происхождения (Ср.: [Авенариус, 1993. С. 40]).

Лексические особенности древнего славянского населения северо-восточной Словакии указывают на его родство с западными славянами (слова *palec*, *sosna*, *žito*, *kura*, *kidel'*) и вообще со славянами к северу от Карпат (русское “палец”, “сосна”, “кура”, “кудель”). В археологическом плане его следует связывать с расположенными в этой области раннеславянскими культурами наподобие пражской, пеньковской и пр., для которых характерна лепная посуда, в том числе классического раннеславянского типа Прага-Корчак.

На территории Словакии подобная керамика встречается как на северо-востоке страны (Пряшевская культура III—V вв.), так и в юго-западной Словакии (классическая пражская посуда), куда она проникла с севера, прежде чем в начале VII в. сменилась дунайской (славяно-аварской) посудой. Потомками носителей пряшевских и пражских древностей следует считать словаков, говорящих на западном и восточном диалектах словацкого, в которых отсутствуют “незападнославянские” черты.

Таким образом, материалы словацкой диалектологии позволяют утверждать, что на землях будущей Словакии, лежащих на северной границе

Карпатского бассейна происходило взаимодействие двух крупных праславянских группировок. Первую из них составляло автохтонное, дунайское, “незападнославянское” население, которое следует отождествить с собственно “славянами”. Вторую представляло переселившееся из областей к северу от Карпат, “пражское” по культурно-археологической принадлежности, “западнославянское” население, которое следует отождествить с венетами римских, антами византийских и ляхами древнерусских источников.

Своеобразной печатью, указывающей на смешение в словаках “собственнославянского” и “несобственнославянского” служит их самоназвание. Оно представляет собой автохтонное дунайское имя **slověne* (ср. *Slovensko* “Словакия”, *Slovenka* “словачка), переиначенное на “западнославянский лад” в *Slováci* (ед. число *Slovák*, ср. чеш.-польск. *Prážík, Polák / Polak, Krakowiak* “пражанин, “поляк”, “краковец”), как и сам словацкий язык [Dorul’a, 1997. S. 182; Krajčović, 1997. S. 184–85]⁶⁸.

Аналогичных взглядов на изначально двоичное деление славянских языков и промежуточное положение словацкого придерживаются и некоторые отечественные исследователи. По мнению Г. А. Хабургаева и А. А. Зализняка в определенный момент развития праславянского языка наиболее отчетливо выделились две диалектные группы — северная и южная. В языке новгородских берестяных грамот эти пласты, связываемые с “кривичскими” и ильмено-словенскими диалектами, выделяются достаточно отчетливо (Возражения: [Крысько, 1998]). При этом к “северным” славянам относятся западославянские языки и “северо-кривичский” элемент языка берестяных грамот. К “южной” группе причисляются южные и восточнославянские языки, включая “ильменско-славенский” диалект жителей Новгородской земли. Внутри этой группы ряд изоглосс объединяет словенско-сербскую зону с ильменско-словенским диалектом, не включая

⁶⁸ Речь идет о среднесловацком диалекте, легшим в основу словацкого литературного языка.

при этом диалект юго-западной Руси. Словацкий язык вместе с чешским окажется при этом в переходном поясе между “северными” и “южными” позднепраславянскими диалектами [Зализняк, 1988. С. 176].

Двоичное деление праславян на сербо-лужицком материале

Новейшая концепция бинарного членения (поздне)праславянской общности содержится в работах немецкого (сербо-лужицкого) слависта А. Шустера-Шевца [Шустер-Шевц, 1983; Schuster-Šewc H., 1998]. По мнению исследователя, позднепраславянский язык к началу славянской колонизации Балканского полуострова (VI в.) расщепился на две крупных диалектных зоны, отличающихся развитием следующих праславянских сочетаний: 1) **dl / tl*, 2) **gv / kv + ě₂ (oi, ai)*, 3) **x + e₂ (< oi, ai) / i + x*, 4) **dj / tj*, 5) *m, b, v, p + j*. По этому признаку выделяются архаический северо-западный диалект (западнославянский, в узком смысле слова лехитский) и инновационный юго-восточный (южные и восточные славяне) [Schuster-Šewc, 1997. S. 32—33].

Взаимодействие обоих макродиалектов хорошо прослеживается на сербо-лужицком материале. При этом нижнелужицкий диалект окажется более близким к инновационному юго-восточному праславянскому, а верхнелужицкий — к архаическому северо-западному праславянскому. Лингвистические материалы позволяют утверждать, что носители обоих макродиалектов пришли в будущие серболужицкие земли с разных направлений. “Инновационные” юго-восточные славяне пришли с юга, из Чехии, спускаясь вниз по течению р. Эльбы (Лабы). “Архаические” северо-западные славяне двигались с востока, из Польши [Schuster-Šewc, 1997. S. 50. Kr. 2].

Точно такую же картину двустороннего заселения сербо-лужицких земель чертит современная археология. Междуречье Эльбы и Заале в VII в. было занято носителями дунайской (тип Рюссен) керамики, явившимися через Чехию. Вместе с ними в Верхней Эльбе распространяется обряд

трупоположения и навыки каменного строительства, восходящие к позд-неантичным традициям [Седов, 1995. С. 143; 2002. С. 468]. В землях к востоку от Эльбы расселились славяне торновской культуры. Последние ведут свое происхождение от добродзеньской группы пшеворской культуры, занимавшей в эпоху великого переселения народов верховья р. Одры [Седов, 1995. С. 142; 2002. С. 467]. Таким образом, южную (юго-восточную по Шустер-Шевцу) ветвь славян следует связать с носителями дунайской керамики, характерной для славяно-аварских могильников Паннонии, а данные сербо-лужицкой археологии подтверждают связь “южной⁶⁹ ветви славянства” с дунайскими “собственно славянами”.

Из двух сербских языков на Эльбе: нижне и верхнелужицкого наиболее близок к юго-восточному инновационному диалекту первый. Археологи также полагают, что носители этого диалекта являются потомками племен рюссенской (серой дунайской) керамики [Седов, 1995. С. 143]. Незападнославянский характер этого диалекта подтверждается нетривиальными связями со среднесловацкими говорами, имеющими такой же характер. Помимо характерного для обеих языков упрощения праславянского сочетания **dl / tl* в *l* (нижнелужицкое *glědalo, kšilo, powrjaslo, wity* при верхнелужицком *glědadło, kšidło, widły*; среднесловацкое *šilo, salo* при чеш. *šidlo, sadlo*), но и более редкий переход **dl / tl > gl / kl* (нижнелужицкое *glujki* “долгий”, *klusty* “толстый”, при инварианте *dljiki, tlusty*) характерный помимо нижнелужицкого и среднесловацкого также для языка новгородских берестяных грамот (*жсерегло* “жерло”, *жагло* “жало”) [Schuster-Šewc, 1997. S. 36—37, Шустер-Шевц, 1983].

В связи с этим переходом следует еще раз напомнить о названии крупного полабского племени гломачей-далеманцев то есть “далматинцев” (лат. *Dalmati* > слав. **d(ь)lmatji* > *glomaći*, ср. **tьlstь* > *klusty* “толстый”),

⁶⁹ Имеются ввиду не южные славяне принятой троичной классификации славянских языков, но славяне к югу от Карпат нашей бинарной схемы.

разгромленного немцами в 935 году, которое ясно указывает на южное, “провинциально-римское” происхождение славян изготовлявших дунайскую керамику. Что касается самоназвания и самосознания носителей дунайской керамики и “незападнославянских языковых особенностей”, то его собственно “славянская” природа подтверждается немецкими именами лужичан. Если имя “сербов” (немецкое *Sorben*) прикладывается и к верхне- и к нижнелужицким сербам, то именем “славян” (немецкое *Wenden*) обозначается только нижнелужицкое славянское население [Schuster-Šewc, 1997. S. 49]. Немецкая этнонимия совпадает с польской XVI в., в которой имя *Slawak* “славянин” обозначало помимо словаков и южных славян еще и нижнелужицкое (!) население [Kučerová, 1990. S. 212].

Соотношение “сербского” и “славянского” на землях между Залой и Бебжей (р. Бобр) требует особого внимания, поскольку в археологической литературе пытаются связать рюссенскую (дунайскую) керамику с “сербскими”, в которых видят предков нижнелужицких сербов), а торновскую — с “лужичанами” (предки верхнелужицких сербов) [Седов, 1995. С. 146]. Основанием для этого, в частности, послужило и то, что топонимы от имени “серб” сосредоточены преимущественно в западной части рюссенского ареала (между рр. Зала и Мульда). Восточная часть рюссенской группы все же принадлежала скорее “далматинцам”-гломачам, так как здесь, близ слияния Мульбы и Эльбы стояла их крепость Гана⁷⁰.

С другой стороны, оба современных лужицких языка расположены на землях торновской группы (“лужичане”), причем нижнелужицкий язык (который пытаются приписать “сербскими”) был распространен на землях средневековой лужицкой марки (будущий *Niederlausitz*), а верхнелужицкий (связываемый с “лужичанами”) — на землях мейсенской марки (племя мильчане, будущий *Oberlausitz*). Таким образом, современные лужицкие

⁷⁰ Сравни самоназвание крупнейшей этнографической группы мораван — “ганаки”, т. е. жители Ганы.

сербы сложились при слиянии самых разных славянских племен, из которой собственно “сербы” представляли только одно, вероятно сильнейшее (сравни данные Мас‘уди [Мишин, 2001. С. 137]). Связывать рюссенскую дунайскую керамику, оставленную переселенцами из Паннонии с сербами едва ли справедливо также потому, что источники четко указывают на обратный путь движения сербов — с севера на юг. Таким образом, лужицкие материалы подтверждают деление раннеславянского населения Полабья на две группы: дунайскую, на основе которой развивался нижнелужицкий язык (его носители именуются *Wenden* “славянами”), и “западнославянскую”, чьими потомками являются верхнелужицкие сербы (нем. *Sorben*).

“Вятское” переселение на Балканы в начале VII вв.

“Собственно сербские древности” следует искать не среди дунайских (“собственно славянских”, в случае с гр. Рюссен — “далматинских” гломачских), а среди каких либо иных раннеславянских группировок, “венетских” или “антских” по происхождению, располагавшихся к северу от Карпат. Константин Багрянородный недвусмысленно указывает, что сербы и хорваты, изначально обитали за пределами Карпатской котловины, принадлежавшей в середине X века венграм (греческие *Τούρκοι* “турки”), поскольку места их проживания обозначены выражением *Τουρκίας ἐκείθεν* “по ту сторону Турции” (Const. Porph. De adm. 31–32) [Константин Багрянородный, 1989. С. 135, 141].

Это обстоятельство, как и приход на Балканы во времена византийского императора Ираклия и вражда с аварами свидетельствуют, что оба народа не могли принадлежать к собственно “славянам”, которые осаждали Константинополь вместе с аварами и захватили Далмацию в правление этого царя. Константин также отличает пришедших из-за Карпатских гор сербов и хорватов от славянского населения Аварского каганата, которому принадлежали славяно-аварские могильники с дунайской керамикой. Последнее он называет “славянскими безоружными племенами, которые на-

зываются также аварами”, “славянами по ту сторону реки [Дунай], называемыми также аварами” (Const. Porph. De adm. 29) [Константин Багрянородный, 1989. С. 111].

По Константину Багрянородному, хорваты и “авары” несколько лет воевали друг с другом за обладание Далмацией, и “одолели хорваты: одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами” [Константин Багрянородный, 1989. С. 131]. По мнению исследователей эти “остатки” проживали в пределах трех жупаний, которые в отличие от 11 жупаний на которые была поделена Хорватия, перечислены у Константина отдельно, как находящиеся под властью т. н. бана, который владеет “Кривасой, Лицей и Гуциской”, то есть подзнейшими областями Крбава, Лика и Гацка на карстовом нагорье [Константин Багрянородный, 1989. С. 133, 373].

Особый интерес представляет собой название *Γουτζησκά* Это название сопоставляют с этнонимом *Gudoscani, Guduskani*, — так называлось племя, которым руководил князь Борна (*dux Guduskanorum*), названный в другом месте князем Хорватии и Далмации [Развитие, 1982. С. 177]. Этимологически эти названия восходят к корню **gъd-*: **gъdъk-jani* → *Geczka, Ceccha, *gъdъska* → *Gacka*, куда относятся также такие топонимы, как польские *Gdańsk, Gdynia, Gdów, Gdecz*, хорватско-чакавское *Dinjiška* < **Gdinjiška* на о. Паг и *Gdinj* на о. Хвар, русское *Гдов*, чешское *Kdyňe, Hedčany* и прочее [Rospond, 1982. S. 109]. По мнению С. Роспонда славянский корень **gъd-* означает “мокрый, волглый”. Однако такой корень отсутствует в составе праславянского лексического фонда [ЭССЯ. VII]. Более привлекательным в связи с этим кажется мнение О. Н. Трубачева, что славянское **gъdъ* и соответствующая топонимия типа Гдов – Гданьск восходит к этнониму “гот” [Трубачев, 1997. С. 107]. “Готское” имя одной из “аварских” жуп подчиненных власти хорватов свидетельствует, что мы

имеем дело с автохтонным славянским населением Паннонии и северной Далмации (Ср.: даламанцев-гломачей в Полабье) проживавшего сначала под властью готов, а затем аваров и удержавшим готское имя либо в качестве самоназвания, либо будучи названо так соседями⁷¹.

Таким образом, приход хорватов и сербов к императору Ираклию, войну с аварами следует рассматривать в русле соперничества дунайских “славян” (союзников авар) с антами, явившимися из областей к северу от Карпат, на помощь (или за помощью) к своим византийским союзникам. Именно переселение сербов и хорватов из областей к северу от Карпат на Балканы, ранее захваченные собственно “славянами”, следует считать настоящей “антской миграцией”, не имеющей ничего общего с маловероятным переселением носителей пеньковской культуры из Поднепровья.

Итак, к началу VI века славянское население Центральной и Восточной Европы делилось на две ветви: северную и южную, разделенные Карпатами. С известной долей условности их можно назвать “вятской” [см. предыдущий раздел гл. III § 2] и собственно “славянской”. Археологически этим группам соответствуют с одной стороны раннеславянские культуры с лепной керамикой: пражская, пеньковская и прочие группы пшеворско-зарубинецкого⁷² корня, с другой стороны — дунайские культуры с гончарной керамикой украшенной ленточным и волнистым узором, уходящие корнями в культуру римских провинций Паннонии и Дакии (славяно-аварская и Ипотешти-Киндешти-Чурел).

В лингвистическом смысле архаические “вятские” племена легли в основу будущих западных и восточных славян, а инновационные “славянские” — южных. Не следует впрочем проводить в данном случае полного тождества. В VII веке в ходе аварских завоеваний происходило взаимное перемешивание обеих ветвей. Дунайские “славяне”, носители

⁷¹ Сравни литовское *gūdas* “русский, белорус” (уст.), этимологически “гот” [Трубачев, 1997. С. 106—10].

⁷² Или позднезарубинецкого в духе концепции К. Годловского.

характерных дунайских украшений и керамики, хлынули на север от Карпат — в Чехию, Полабье и будущие восточнославянские земли [Седов, 1999. С. 183—204; 2002. С. 531—550]. “Вятские” племена сербов и хорватов, наоборот, проникли на Балканы, занеся туда множество “неюжнославянских” особенностей [Трубачев, 2002. С. 329, 365 и др.]. В ходе этих переселений происходило взаимное перемешивание и поглощение “славянского” и “вятского” населения. Более менее спокойно развитие протекало только в современной Польше, в области сложения лехитских и, в частности, польского языка, которую как бы обтекли две волны направившиеся с Дуная в Полабье и Поднепровье. Именно этим обусловлена глубокая архаичность польского, самого “славянского” (вернее праславянского) из всех славянских языков по мнению В. Маньчака [Manczak, 1997].

Где появился праславянский язык?

На данный вопрос трудно дать исчерпывающий ответ, но в рамках предложенной в данной работе концепции можно выказать следующие соображения. Поскольку этноним “славяне” представляет собой слово очевидного славянского происхождения, то имеет смысл настаивать на праславянской языковой принадлежности его первоначальных носителей. Как было показано выше, изначальными (ок. III в. н. э.) носителями этнонима **slověne* были античные паннонцы. Самые ранние события, где упоминается паннонский народ относятся к кон. IV в. до н. э. Помпей Трог писал, «галлы стали так многочисленны, что ... послали 300000 человек искать новых мест для поселения. Часть... осела в Италии; они-то и сожгли... римскую столицу. Другая часть проникла к Иллирийскому заливу, ... пробиваясь через варварские племена и осела в Паннонии. Покорив жителей Паннонии, они в течение многих лет вели войны с соседями» (Iustin, XXIV. 4. 1-5) [Юстин, 1955. С. 205]. Вторжение кельтов в Среднее Подунавье, отмечено появлением памятников латенской культуры, застало здесь с носителями т. н. восточногалыштатской культуры, которых, оче-

видно, и следует отождествлять с паннонцами [Седов, 1994. С. 100; 2002. С. 53]. Из этого вытекает, что праславянский речь на котором говорило паннонское население должен был бытовать в Среднем Подунавье по меньшей мере с гальштатского времени, то есть с начала железного века (VIII в. до н. э.).

Столь раннее бытование праславянского языка в Паннонии можно подтвердить данными сравнительного языкознания. Известно, что греки называли паннонцев “пеонами” (*Παίονες*)⁷³. Между тем этот этноним совпадает с самоназванием армян «хайк» (ед. ч. «хай»), возходящему к индоевр. **rajes* «луговые (жители)», откуда и греч. *Παίονες* и лат. *Paiones* «пеоны» [Трубачев, 2002. С. 162], что может служить указанием на тесное взаимодействие праславян и праармян, протекавшее, очевидно, в Паннонии.

Время этого взаимодействия можно определить с высокой точностью, поскольку славянское слово, обозначающее железу (**železa*) находит полное соответствие в армянском *gelj* с этим же значением. То обстоятельство, что прочие индоевропейские языки знают этот корень в более широком значении “студень, желе” (напр. лат. *gelium*), указывает на состоявшееся выделение праславянского и праармянского языков из индоевропейской общности. В дальнейшем из слова обозначающего железу развилось славянское название металла **železo* «железо». Как полатает О. Н. Трубачев, славянское название железа возникло от сходства студенистых комьев болотной руды (болотного железняка) с животными железами (Трубачев, 1991. С. 148-9). Поскольку армянский язык не знает такого развития, ученый делает вывод, что славяно-армянское языковое взаимодействие прервалось при переходе от бронзового к железному веку, начавшемуся в Паннонии со времени гальштатской культуры, чьими носителями

⁷³ Аппиан писал: “Пеоны — большой народ около Истра... пеонами их называют греки, а по-римски они — паннонии” (App. Hist. Rom. III. 3)

были предки “собственно славян” — паннонцы. Отсюда вытекает, что праславянская речь звучала на Среднем Дунае уже на рубеже II – I тыс. до н. э.

Основные выводы

По итогам главы можно сделать следующие выводы:

1. Появляющиеся в источниках одновременно со “славянам” т. н. анты, не могут считаться “славянами” (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) в прямом смысле этого слова. Несмотря на единый со “славянами” язык, они были совершенно самостоятельным и обособленным праславянским этносом. Анализ источников позволяет отождествлять их с теми же восточноевропейскими племенами, которые были известны авторам I – II вв. под именем венедов. Археологическим эквивалентом антов следует считать все раннеславянские культуры с лепной керамикой, лежащие к северу от Карпат — в том числе пражско-корчкскую и пеньковскую, которые принято соотносить со “славянами” и антами соответственно. Последнее неверно, поскольку дунайских “славян” следует отождествлять с населением подунайских культур с круговой посудой, продолжающей традиции провинциально-римского ремесла.

2. Анты ни в коем случае не называли себя “славянами”, но обладали собственным праславянским самоназванием. Анализ “Повести временных лет”, где подобно источникам VI – VII вв., отмечены следы различения собственно “славян” и т. н. “ляхов”, позволяет видеть в последних сохранившиеся к началу II тыс. н. э. остатки венетов и антов. Название восточнославянского племени “от ляхов” — вятичей, а также родственные имена удмуртов (вотяков) и вятичей (русского населения Вятки), позволяют отождествить самоназвание антов с праславянской формой этнонима “венеты” (с корнем **vet-*, имеющем в славянском значении “бóльший”). Это самоназвание передавалось византийцами в графической форме *Ἄνται / Antes*. Последняя впервые упоминается в качестве названия кав-

казского народа (этноним “адыге”?) и, вероятно, имеет индоиранскую этимологию (*ant- “край”). В силу фонетической близости оно было перенесено византийскими авторами на “вятскую” часть праславян, заменив малознакомое греческой письменности имя *Ὀυ̅ενέδαί* “венеды” (Ptol. Geogr. III).

3. В момент появления самоназвания славян в античных памятниках, праславяне не представляли собой единой общности, распадаясь на две части: собственно “славянских” носителей этнонима **slověne* в Подунавье (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) и “вятские” племена к северу и востоку от Карпат (*Ἄνται, Antes*). В более ранней античной письменности они были известны под именами паннонцев и венетов соответственно. Лингвистический материал свидетельствует, что в лице первых мы имеем центральную, инновационную часть праславянства, находившуюся с рубежа нашей эры под властью Рима, в то время как вторые представляли его периферийную, архаическую ветвь, лежавшую за пределами античной цивилизации. Современное триединое славянство (восточная, западная и южная группы) образовалось в ходе слияния “славянских” и “вятских” племен, начавшегося в ходе Великого переселения народов, когда был сломан разделявший их римский лимес. Что касается вопроса о первичности каждой ветви, то ряд славяно-армянских языковых схождений позволяет утверждать, что праславяне обитали в Паннонии уже на рубеже бронзового и железного века, что может указывать на Среднее Подунавье как на место зарождения праславянского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В строгом смысле история славян начинается с появления самоназвания “славяне”, поскольку до этого можно говорить только о “предках славян”, “праславянах” и пр. Время и обстоятельства такого возникновения можно только реконструировать, поскольку относительно позднее появления этнонима **slověne* (*Σκλαβηνοί, Sclaveni*) в античной письменности именно в силу ее иноязычия не может служить указанием на то, когда это имя появилось в речи самих славян⁷⁴, а современных источников на (пра)славянском языке вообще не существовало.

Древние славянские предания единогласно выводят славян со среднего Дуная (Паннония), откуда они расселились под натиском неких “волохов”. “Дунайскую легенду” легко опровергнуть, опираясь на показания античных источников, что и делалось бесчисленное количество раз, однако при этом упускается из виду то обстоятельство, что в “Повести временных лет” речь ведется вовсе не о славянах в современном значении этого слова: летописные “славяне” в первую очередь не что иное, как особый народ, живущий на Дунае и упоминающийся наряду с другими (славянскими) народами, называвшимися своим именами, отличными от имени славяне, но отчетливо понимавшими, что их язык — “славянский”, а не польский, либо чешский. Иными словами, выводя все славянские племена из Подунавья, летопись просто пытается таким “библейским” способом выразить их родство с дунайскими собственно “славянами”.

Рассматривая совокупность имеющихся в нашем распоряжении источников с этой точки зрения, мы пришли к следующим заключениям:

⁷⁴ Например, самоназвание китайцев *хань-цзу* до сих пор не появилось в русском языке, несмотря на то, что сами китайцы появились уже не только в Благовещенске и Хабаровске, но и в Москве.

1. Нет оснований считать, что имя славян искони служило самоназванием всех, кто говорил на (пра)славянском языке. Напротив, “славянами” изначально именовалось только особое праславянское “племя”, жившее на среднем Дунае. Венгерское завоевание Паннонии (кон. IX– нач. X вв.) раздробило дунайских “славян” на несколько частей, которые спустя несколько столетий обособились друг от друга, сохранив при этом самоназвания, восходящие к древнему имени **slověne* “славяне” : словаки, словенцы, славонцы. Ряд свидетельств, в первую очередь лингвистических, позволяют отнести сюда и новгородских словен и поморских словинцев, вероятно выселившихся из Паннонии в еще более раннее время, возможно — под натиском авар.

2. Нет каких-либо убедительных доказательств прихода паннонских “славян” на Дунай откуда либо извне: в лице “собственно славян” мы сталкиваемся с прямыми потомками римского провинциального населения Среднего Подунавья, известного в античных источниках под именем паннонцев. Типологические связи этнонима **slověne* доказывают, что он возник в эпоху Римской империи и на ее территории в качестве своего рода негативного “отражения” имени римлян (праслав. **volxi* “волохи, Romani”). “Славянами”, то есть “людьми, говорящими на своем (а не латинском) языке”, называло себя автохтонное праславянское население дунайских провинций, не подвергшееся романизации. Появление самоназвания “славяне” нужно датировать концом II — III вв., когда вследствие изменений в порядке набора в римские войска на дунайской границе, коренное население Паннонии превратилось в сплоченную “военно-крестьянскую” общность, противостоящую остальному (латиноязычному) населению империи.

3. Собственно “славяне” представляли собой только одну из двух, а именно дунайскую ветвь праславян. Праславянское же население, жившее за пределами Среднего Подунавья, к северу и востоку от Карпат, называло

себя именем, образованным от корня **vet-* “вят-”. Условно северную часть праславян следовало бы называть “вятской”, древние авторы знали эти племена под именами венедов и антов, остатки их еще на исходе I тыс. н.э. выделяются из прочих славян под именем “ляхов”, причем одно из ляхских племен — вятичи, сохранило в своем названии древний этноним “неславянских” праславян, отразившийся также в гидрониме Вятка и этнониме “удмурты”.

Итак, коль скоро имя “славян” появляется на Дунае в римскую эпоху, мы можем, вслед за древними славянскими источниками заявить, что Паннония (Среднее Подунавье) является родиной славян и здесь же в бурную эпоху “кризиса III века” начинается их история, не забывая при этом о первоначально “узком” значении родового для всех современных славян имени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аппиан Александрийский*. Римская история / Пер. с древнегреч. М., 1998. 726 с.
2. «*Великая хроника*» о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв.: (Перевод и комментарии) / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987. 264 с.
3. *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / Текст, пер. Г. Э. Санчука. М., 1975. 272 с.
4. *Властелины Рима*. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1992. 348с.
5. *Гельмольд*. Славянская хроника / Пер. Л. В. Разумовская. М., 1963. 229 с.
6. *Геродиан*. История императорской власти после Марка / Пер. А. И. Доватур. СПб., 1995. 278 с.; М., 1996. 268 с.
7. *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1993. 599 с.
8. *Голб Н. Прицак О*. Хазаро-еврейские документы X века / Науч. ред., послеслов. и коммент. В. Я. Петрухина. М., Иерусалим, 1997. 239 с.
9. *Гръцки извори за българската история* . Т. I—III. София, 1954—1960.
10. *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук. Т. 7. СПб., 1861. №1. С. 5—89
11. «*Дорожник*» аббата Николая // ДГ 1999. М., 2001. С. 369—415.
12. *Житие* святого Северина (с приложением оригинального латинского текста) / Перевод с латыни, вступ. статья, комментарии А. И. Донченко. СПб., 1998. 366 с.
13. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. 212 с.
14. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Текст, пер. Е. Ч. Скржинской. 2-изд. исп. доп. СПб., 1997. 505 с.
15. *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Текст, пер. Г. Э. Санчук. М., 1962. 296 с.

16. *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. 134 с.
17. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий. Под ред Г. Г. Литаврина. М., 1989. 496с.
18. *Латински извори за българската история.* Т. I – II. София, 1953—1960.
19. *Повесть временных лет.* Ч.1.: Текст и перевод Д. С. Лихачева. М.–Л., 1950. 406 с.; 2-е изд. исправл. и дополн. СПб., 1996. 624.
20. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. 516 с.
21. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чкаловой. М., 1993. 570с.
22. *Римские историки IV века.* Евтропий, Аврелий Виктор, Евнапий / Пер. с лат. М., 1997. 379 с.
23. *Светоний Транквилл, Гай.* Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1988. 512 с.
24. *Свод древнейших письменных известий о славянах.* 2-е изд., испр. Т. 1: I – VI вв. М., 1994. 470 с.
25. *Свод древнейших письменных известий о славянах.* Т. 2: VII – IX вв. М., 1995. 588 с.
26. *Страбон.* География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. 941с.
27. *Тацит Корнелий.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Сочинения / Пер. с лат. М., 1969. Т. 2. С. 358—73.
28. *Феофилакт Симокатта.* История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996. 272 с.
29. *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. 2-е изд. СПб., 2000. 381 с.
30. *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита / Текст, пер. О.А. Акимовой. М., 1997. 320с.
31. *Хождение на Флорентийский собор неизвестного Суздальца* // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 137—51.

32. *Цезарь* Гай Юлий. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. и коммент. М.М. Покровского. М., 1993. 539 с.

33. *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1991. 286 с.

34. *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога *Historiae Philippicae* // ВДИ. 1954. № 2. С. 203—52; № 3. С. 191—251; № 4. С. 187—239; 1955. № 1. С. 197—243.

35. *Anon. Gest. Hung.* — Anonymi gesta Hungarorum // SRH. Vol. I.

36. *Appian. Hist. rom.* — Appiani historia romana / Ed. P. Viereck, A. G. Roots. Vol. I—II. Lipsiae, 1962.

37. *Aur. Vict. Hist.* — Sexti Aurelii Victoris historia Romana / Ed. stereot. Tauchitiana. Lipsiae, 1871.

38. *Boguch. Chron.* — Boguchwali Chronica Polonica // Monumenta Poloniae Historica. Nov. ser. T. 2. Kraków, 1952.

39. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* // Wolfraw H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* Wien; Köln; Graz, 1979. S. 34—58.

40. *Dalim. Chron.* — Dalimilova chronika česká / Ed. V. Hanka. Praha. 1851.

41. *Dio Cass.* — Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum que supersunt / Ed. U. Th. Boissevain. V. I—V. Berolini, 1895—1931.

42. *Eugipp. V. Sev.* — Eugippii Vita sancti Severini // MGH Auctores antievissimi. XII. I / Ed. H. Sauppe. Berolini, 1877. P. 1—30.

43. *Golb N. Pritzak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Cambridge (Mass.), 1982. 168 p.

44. *Herod. Hist.* — Herodoti historiae / Rec. C. Hude. Vol. I—II. Oxonii, 1912.

45. *Herodian. Hist.* — Herodianus. Historia ab exessu divi Marci libri octo / Ed. C. R. Whittaker. London, 1969.
46. *Jord. Rom., Get.* — Iordanis Romana et Getica // MGH Auctores antiquissimi. Vol. I. Berolini, 1882. P. 1—200.
47. *Lemerle P.* Le plus anciens recueils des Miracles de saint Demetrius. V. I. Le Texte. P., 1979; V. II. Commentaire. P., 1981.
48. *Magna Moraviae fontes historici.* Vol. I – V. Brno, 1967–76.
49. *Marc. com. Chron.* — Marcellini V. C. Comitis Chronicon // MGH. Auctores anticvissimi. XI. I. (Chronica minora II). Berolini, 1893. P. 39—104
50. *Men.* — Menander Protector. The history of Menander the Guardsman / Introd. essey, text, trans. and hist. notes R. C. Blockley. Liverpool, 1985. 307 c.
51. *Paul. Diac. Hist.* — Pauli Diaconi historia Langobardorum // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI-IX / Ed. L. Bethham, G. Waitz. Hannoverae, 1878.
52. *Plezia M.* Najstarsze swiadectwa o słowianach. Poznań, 1947.
53. *Plezia M.* Greckie i lacińskie źródła do najstarszych dziejów słowian. T. I. Poznań–Kraków, 1952.
54. *Pomp. Mela* — Pomponius Mela. Chorographie / Texte établi et trad. et annot. Par A. Silbermann. Paris, 1971 – 1989. 346 p.
55. *Pomp. Trog.* — Iuliani Iustini Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi / Ed. O. Seei. Lipsiae, 1935.
56. *Pramene* k dejinám Vel'kej Moravy / Vyd. P. Ratkoš. Bratislava. 1964. 459 c.
57. *Prisc.* — (Blockley R. S.) The fragmentary classicizing historians of the later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. I-II. Liverpool, 1981 – 83. P. 222—378.
58. *Proc. Caes.* — Procopii Caecariensis opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Vol. I – IV. Lipsiae, 1962 – 64.
59. *SHA* — Scriptores historiae augustae / Ed. E. Hohl. Vol. I – II. Lipsiae, 1955.

60. *Strabo* — (Jones H. L.) The geography of Strabo. With an English translation. I – VIII. London, 1917 – 32.

61. *Tac.* — P. Cornelii Taciti libri que supersunt / Ed. E. Koestermann. Bd. I-II. Lipsiae, 1961 – 62.

62. *Testimonia* najdawniejszych dziejów słowian. Seria grecka. Wyd. A. Brzóstkawska i W. Swoboda. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1989.

63. *Theoph. Sim.* — Theophilacti Simocattae Historia / Ed. C. de Boor, re-ed. P. Wirth, Stuttgart, 1972.

64. *Vinc. Chron.* — Magistri Vincentii episcopi cracovoensis Chronica Poloniarum sive origine rerum et principium Poloniae // Monumenta Poloniae historica, ed. A. Bielowski. Vol. 2. Lwow. 1852.

65. *Zos. Hist. nov.* — Zosimi comitis et exadvocati fisci historia nova / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887; Zosimus. Histoire nouvelle / Texte établi et trad. par François Paschard. Paris, 1971 – 1989.

66. *Авенариус А.* Ранние славяне в Среднем Подунавье: автохтонная теория в свете новых исследований // Славяноведение. 1993. №2. С. 27—40.

67. *Агеева Р.А.* Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. 256 с.

68. *Акимова О. А.* Этническое и культурное самосознание хорватов в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 138—56.

69. *Акимова О. А.* Развитие этнического самосознания хорватов в XII – XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 130—51.

70. *Амброз А. К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 5—12.

71. *Артамонов М. И.* Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура // Археология. София, 1969. С. 25—32.

72. *Археология Венгрии: конец II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.* М., 1986. 348 с.

73. *Аулих В.В.* Зимновское городище и его место среди раннеславянских археологических памятников // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 68—77.

74. *Балинт Ч.* Введение в археологию авар // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1994. С. 38—87.

75. *Баран В.Д.* Давні слов'яни. Київ. 1998. 335 с.

76. *Баран В. Д.* Венеди, склавини та анти у світлі археологічних джерел // Проблемы славянской археологии. М., 1997. С. 154—61.

77. *Бирнбаум Х.* Праславянский язык / Пер. с англ. М., 1986. 512 с.

78. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи великого переселения народов. М., 2000. 544 с.

79. *Буданова В.П.* Великое переселение народов: Этнополитический и социальный аспект. М., 1999. 345 с.

80. *Булкин В.А.* «Ретроспектива» происхождения славян в отечественной археологии 60-90х гг. XXв. // История и культура древних и средневековых обществ. Спб., 1998. С. 178—86.

81. *Вакуленко Л. В. Приходнюк О. М.* Этнокультурные процессы в Карпатском бассейне и Подунавье в период раннего средневековья (V – VII вв.) // Славяне и Русь: (В зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 79—98.

82. *Васильев М. А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. №2. С. 3—20.

83. *Васильев М. А.* Славяне и анты: к проблемам этногенетических и этноисторических процессов в славяноязычном мире // Славяноведение. 1993. №2. С. 7—14

84. *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999. 325 с.

85. *Васильев М. А.* Этногенетические и раннеисторические процессы в славяноязычном мире в позднеимперское и раннесредневековое время: анты

и словене // Славяно-германские исследования. Т. 1 – 2. М., 2000. С. 412—35.

86. *Великая Моравия*. Ее историческое и культурное значение. М., 1985. 287 с.

87. *Вернер Й.* К происхождению и распространению антов и склавенов // СА, 1972. №4. С. 102—15.

88. *Виноградова А. М., Мельникова Г. П., Шушарин В. П.* К проблеме этнического самосознания словаков // Развитие, 1989. С. 233—44.

89. *Витчак К.Т.* Из проблематики древних славянских племен. 1. Этноним *Fresiti* Баварского географа и его локализация // Этимология, 1988—1990. М., 1992. С. 28—36.

90. *Габовицкая А.* Проблема происхождения славянского языка с точки зрения лексики // Советское славяноведение, 1981. №5. С. 61—76.

91. *Гавритухин И. О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Приднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 127—42.

92. *Гавритухин И.О.* Хронология пражской культуры // Труды, 1997. С. 39—52.

93. *Гильфердинг А. Ф.* Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1862. 191 с.

94. *Гиндин Л. А.* К хронологии и характеру славянизации Балканского полуострова // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52—96.

95. *Гиндин Л. А.* Население гомеровской Трои: Историко-филологическое исследование по этнологии древней Анатолии. М., 1993. 209 с.

96. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. 464 с.

97. *Гончарова Н.Н.* Население новгородской земли по данным антропологии // Труды, 1997. С. 53—63.

98. Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963. 143 с.

99. Грацианская Н.И. Этнографические группы мораван. К истории этнического развития. М., 1975. 175 с.

100. Грацианская Н. Н. Проблемы раннесредневековой этической истории Словакии // Романия и Барбария. М., 1989. С. 116—30.

101. Грацианская Н. Н. Словаки: к проблемам этнокультурной истории. М., 1994. 204 с.

102. Грацианская Н. Н. Мораване Чешской республики // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 53—73.

103. Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Сев. Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Сев. Причерноморья. М., 1981. С. 47—66.

104. Гудкова А. В. Группа венедов в низовьях Дуная // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян. М., 1993. С. 89—97.

105. Десницкая А. В. Албанская литература и албанский язык. М., 1987. 286 с.

106. Десницкая А. В. Типы лексических взаимосвязей и вопросы образования балканского языкового союза // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 131—50.

107. Дмитриев А. Д. Движение *latrones* как одна из форм классовой борьбы в Римской империи // ВДИ, 1951. №4. С. 61—72.

108. Дмитриев А. Д. Движение скамаров // ВВ, 1952. Т.5. С.3—14.

109. Дуличенко А. Д. Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 151—61.

110. Дуриданов И. Выступление // IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Языкознание. Киев, 1986. С. 28.

111. *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Праславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 65—88.

112. *Железнова А.* Босния под османской властью в XV—XVII вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 162—84.

113. *Зализняк А. А.* Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36—153.

114. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднепраславянского языка // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 164—77.

115. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 11—44.

116. *Иванов Вяч. Вс.* Диалектное членение славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие, 1982. С. 212—36.

117. *Иванов Вяч. Вс.* Латынь и славянские языки. Проблема взаимодействия // Развитие, 1989. С. 25—35.

118. *Иванов Вяч. Вс.* Проблемы этнического самосознания словенцев. II // Там же. С. 165—81.

119. *Иванов С. А.* Оборона Византии и география “варварских” вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ, 1983. Т. 44. С. 27—48; 1984. Т. 45. С. 35—53.

120. *Иванов С. А.* Болгарская апокрифическая летопись как памятник этнического самосознания болгар // Развитие, 1989. С. 70—77.

121. *Иванов С. А.* Откуда начинать этническую историю славян? (По поводу нового труда польских исследователей) // Сов. славяноведение, 1991. №5. С. 3—13.

122. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. 2-е изд. Београд, 1986. 327 с.

123. *Исаевич Я. Д.* Грады червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (кон. IX – нач. XI в.) // Исследования по истории славянских и балканских народов: Эпоха средневековья. М., 1969. С. 146—63.

124. *Исаевич Я. Д.* Висляне и лендзяне в IX – X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 156—70.

125. *История Албании.* М., 1967. 367 с.

126. *История Древнего Востока.* Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. М., 1988. 623 с.

127. *История Европы.* С древнейших времён до наших дней. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. 704 с.

128. *Кланица З., Тржешттик Д.* Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности: (Южные и западные славяне, VI – XII вв.). М., 1991. С. 7—26.

129. *Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973. 167 с.

130. *Ковачевич Ђ.* Аварски каганат. Београд, 1977. 239 с.

131. *Кожановский А. Н.* Этнические процессы в современной Басконии // Расы и народы. М., 1978. №8. С. 237—52.

132. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I – III вв. М., 1973. 255 с.

133. *Колосовская Ю. К.* Некоторые вопросы взаимоотношения Римской империи с варварским миром // ВДИ, 1996. №2. С. 146—66.

134. *Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н. э. М., 2000. 287 с.

135. *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи // Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 24—31.

136. *Королюк В. Д.* Термин “Волошская земля” в раннесредневековых письменных источниках // Этническая история восточных романцев. М., 1979. С. 5—17.

137. *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. 240 с.
138. *Корсунский А. Р.* Движение багаудов // ВДИ, 1957. № 4. С. 71—87.
139. *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984. 254 с.
140. *Краткая история Венгрии.* М., 1991. 608 с.
141. *Краткая история Чехословакии.* М., 1988. 576 с.
142. *Крысько В. Б.* Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 367—81.
143. *Кудрявцев О. В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. 411 с.
144. *Кулаков Б.И.* [Рецензия] на кн.: Balint Cs. *Südungarn im 10 Jahrhundert.* В. 1991. 263 s. // РА, 1993. №1. С. 245—46.
145. *Куркина Л.В.* Некоторые вопросы формирования южных славян в связи с паннонской теорией Е. Копитара // Вопросы языкознания, 1981. №3. С. 85—97.
146. *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна, 1992. 260 с.
147. *Лебедев Г. С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 105—15.
148. *Ле Бозк Я.* Римская армия эпохи ранней империи / Пер. с франц. М., 2001. 400 с.
149. *Литаврин Г. Г.* Славинии VII – IX вв. — социально-политические организации славян // Литаврин Г. Г. Византия и славяне (сборник статей). СПб., 1998. С. 518—27.
150. *Литаврин Г. Г.* О двух Хильбудах Прокопия Кесарийского // Там же. С. 549—56.

151. *Литаврин Г. Г.* Известия Менандра Протиктора об отношениях аваров и славян // Там же. С. 557—68

152. *Литаврин Г. Г.* О походе аваров в 602 г. против антов // Там же. С. 569—78.

153. *Макаров Л. Д.* Удмурты в истории Вятской земли // Историческое познание: традиции и инновации. Ч. 1. Ижевск, 1995. С. 83—92.

154. *Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X – XV вв.: Учебное пособие. Ижевск, 2001. 141 с.

155. *Максимов Е. В.* Хронология и периодизация позднезарубинецкой эпохи // Труды, 1997. С.140—53.

156. *Малингудинис Ф.* К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария // ВВ, 1991. Т.51. С. 86—91.

157. *Маројевић Р.* Старословенские студије. Београд-Крагуевац, 1999. 158 с.

158. *Мартынов В. В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. (К проблеме прародины славян). Минск, 1963. 250 с.

159. *Мартынов В.В.* Праславянский язык и его место в западнобалтском диалектном континууме. Минск, 1988. 49 с.

160. *Мартынов В. В.* Славянский, италийский, балтийский (глоттогенез и его верификация) // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1988. С. 37—44.

161. *Мартынаў В.* Прападзізма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мэнск, 1998. 184 с.

162. *Мартынова М.Ю.* Хорваты. Этническая история XVIII – XIX вв. М., 1988. 163 с.

163. *Матвеева Г.И.* Некоторые итоги изучения имениковской культуры // Труды, 1997 С.206—17.

164. *Махлаюк А. В.* [Рецензия] на кн.: Колобов А. В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней империи). Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1999. 86 с. // ВДИ, 2002. №3. С. 116—30.

165. *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 31—52.

166. *Мачинский Д. А.* Территория “Славянской прародины” в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н. э. – XI в. н. э. (контуры концепции) // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 120—30.

167. *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.1. М., 1993. 528 с.

168. *Мишин Д. Е.* Немцы, саксы и сакалиба у Ал-Мас'уди // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 136—43.

169. *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. 368 с.

170. *Мурьянов М. Ф.* У истоков христианства у славян // Славяноведение, 1992. №2. С. 44—53.

171. *Мыльников А. С.* Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие, 1989. С. 205—16.

172. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – нач. XVIII в. СПб., 1999. 398 с.

173. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVIII – XIX вв. 2-е изд. СПб., 2000. 314 с.

174. *Мыльников А. С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. М., 1997. 176 с.

175. *Мыльников А. С.* О феномене “постэтничности”: современный взгляд на некоторые идеи Ю. В. Бромлея // ЭО. 2002. №2. С. 3—9.

176. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна / Пер. с фр. СПб., 2001. 344 с.

177. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. IX – XII вв. М., 2001. 784 с.

178. *Напольских В. В.* Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н. э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 5—18.

179. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. 257 с.

180. *Народы* зарубежной Европы. Т.1. М., 1964. 999 с.

181. *Народы* зарубежной Европы. Т.2. М., 1965. 639 с.

182. *Народы* Поволжья и Приуралья. М., 1985. 309 с.

183. *Наследкова Р.А.* Македонские славяне IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // ВВ, 1956. Т. XI. С. 82—97.

184. *Наумов Е.П.* Некоторые проблемы ранневизантийской этнонимии и этносоциальной терминологии (по материалам Хроники Малалы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С.203—10.

185. *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956. 443 с.

186. *Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ, 1994. №3. С. 23—47.

187. *Новаковић Р.* Однакле су Срби дошли на Балканско полуострво. Београд. 1978. 415 с.

188. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. 656 с.

189. *Ногмов Ш. Б.* История кабардинского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик. 1958. 426 с.

190. *Пеняк С. И.* К вопросу о времени заселения славянами Карпатского бассейна // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 68—77.

191. *Петков К.* Традиции и спомена за Кирил и Методий в България през XIII – XIV век — опит за нова интерпретация // *Paleobulgaristica*. 1993. Т. XVII. №2. С. 46—61.

192. *Петров П.* Образование на Болгарската държава. София, 1981. 398 с.

193. *Петрухин В. Я.* Три “центра” Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 145—58.

194. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. Смоленск. М., 1995. 317 с.

195. *Петрухин О. М., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. 383 с.

196. *Подосинов А. В.* Венеды в позднеантичной латинской геокартографии // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. С. 71—74.

197. *Приходнюк О. М.* К вопросу о присутствии антов в карпато-дунайских землях // *Славяне на Днестре и Дунае*. Киев, 1983. С. 180—91.

198. *Приходнюк О. М.* Анты и пеньковская культура // *Древние славяне и Киевская Русь*. Киев, 1989. С. 58—69.

199. *Приходнюк О. М.* О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // *Древности Юго-Запада СССР*. Кишинев, 1991. С. 111—23.

200. *Приходнюк О. М.* Версия Нестора о расселении славян из Подунавья / Опыт хронологической стратификации и исторической интерпретации // *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев, 1996. С. 64—79.

201. *Развитие* этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. 357 с.

202. *Развитие* этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. 350 с.

203. *Рафалович И. А.* К вопросу о времени появления первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев. 1975. С. 35—41.

204. *Ременников А. М.* Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. 148 с.

205. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9—89.

206. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. / Пер. с нем. Т. II. СПб, 2002. 412 с.

207. *Русанова И. П.* Славянские древности VI – VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. 215 с.

208. *Рыбаков Б. А.* Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 182—96.

209. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. 247 с.

210. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. 607 с.

211. *Сараджева Л. А.* Этногенез славян по данным этнонимии, топонимии и гидронимии // Ономастика Поволжья. М., 1997. С. 88—97.

212. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989. 399 с.

213. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. 156 с.

214. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI – XIII вв. М., 1982. 327 с.

215. *Седов В. В.* Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. 1990. М., 1993. С. 34—56.

216. *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994. 343 с.

217. *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. 415 с.

218. *Седов В. В.* Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999. 316 с.

219. *Седов В. В.* Русы VIII – IX вв. // Этимология. 1997–1999. М., 2000. С. 146—52.

220. *Седов В. В.* [Рецензия] на кн.: *Kazanski M. Les slavs. Les origines (1-er – VII-e siècle apres J.C.)* P. 1999. 159 p. // *РА*, 2000. №3. С. 198—202.
221. *Седов В.В.* [Рецензия] на кн.: *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie Byzance et Orient*. Paris, 2000. 411p. // *РА*, 2002. №2. С. 172—75.
222. *Седов В. В.* *Славяне: историко-археологическое исследование*. М., 2002. 624 с.
223. *Симонова Е.* Материальная культура славянского населения Сев.-Вост. Венгрии VII – XI вв. // *Central Europe*, 1997. S. 81—91.
224. *Сиротенко В. Т.* *История международных отношений в Европе во втор. пол. IV – начале V в.* Пермь, 1975. 281 с.
225. *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // *ВВ*, 1957. Т. 12. С. 50—75.
226. *Славянские языки* (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков). М., 1977. 373 с.
227. *Славяне и Русь: (Проблемы и идеи)* / Под ред. А. Г. Кузьмина. М., 1998. 483 с.
228. *Славяне и их соседи* в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993. 326 с.
229. *Славянские древности*. М., 1995. Т. 1. 576 с.
230. *Смирнов Л. Н.* Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // *Развитие*, 1989. С. 245—55.
231. *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет // *Из истории польского портрета эпохи барокко*. М., 1979. С. 5—25.
232. *Толстая С. М.* Языковая ситуация в Польше в XII – XIV вв. // *Развитие*, 1989. С. 280—96.
233. *Толстой Н. И.* Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания и славян // *Развитие*, 1982. С. 236—49.

234. *Голстой Н. И.* Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII – XIV вв. // Развитие, 1989. С. 130—51.

235. *Голстой И. И.* Сербохорватская лексика на общеславянском фоне // Избранные труды. Т. I. 1997. С. 261—70.

236. *Голстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Избранные труды. Т. III. 1999. С. 10—30.

237. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ топонимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. 270 с.

238. *Топоров В. Н.* К реконструкции древнейшего состояния праславянского // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 264—92.

239. *Топоров В. Н.* О балтийском слое русской истории // Florilegium: Сб. Статей к 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 349—411.

240. *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. Л., 1982. 143 с.

241. *Тржешич Д.* Славянские этногенетические легенды // Раннефеодальные славянские государства. София, 1991. С. 35—42.

242. *Трубачев О. Н.* О племенном названии уличи // Вопросы славянского языкознания. М., 1961. Вып. 5. С. 186—90.

243. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966. 416 с.

244. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Ловообразование, этимология, этнич. интерпретация. М., 1968. 289 с.

245. *Трубачев О. Н.* Древние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ, 1974. №6. С. 13—29.

246. *Трубачев О. Н.* Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели на *-eninъ / *-janinъ // Этимология. 1980. М., 1982. С. 3—15.

247. *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // IX Международный съезд славистов. Сла-

вянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 231—70.

248. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование. М., 1991. 269 с.

249. Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Этимология, 1988 – 1990. М., 1992. С. 2—27.

250. Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1997. 284 с.

251. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнего славянства Индоарийцы в Сев. Причерноморье // Трубачев О. Н. *Indoarica* в Сев. Причерноморье. М., 1999. С. 42—60.

252. Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, 2000. № 5. С. 4—27.

253. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян // Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистическое исследование. Изд. 2-е, доп. М., 2002. С. 282—300.

254. Трубачев О. Н. Древние славяне на Дунае: Лингвистические наблюдения. I – II // Там же. С. 310—32; 347—70.

255. Трубачев О. Н. *Slavica Danubiana continuata*: (продолжение разысканий о древних славянах на Дунае) // Там же. С. 370—91.

256. Трубачев О. Н. *SCLAVANIA* на Майне в меровингскую и каролингскую эпоху // Там же. С. 391—402.

257. Трубачев О. Н. Взгляд на проблему прародины славян (парадоксы науки и парадоксы жизни) // Там же. С. 432—43.

258. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. 408 с.

259. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах / Пер. с нем. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986 – 1987.

260. Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973. 411 с.

261. *Федорова Г. Б.* Славяне, мордва и анты: (К вопросу о языковых связях). Воронеж, 1976. 134 с.

262. *Филюшкин А. И.* Представления о славянском этногенезе у восточноевропейских средневековых авторов // Труды, 1997. С. 315—24.

263. *Флоря Б. Н.* О самосознании великоморавской народности // Развитие, 1982. С. 82—96.

264. *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991г.). Спб., 2001. 298 с.

265. *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980. 191 с.

266. *Хелимский Е. А.* К интерпретации древнерусских текстов: 1 нарци; 2 шестники // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000. С. 333—37.

267. *Хелимский Е. А.* Изучение ранних славяно-венгерских языковых отношений. (Материалы и интерпретации. Вопрос об этноязыковых контактах венгров с восточными славянами) // Там же. С. 404—15.

268. *Хелимский Е. А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции праславянского языка Паннонии // Там же. С. 416—32.

269. *Хелимский Е. А.* Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке // Там же. С. 436—51.

270. *Хелимский Е. А.* Славянское койнэ в Венгрии Арпадов и происхождение славяно-венгерских топонимов в Трансильвании // Там же. С. 462—66.

271. *Хенсель В.* Венеты, венеда и их связь с населением Северной Италии и Польши // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 158—61.

272. *Цоль-Адамикова Х.* Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников // РА. 1998. №1. С. 84—90.

273. *Чаплыгина Н. А.* Население днестровско-карпатских земель и Рим в I — начале III в. н. э. Кишинев, 1990. 186 с.

274. Черняк А. Б. Византийские свидетельства о романском (романизированном) населении Балкан V – VII вв. // ВВ. 1990. Т. 51. С. 132—152; 1992. Т. 53. С. 97—105.

275. Шавли И. Венеты: наши давние предки / Пер. со словен.. М., 2003. 160 с.

276. Шаги К. Остроготы (остготы) в окрестностях оз. Балатон // Древности эпохи великого переселения народов V – VIII вв. М., 1982. С. 50—63.

277. Шервуд Е. А. Предпосылки формирования итальянского этноса (Социально-экономический аспект в V – VI вв.) // Романия и Барбария. М., 1989. С. 25—47.

278. Штаерман Е. М. К вопросу о *dediticii* в Эдикте Каракаллы // ВДИ, 1946. №2. С. 81—88.

279. Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ, 1946. №3. С. 256—66.

280. Шувалов П. В. Славяне и германцы в Среднем Подунавье в 488/89 – 566/568 гг. // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 115—20.

281. Шувалов П. В. Славянское общество дунайского периода (469 – 604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 31—37.

282. Шустер-Шевц Г. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // ВЯ, 1983. №2. С. 33—50.

283. Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрия об этническом составе населения Восточного Прикарпатья в первой половине XIII вв. // История СССР. 1978. №2. С. 38—53.

284. Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М., 1997. 509 с.

285. Щапов М. Б. Лимонов Ю. А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI века // ДГ 1975. М., 1976. С. 194—206.

286. *Шукин М. Б.* О трёх путях археологического поиска предков славян. Поиски третьего пути // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1987. Вып. 28. С. 103—18.

287. *Шукин М. Б.* Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 56—62.

288. *Шукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III вв. до н. э. — I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1994. 323 с.

289. *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* Киев, 1985. 184 с.

290. *Яйленко В. П.* Тюрки, венгры и Киев: к происхождению названия города // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 154—68.

291. *Alföldy A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Darmstadt, 1967. 460 s.

292. *Alföldy A.* Das Heer in der Sozialstruktur der Römischen Keiserreichs // Idem. Römische Heergeschichte. Beitrage 1962 — 1985. Amsterdam, 1987. S. 26—48.

293. *Allieres J.* Les Basques P. 1986. 127 p.

294. *Awenarius D.* Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974. 283 s.

295. *Birkley A.* Septimius Severus. The African Emperor. New York, 1972. 314 p.

296. *Birnbaum H.* The Slavic Settlemert in the Balkans and the Eastern Alps // Byzantine Studies, 1992. P. 1—13.

297. *Borkovský J.* Staroslovanská keramika ve Středni Evrope. Praha, 1940. 259 s.

298. *Borzsak I.* Die Kentnisse des Altertums über das Karpatenbeken. Budapest, 1936. 52 s.

299. *Central Europe in 8th — 10th Centuries.* Bratislava., 1997. 283 p.

300.*Comşa M.* Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Awaren und Slawen im 6–7. Jahrhundert // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6–10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 63—74.

301.*Čović B.* Die Ethnogenese der Illirier aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Stuttgart; New York, 1986. S. 209—24.

302.*Der kleine Pauly* Lexikon der Antike. Bd. 1–5. Stuttgart, 1964—1975.

303.*Dorul'a J.* Linguistisch-historischer Beitrag zur Frage der Selbstbenennung von Slowaken im Rahmen ihrer Ethnogenese // *Central Europe*, 1997. S. 181—83.

304.*Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // *Byzanz im 7. Jahrhundert*. Berlin, 1978. S. 73—160.

305.*Fulep F.* Sophiane. The history of Pecs during the Roman era and the problem of the continuity of the late Roman populations. Budapest, 1984. 392 p.

306.*Fusek G.* Slovensko vo včasnოსlovanskom období. Nitra, 1994. 383 c.

307.*Gavazzi M.* Zapadni-panonski slovenski pojas u davnini (Prolegomena) // *Etnografia polska. III*. Wrocław, 1960. S. 11—46.

308.*Godłowski K.* Z badan nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V – VII w. n. e. Kraków, 1979. 227 s.

309.*Godłowski K.* Wschodnia koncepcja pierwotnych siedzib Słowian // *Spór o Słowian*. Warszawa, 1986. S. 41—52.

310.*Godłowski K.* Pierwotne siedziby Słowian. Kraków, 2000. 436 s.

311.*Gomoulka G.* Bemerkungen zur Situation der spätantiken Städte und Siedlungen in Nordbulgarien und ihrem Weiterleben am Ende das 6. Jahrhundert // *Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz*. Berlin, 1976. 92—107 s.

312.*Gołab Z.* The origins of the Slavs. A linguistics view. Columbus, 1991. 321 p.

313.*Habovštiak A.* Najvyraznejšie lexicálne arealy v slovenských nárečiah // *Jazykovedné studie*. Bratislava, 1969. Sv. 10. S. 220—27.

314.*Habovštiak A.* K Slovenskí nárečia z lexikálneho hľadiska // *Studia Aa-*

cademika Slovaka. Prednášky XI. Ietného seminara slovenského jazyka a kultury. Bratislava, 1975. S. 67—79;

315. *Habovštiak A.* K otázke genezy slovenskýh nářečij // *Slavica Slovaca*. 1978. 1. S. 43—56.

316. *Itkonen E.* Die Herkunft und Vorgeschichte der Lappen im Lichte der Sprachwissenschaft // *Ural-Altäische Jahrbuch*. 1955. Bd. 27. № 1/2. S. 32—44.

317. *Јанковић М. и Ђ.* Словени в југословенском Подунављу. Београд, 1990. 149 с.

318. *Јанковић Ђ.* Словенске особиче насеља позноримског доба на југоистоку Паноније // *Труды*. III. С. 362—75.

319. *Katičić R.* “Slověnski” i “hrvatski” kao zamjeđivi nazivi // *SSH*. 1990. №36 / 1—4. S. 207—13.

320. *Kazanski M.* Les slavs. Les origines (I-er – VII-e siècle apres J.C.) P. 1999. 159 p.

321. *Kiparsky V.* Wie haben die Ostseefinnen die Slaven kennengelernt? // *Commentationes fennougricae in honorem P. Ravila*. Helsinki. 1962. S. 223—30.

322. *Kiss A.* Die Stellung der Keszthely-Kultur in der Frage der römische Kontinuität Pannoniens // *JPMÉ*, 1967. S. 49—59.

323. *Kovrig I.* Contribution aux problems de l’occupation de la Hongrie par les avars // *AASH*, 1955. T. VI. P.163—92.

324. *Kovrig I.* Megjegyzések a “Keszthely-Kultúra” kérdéséhez (Remarks on the question of the Keszthely Culture) // *AÉ*, 1958. T. 85. S. 66—74.

325. *Kovrig I.* Újabb kutatások a keszthely avarkori temetőben (Neue Forschungen im frümittelalterlichen Gräberfeld von Keszthely) // *AÉ*, 1960. T. 87. S. 136—68.

326. *Krahe H.* Unsere ältesten Flüssnamen. Wiesbaden. 1964. 123 s.

327. *Krajčovič R.* Kontinuität in der Entwicklung der Sprache der alten Slověnen im 5. – 10. Jahrhundert im Karpatenbecken // *Central Europe*, 1997. S. 184—89.

328. *Krivošić S.* Zagreb i njego stanovištvo od najstarijih vremena do sredine XIX stoljeca. Zagreb, 1981. 226 c.

329. *Kronsteiner J.* Zur Etymologie der Bezeichnung *NĚMBCI* "Die Deutschen" // *Onomastica Jugoslavica*, 1982. Vol. 9. S. 237—41.

330. *Kučerová K.* Zur Frage der ethischen und politischen Namengebung der Slowaken // *Ethnologia Slavica*, 1990. XXII. S. 205—14

331. *Kunstmann H.* Die Slawen. Ihr Name, ihre Wanderung nach Europe und die Anfänge der russischen Geschichte in historisch-onomastischer Sicht. Stuttgart, 1996. 267 s.

332. *Kurnatowska Z.* Słowiańszczyzna południowa. Wrocław etc., 1977. 256 s.

333. *Lehr-Splawiński T.* O pochodzeniu i praojczyźnie słowian. Poznań, 1946. 238 s.

334. *Mačala P.* Ethnogeneza slovanov v archeologii. Košice, 1995. 167 s.

335. *Macrea M.* Les daces á l'epoque romaine á lá lumier des récientes fouilles archeologiques // *Dacia*, 1957. Vol. 1. P. 205—21.

336. *Madgearu A.* About *Lacus Mursianus* (Jordanus Getica. 30 and 35) // *ByS*. LVIII. 1. 1997. S. 87—89.

337. *Magyarország története*. L. I: Előzmények és magyar történet 1242-ig. Budapest, 1984. 888 o.

338. *Mańczak W.* Przedhistoryczne migracje Słowian // *Труды*, 1997. С. 198—205.

339. *Mazal O.* Justinian I. und zeine Zeit: Geschichte und Kultur des Byzantinischen Reiches im 6. Jahrhundert. Köln etc., 2001. 764 s.

340. *Mócsy A.* Die Bevölkerung von Pannonien bis zu Markomannen-riegen. Budapest, 1959. 276 s.

341. *Müller R.* Die spätrömische Festung Valcum am Plattensee // *Germanen, Hunnen und Awaren*. Nürnberg. 1987. S. 270—73.

342. *Müller R.* Die Umgebung des Zala Flusses in 8.—10. Jahrhundert // *Central Europe*, 1997. S. 74—91.

343. *Napolskih V.V.* Die Vorslaven in unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausend unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnish-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19 Hamburg, 1996. C. 97—106.

344. *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. Praha, 1902—1904. Dil. 1—3.

345. *Novaković R.* Baltički sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985. 180 c.

346. *Orel V.* Albanian etimological dictionary. Leiden etc., 1998. 670 p.

347. *Ørsted P.* Roman imperial economy and romanization. A study in Roman imperial administration and the public lease system in the Danubian provinces from the 1st – 3^d centuries A. D. Copenhagen, 1985. 415 p.

348. *Pająkowski W.* Die Illirier: Illyri proprie dictu: Geschichte und Siedlungsgebiete. Versuch einer Reconstruction. Poznań, 2002. 336 s.

349. *Pantelić S.* Die neue Version der Migrationen der Kroaten, Duleben und Wolinjanen // Труды, 1997. C.242—50.

350. *Pohl W.* Die Gepiden und die Gentes an der Mittleren Donau nach dem Zerfall der Attilareiches // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien, 1980. S. 239—305.

351. *Pohl W.* Die Awaren: Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567—822 n. Chr. München, 1986. 529 s.

352. *Popović I.* Quel était le peuple pannonien qui parlait *μεδος* et *strava*? // СРВИ. VII., 1961. C. 197—226.

353. *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław etc., 1991. 174 s.

354. *Poulik J.* Staroslovánské mohylové pohřebište v Přitlukách na Morave // Archeologické rozhledy. Praha, 1951. III. 2/3. S. 27—52.

355. *Praojczyzna Słowian* / Pod. red. W. Mańczaka. Kraków, 2001. 48 s.

356. *Řepa M.* Moravané nebo češi? Vývoj českého nár. vědomí na Moravě v 19. Století. Brno, 2001. 221 s.

357.*Rospond S.* Etnogeneza stowian w świetle terminologii topograficznej // *Onomastica Jugoslavica*. Vol. 9. 1982. S. 107—20.

358.*Schafarik J.* Slavische Alterhümen / Deutsch von Moris von Aehrenfeld. Bd. I—II. Leipzig, 1843—1844.

359.*Schilling K.* Der neuer Hannibal: Lucius Septimius Severus in der Sicht der deutschesprachigen Altertumswissenschafts. Marburg—Lahn, 1991. 360 s.

360.*Schramm G.* Anfaenge des albanischen Christentums. Die fruehe Bekehrung der Bessen und ihre langen Folgen. Freiburg, 1994. 311 s.

361.*Schramm G.* Venedi, Antes, Sclaveni, Sclavi: Fruehe Sammelbeziehungen fruere slawische Staemme und ihre geschichtlicher Hintergrund // *Jahrbucher fuer Geschichte Osteuropas*, N. F. Bd. 43, H. 2, 1995. S. 56—74

362.*Schramm G.* Völker in Attila Reich: Hunnen, Pannonien, Germanen // *Schramm G.* Ein Damm bricht. Die römische Donaugrenze und die Invasionen des 5–7. Jahrhunderts. München, 1997. 397 s.

363.*Schuster-Šewc H.* Die späturnslawischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Isoglossenstruktur des Sorbischen (Ein Beitrag zur Dialektologie der Späturnslawischen) // *Lětopis*, 1998. Bd. 45. № 1. S. 31—50.

364.*Sorlin I.* Slaves et Sclavènes avant et dans les miracles de saint Démétrius // *Lemerle P.* Les plus anciens recueils. Appendice II. Vol. II. P. 231—32.

365.*Sós A.* Die slawische Bevölkerung Westungarns im 9. Jahrhundert. München, 1973. 210 s.

366.*Sós A. Salamon Á.* Cemeteries of the Early Middle Ages (6th – 9th centuries) at Pókaszpetk. Budapest, 1995. 273 p.

367.*Štefanovičevá T.* Slavic settlement of Greece in the light of archeological sources // *Труды*, 1997. С. 352—61.

368.*Steinhubel J.* Nitraer Fürstentum und der Untergang Grossmährens // *Central Europe*, 1997. S. 200—06.

369.*Stelmachowska B.* Słowińcy i ich kultura. Poznań—Słupsk, 1963. 155 s.

370. *Strobel K.* Das Imperium Romanorum im "3. Jahrhundert": Modell einer historischen Krise? Stuttgart, 1993. 408 s.
371. *Szádadeckzy-Kardoss S.* Scamarae // RE. Suppl. 11. 1968. K. 1239—242.
372. *Szádadeckzy-Kardoss S.* Avarica. Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. Szeged, 1986. 279 s.
373. *Szóke B.* Die beziehungungen zwischen dem Ostalpenraum und Westungarn in der ersten hilfe des 9. Jahrhunderts (Frauenschnuck) // Awarenforschungen. Bd. 2. Wien, 1992. S. 841—68.
374. *Szymański W., Dąbrowska E.* Awarzy. Węgrzy. Wrocław etc., 1979. 259 s.
375. *Teodor D. Ch.* Éléments slaves des VI – VII siècles ap. J. C. au nord du bas Danube // Труды, 1997. С. 298—307.
376. *Toynbee J. M. C.* Death and burial in the Roman world. N.Y., 1971. 336 p.
377. *Trbuhović V.* Južne kulture i naroda prema lužičkoj kulturi. Praslovenima i slovenima // I Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. T. I. Wrocław etc., 1968. S.255—289.
378. *Történelmi világtlasz.* Budapest, 1991. 237 c.
379. *Udolf J.* Balkanische Heimat der Slawen und Kroaten im Lichte niedersächsischer Ortsnamen // Folia onomastica Croatica. 1997. Knj 6. S. 159—187.
380. *Varsik B.* Byzantinische Gürtelschnallen in mittleren und unteren Donauraum im 6. und 7. Jahrhundert // SlAr. XL. 1992. S. 77—108.
381. *Várady L.* Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376—476). Budapest, 1969. 602 s.
382. *Vékony G.* Dacians – Romans – Romanians. Budapest, 2000. 252 p.
383. *Vernadsky G.* On the origins of the Antae // Journal of the American Oriental Society. 1938. №59. P. 96—112.
384. *Vrtel' L.* Pribina, Kocel', Unzat a Chotemir // Historický zbornik. Martin, 1996 (VI). S. 115—22.
385. *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150—172

386. *Zotović L.* The cult of Lunar goddess or the cult of Danubian horseman?

// *Старинар. Нов. сер. Београд, 1998. Књ. 49. Р. 63—75.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1
- 2 БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.
- 3 ВВ — Византийский временник. М.
- 4 ВДИ — Вестник древней истории. М.
- 5 ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- 6 ГИБИ — Гръцки извори за българската история. Т. I—III. София.
- 7 ДГ — Древнейшие государства на территории СССР. М.
- 8 ЛИБИ — Латински извори за българската история. Т. I—II. София.
- 9 РА — Российская Археология. М.
- 10 ПВЛ — Повесть временных лет. Ч.1.: Текст и перевод. М.—Л., 1950.
- 11 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.; СПб.
- 12 СРВИ — Сборник радове Византинолошког Института. Београд.
- 13 СА — Советская археология. М.
- 14 ЭО — Этнографическое обозрение. М.
- 15 ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславян-
- 16 ский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М.
- 17 AASH — Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Buda-
- 18 pest.
- 19 AÉ — Archeológiai Értesítő. Budapest.
- 20 ByS — Bysantinoslavica. Prague.
- 21 EB. III — Encyclopaedia Britannica. Vol. 3. Chicago etc.
- 22 EI — First Encyclopaedia of Islam, 1913 – 36. Reprint. Leiden etc.
- 23 JPMÉ — Janus Pannonius Múzeum Évkönye. Pécs.
- 24 MGH SRM — Monumenta Germaniae historica.
- 25 MMFH — Magna Moraviae fontes historici. Vol. I – V. Brno.
- 26 RE. Suppl. — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswis-
- 27 senschaft. Supplementa. Stuttgart.
- 28 SSH — Studia Slavica Hungarica. Budapest.

1 SIAr — Slovenská archeologija. Bratislava.